

Марк Веро

**НАД КРОМКОЙ
ВОДЫ**

12+

Марк Веро

Над кромкой воды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67847475

SelfPub; 2022

Аннотация

Перед вами авторский сборник, в который вошли рассказы разных жанров: как сказочные о приключениях семейства гномов, которые будут интересны и взрослым, фантастический об обществе будущего с его погружением в виртуальную реальность ("И у морей бывают отливы"), так и лирические, порой драматические рассказы из повседневной жизни, навеянные крымской красотой ("Крымский роман", "Алупка"). Исключением стоит рассказ, предвещающий события исторического фэнтези "Когда тени вернутся". В конце сборника – цикл миниатюр "На заре" – ранние сочинения.

Содержание

Алупка	4
И у морей бывают отливы	28
Долина живых колодцев	66
Крымский роман	82
Баллада о дружбе и любви	103
"ИСТОРИИ ХОЛМОГОРИИ"	108
Про уши и глаза	109
Про память и сердца	117
Про ноги и леса	127
Про камень и зубы	140
Про масочных и безмасочных	153
«НА ЗАРЕ»	161
Сказание об Адее и Леонии	162
Предчувствуя	172
Капля дождя	181
Чудо жизни	190
Сон	197

Марк Веро

Над кромкой воды

Алупка

Ах, Алупка! Эта изумрудная жемчужина на южном берегу Крыма! Тихая, спокойная заводь среди бушующего моря. Алупка – такая непохожая на все остальные города Крыма, словно выросшая в многодетной семье, где у братьев и сестёр волосы ложатся прямо, ровно, а у неё – кудрявятся, как барашки на волнах. Раскинулась она в живописном месте, присоединившись к крутым склонам Ай-Петри настолько, что так и кажется: вот заканчиваются остроконечные верхушки крымских сосен, раскидистые ветви дубов и клёнов, и начинается могучая диабазовая спина величавой горы, которая простояла тут тысячи, миллионы лет, повидала на своём веку взлёты и падения цивилизаций и целых континентов. И наверняка простоит здесь ещё столько же!

По Севастопольскому шоссе, со стороны Кореиза и Ялты шёл мужчина преклонных лет. Шёл не быстро, размеренно, но зато упорно и настойчиво. Так ходят старинные настенные часы с кукушкой: равномерно, как по гулкой мостовой, отбивая свои тик-так, тик-так. Мужчине на вид можно было дать лет семьдесят: три продольные морщины на лбу,

идущие от одного виска к другому, небольшой ёжик седых волос, щёки с бороздками, что тянулись к сильному, ровно-му носу, тонкие губы с уголками, поднятыми кверху, и спокойные, добрые сизо-зеленые глаза с нависшими бровями, – таков внешний облик нашего героя. Что самое необычное. по паспорту ему было на пятнадцать лет больше! В 1925 году родился будущий дядя Миша, а ныне – деда Миша, как обращались к нему его соседи: «Здравствуйте, дядя Миша! Доброго вам дня!» И он в ответ приветливо улыбался и приподымал на пару сантиметров от головы свою излюбленную серую кепку с полуистёршейся надписью «USA. California».

Не так давно, всего лет десять назад, эту кепку подарил ему сын на день рождения, которые дед терпеть не мог, и всегда норовил куда-нибудь уйти, подальше от гостей – да хотя бы в погреб за банкой солёных огурцов или помидор к горячей картошечке, несмотря на возражения и крики близких, что «никто ничего не хочет» и «всё есть, всё принесено, давайте садиться за стол, деда Миша». Но он никогда их не слушал, особенно жену, ушедшую на покой год назад, и делал всё, словно ей наперекор.

– Дед всегда отличался такой упёртостью! – в сердцах, кряхтя, говорила старуха, но после неизменно добавляла. – За это, за его настойчивость и полюбила его! Три раза добивался меня, уговаривал родителей, присылал сватов, а на четвертый я не устояла и согласилась. И... эх! Право, не жалею!

Все смеялись и ждали, когда дед, долго провозившись, наконец, притянет трехлитровую баночку солений, причмокивая от удовольствия.

– Эх, когда это было! – словно в ответ на свои мысли, произнёс дед. – После той ссоры никто не приходит ко мне справлять день рождения. Все забыли. Даже сын, и тот, – раз в неделю приходит. А о внуке я лучше вообще промолчу. Я для него точно умер! Но как мне его обвинять? Я сам во всём виноват! Как мог раньше этого не видеть, не понимать? Вот уж в самом деле – «когда рок настигает, око мудрости слепнет». Но я всё исправлю. Ещё не поздно. Не поздно. Сколько лет прошло! Неужели Димка не сможет меня простить? Он ездил на мне верхом ещё в те времена, когда бегал под стол так же легко и грациозно, как бегают бегуны на стометровке! Ох, и белобрысый же он был! Худющий как палка. А сейчас, поди, отрастил животик, небось. Уже скоро. Немного осталось идти. Простит меня Димка. Не может не простить, перед тем, как я покину эту грешную землю.

С шумом и свистом проносились легковые машины и маршрутные автобусы с отдыхающими. Дед провожал их долгим испытующим взглядом: сам он родился и вырос на крымской земле, с детства выпитал её живительные соки, и повидал немало самых разных туристов на своём веку: всегда, на три летних месяца, выделял для них флигель. Так за лето собиралась немалая копеечка.

Дорога петляла, сворачивая то направо, то налево. Вместе

с ней петляли и дед, и водители маршруток.

– Всё равно это не серпантин на Ай-Петри, – пробормотал деда Миша и зашагал дальше.

Через час вышел на прямую, широкую улицу. По бокам пошли сплошные заборы с участками и частными домиками. Впрочем, буйно разросшиеся деревья давали не только тень и какую-никакую прохладу от сорокаградусной жары, но и бесплатную еду – целые ветви со спелой алычой, никому не нужной, свешивались через край. Бери – не хочу! Подкрепившись, забросил за спину лёгкий походный рюкзачок, такой же потрепанный как кепка, но такой же не рвущийся, как её хозяин. «Что значит советское качество, – восхищенно сказал деда Миша, – прослужит еще лет десять, по меньшей мере!»

Дорога пошла под уклон и вывела на окраину города. Знакомые покатистые домики весело смотрели под лучами полуденного солнца. В это время больше всего хотелось окунуться в освежающую морскую пену, нырнуть с головой, да так, чтобы смыть прикипевшую к тебе жару. Поэтому деда Миша несказанно обрадовался, когда повернул голову налево, и увидел, что далеко перед ним, внизу, раскинулось, расплескалось Чёрное море изумительной синевы, сливаясь подчас с небом. От одного края горизонта до другого, насколько хватало глаз, протянулось оно – такое родное с детства, манящее и сказочное море!

Спуск оказался крутым – улица резко уходила вниз, и по-

неволе пришлось замедлить шаг: силы далеко не те, что были в молодости. Асфальт закончился, пошла вымощенная камнями дорога, одинаково предназначенная как для водителей, так и для пешеходов. Движение зачастую бывало весьма тихое и спокойное, так что разминуться и тем, и другим не составляло труда.

– Вот то-то Димка удивится, когда увидит, как я вхожу к нему в дом! У него, наверное, сынишка вырос – тот жук ещё! – Носится по пригоркам, небось, Большого Хаоса, и в ус не дует! Сколько ж ему сейчас? Лет восемь? Взрослый пацан! Вот найду-ка в этот магазинчик «На Ялтинской» да куплю ему что-то вкусное. Что любят мальчуганы его возраста? У вас мороженое какое есть?

– Вот выбирайте любое, какое нравится, – ответила продавщица, снимая с морозильного контейнера плотную тряпку, которая, видимо, служила дополнительной защитой от жарких лучиков крымского солнца.

– Так... пломбир, плодово-ягодное, фруктовый лед, – бормотал дед Миша, – нет, знаете, это всё не то.

– Почему же? – мило удивилась женщина.

– Да не донесу я его – растает! Дайте-ка лучше вот ту большую, красочную коробку с леденцами!

– Пожалуйста, берите, – услужливо защebetала продавщица, доставая коробку с полки.

– А это вам... без сдачи.

– Вот и спасибо, приходите почаще!

– Да вот если внук примет виноватого деда, простит его – тогда буду часто приходить, – ответил старик, выходя и закрывая за собой дверь. – Однако вес прибавился. Ну, ничего, дойду как-нибудь.

И, усмехнувшись, зашагал вниз по спуску.

Один поворот, другой, крутой спуск... Настолько, что едва не полетел, как снежный ком с горы; вот, наконец, открылся перед ним Воронцовский парк, маня и раскрывая объятья своими каштановыми и дубовыми аллеями, раскидистыми платанами, блестящим лавром, в тени которых ждало спасение от зноя. Входя сюда, сразу окунаешься в первозданный лес. Разве что скамейки, урны и таблички напоминают тебе, что всё это – творение рук человеческих. Да охранник может подойти и также напомнить раздетому туристу: «Оденьтесь, вы находитесь в музее!» Да, пожалуй, весь парк, с его крупными магнолиями, итальянскими соснами, пальмами, кипарисами, живописными тропинками меж крупных камней, где журчат искусственные водопады с кристально-чистой ледяной водой, бегущей с гор, с террасами и скульптурами застывших львов, целым каскадом из трёх озер – Форельного, Лебединого и Зеркального, где величественно плавают полуручные лебеди, наконец, с Воронцовским дворцом – этим шедевром замкового строительного искусства, – представлял собой настоящий музей, входя в который обретаешь спокойствие, которое так трудно найти в повседневной городской суете. Невольно погружаешься в мысли о пре-

красном.

В таком созерцательном настроении и бродил по парку деда Миша. Жизнь, казалось, целиком состояла из тонких, парящих ниточек красоты, которые, сплетаясь воедино, являли чудный узор, радовали душу.

Задержался у Лебединого озера – залюбовался милой картиной: девушка, порезав на мелкие кусочки огурец, скармливала его белому лебедю. Тот от удовольствия приподнял крылья кончиками вверх и с жадностью набрасывался на огурец.

– Гоша, тише, тише! – уговаривала его девушка. – Успеешь: у меня с собой ещё один есть. Вот прожорка!

«А мне пора идти дальше, – спохватился старик, – а то тут можно просидеть целую вечность, потеряв счёт минутам и часам. А дом-то близко. А как внук обрадуется! Только сперва извинюсь. Буду просить прощения хоть на коленях! Не встану, пока не простит! Удивительно: кажется, что лишь теперь по-настоящему живу на этом свете. А что же было до этого? Какая жизнь-то была? Разве я понимал, что – живой?» – рассуждая так, деда Миша и не заметил, как прошёл тропинками парка, спустился на асфальтовую дорогу, миновал Воронцовский дворец с его зубчатыми шпилями с готическими и мавританскими башнями, и вышел в город, где шумные лотки, проезжающие машины, магазинчики и сувенирные лавки быстро растворили очарование, навеянное парком и его своеобразным мирком, точно отгорожен-

ным невидимой стеной от окружающего, большого мира. Так путник, побывавший в оазисе, вспоминает часы и дни наслаждения и отдыха, когда, решившись продолжить путь, вступает в необъятные просторы пустыни.

Лямки рюкзака больно врезались в натруженную спину. Старик закричал, зашевелил спиной и плечами, стараясь размять затёкшие мышцы.

– Ничего! Уже скоро. Кажется, я уже вижу крышу его дома! Да-да, так и есть: то она – бледно-зелёная, утопающая в листьях инжира и персика. Осталось идти немного. Вот сейчас соберу все силы в кулак и как рвану, хе-хе, буду там через полчаса! Ещё целых полчаса. Что же я скажу Димке? Сразу бухнуться ему в ноги или попробовать начать с извинений и раскаяния? – деда Миша почесал затылок, невольно прибавляя ходу, отчего слова зазвучали с одышкой. – Ох, я виноват! Как же я виноват! Разрушил счастье всей его жизни, поступил подло и низко. А ещё считал себя любящим дедом, уверял себя же самого в правоте: что, дескать, всё ради его же блага, чтобы не погубил себя... И как всё обернулось трагически? Кто же знал, что так случится? Вот ведь правда: слово может как спасти, так и погубить!

Последние шаги дались легко, ноги сами несли к заветной цели, да и брусчатка оказалась хорошей – твердой и шероховатой, так что старые кроссовки, заношенные до дыр, побежали, как в юности.

Вот, наконец, знакомая улица, вот бледно-зелёные воро-

та, за которыми дремала их легковушка, вот белый, точеный забор, и почтовый ящик, и калитка со звонком. По руке пробежала лёгкая дрожь, дыхание перехватило, как у прыгуна с вышки перед погружением в воду.

– Надо решиться. Он меня простит, простит, – уговорил себя деда Миша, нажав несколько раз кнопку звонка, мягко, плавно, без резких движений. И звонок, словно в благодарность, нежно пропел свою песню, сделав игривый перелив ровно посередине песни.

За дверью послышался лёгкий топот ног, как перебежка, а через пару секунд – твёрдый шаг вдаль, метрах в десяти от дверей. Что-что, а слух к своим годам дед сохранил изумительный!

– Слышу-слышу! Иду. Кто там к нам пришёл? – раздался зычный женский голос.

Скрипнула задвижка, защёлкал язычок замка, дверь протяжно вздохнула и отворилась. На пороге стояла женщина средних лет, далеко не девочка, но и не в тех годах, когда остывают страсти и приоткрывается вторая молодость. Телом она обладала не крупным, но на боках лежали следы мучных блюд, так что лёгонький цветастый халат в тех местах натягивался до предела. По лицу читались признаки татарского происхождения – и в уголках глаз, и в лукавом изгибе губ. Смотрела она прямо, без испуга или волнения в глазах, которые вспыхивают от неожиданности у впечатлительных особ.

– И? – спросила дама. – Добрый день. Вы к кому? По какому делу?

– Не узнала, Айнур [лунный свет (с татарск.)]? – всплеснул руками гость. – Да и немудрено: виделись мы всего несколько раз, да и то очень давно, почти десять лет назад. Я тогда был совсем другой. Моложе. Хотя и глупее. Ты меня смешно звала, помнишь, – «дядя Миша»... «Ох, не зря же вы Остренский! – Язык у вас – как игла», – говорила ты. Ну, вспомнила, дочка? Пускай же дедушку в дом. Шёл большую часть дня пешком, спина гудит так, что врагу не пожелаешь.

– Проходите, проходите, – отстранённо произнесла Айнур, отступая в сторону и жестами приглашая войти.

– Пришёл к внуку. Буду просить прощения. Сильно виноват перед ним. Дома-то Димка хоть?

– А бог его знает! Он передо мной не отчитывается. Кажется, мелькал где-то за день, надо пойти посмотреть. Идёмте. Удачно зашли. Зашли бы вчера – то стучались бы в дверь понапрасну. Меня не было дома. А Дмитрий никому никогда не открывает. Ну, проходите в дом, отдохнете с дороги. И пойдём искать Дмитрия.

– Да? А как ваш Артёмка? Слышал топот его маленьких ног. Спрятался за погреб, что ли?

– Похоже на то.

В будке залаяла небольшая собачка, высунула лохматую головку и тут же обратно спрятала, будто стесняясь гостя. Артёмка, шkodливый мальчуган с зелёными коленками и

взлохмаченными волосами, выбежал из-за погребца с деревянным ружьём. Увидев незнакомого взрослого, он стал как вкопанный и смотрел, не мигая, пока мама объясняла, что это пришёл его прадед. Лучше слов подействовало угощение: он быстро схватил коробку, расплылся в улыбке до ушей и стремглав побежал в сад, боясь, как бы мама не забрала трофей со словами: «Не всё сразу, конфеты будешь есть после еды!»

Айнур повела старика в комнату для отдыха. Они вошли в большой дом и из просторной гостиной, поднявшись по лестнице, попали на второй этаж. В длинном коридоре мелькали ручки дверей – так много здесь оказалось комнат! Навстречу им из одной такой комнаты вышла девочка, судя по виду, одежде и небольшому поклону – служанка.

– А где Дмитрий сейчас? – спросила Айнур.

– Ваш муж пошёл на пляж, отдохнуть, искупаться, – почтительно ответила девочка лет двадцати.

– Знаю я эти его «отдохнуть», – проворчала жена, хмуря брови. – Когда вернётся – скажи мне! Хоть раз за три дня увижу его. Да и дед его вот пришёл.

– Хорошо. Непременно.

– Вот, проходите, деда Миша, – Айнур подвела его к комнате для гостей. – Отдыхайте.

– Спасибо, дочка. Не сердись на Димку. Он сильно настрадался в этой жизни.

– Да уж, сильно! Куда сильнее? Гуляка несчастный! По-

добрала его, считай, с улицы, обогрела, приютила. Женила. На себе. А он вместо благодарности вон какие кренделя выкидывает, – Айнур зарыдала.

Деда Миша обнял её и усадил на диван, уговаривая, успокаивая:

– Ну что ты? Будет тебе.

– Да я и сама прекрасно знала, что так будет, – всхлипывала безутешная женщина, – когда брала его в мужья. А кому я была нужна в родном посёлке, обесчещенная, пусть и богатая девка? Никто бы не позвал меня замуж, ни один достойный жених! Не спрашивал бы меня мулла перед никях [религиозное оформление брака] трижды, добровольно ли я вступаю в брак. Не танцевали бы мы танец жениха и невесты, не пели бы нам «Пусть эта ночь будет благословенной».

– Как же так, дочка?

– Да молодая я была и глупая, весёлая до беспамятства. Загуляла я с одним приезжим мужчиной. На десять лет старше меня. Встретила его в клубе в соседнем посёлке да не устояла перед его очарованием, увлеклась, влюбилась так сильно, что забыла и отца, и мать. Не видели они меня более недели. Плавали с ним и на яхте, и в аквалангах ныряли, гонялись за яркими желто-красными рыбками, будто где-то далеко в тропиках мы оказались внезапно. Весь мир замирал и оживал только со стуком его сердца, только со взглядом его жгучих карих глаз. А потом, на утро, я проснулась в номере одна: ни его, ни его вещей! Пропал бесследно. Паспорта его

я не видела, а имя и фамилия, под которым он снимал номер, оказались ненастоящими. Месяцы напрасных поисков! И один итог – разочарование. Когда я вернулась в родной посёлок, то узнала, что попала на полосы газет. Подруги отвернулись от меня, молодые люди обходили стороной. Родители в глубине души так и не простили меня: несмотря на все заверения, в их сердцах я читала лишь боль и досаду. Когда через год они умерли почти сразу друг за другом, я оказалась наследницей больших денег. Но зачем они мне? Разве на них могла я купить счастье? Продав всё, что за долгую жизнь нажили родители, я уехала в Ялту. Гуляла на полную! Ночная жизнь стала для меня нормой. Словно доказывая своё имя, гораздо чаще видела я обманчивый лунный свет, чем яркое, горячее солнце. Но ничто не помогало. Никак не могла я забыться. Недолгие радости были, а счастье – нет. Видела, что иду к неминуемой гибели своей. И собрав остатки сил, вырвалась из весёлых объятий Ялты и переехала сюда, в тихую Алупку. Понемногу тут успокоилась, отошла, купила этот шикарный дом, вложила сбережения в банк, зажила обычной жизнью. Изо дня в день бродила по Воронцовскому парку, слушала журчание водопадов, любовалась густой листвой платанов, кормила белочек, которые резвились на соснах, а, увидев лакомство, тут же неслись к тебе. Вдохнула вольной грудью, будто сбросив тяжёлые оковы. И когда встретила Дмитрия, так же одиноко гулявшего по парку, подумала: «Вот она – моя родственная душа!» Мы разгово-

рились, блуждая по тропинкам, отдыхали на лавочках возле лебединых озер, смотрели, как лебеди и утки пересекают водную гладь, смеялись, когда в воде, как пуля, проплывала милая крыска, совсем не той страшной породы, что встречаются во дворах! Он изливал душу, говорил о разбитом сердце. Не знаю, жалость или любовь зашевелились во мне, когда я нежно поцеловала его? Или приняла его за верный расчёт? Стремиться к большему я не хотела. Все знакомые остались в прошлом, как за чертой, переступить которую не суждено. А чем Дмитрий хуже или лучше остальных мужчин, которых бы я встретила? Да ничем! Кров у меня был, большое ложе имелось. Не доставало только кого-нибудь, кто согревал бы в нём в долгие зимние вечера.

– И для этой роли вы выбрали Диму? – вздохнул деда Миша.

– А чем он не подходил? Мужчина – он и есть мужчина. Скоро я заставила его забыть ту, о которой он убивался. Настойчивыми ласками да развлечениями заманила его, связала узлами брака. Он не сопротивлялся. У нас родился сын, Артёмка. На какое-то время жизнь в семье была если не идиллией, то вполне сносной. Но прошли года. Артёмка рос, а Димка охладевал ко мне с каждым днём и неделей. Пока не переселился в отдельную комнату. Вечером, после работы, когда возвращался с почты, то запирался там. Не достучаться! А рано утром быстро выскальзывал из дома, завтракая в столовой. Так могло продолжаться всю рабочую неде-

лю. И хотя я была замужем, мужа не видела целыми днями! И Артём рос без отца, виделся с ним, в основном, по выходным. Потом я стала замечать, что какие-то ночи пропадал неизвестно где, невесть с кем. На какое-то время после очередной ссоры и скандала бросал свои похождения... а потом опять загуливал. Так и живём мы последние лет пять. Через служанку я передаю, что хочу, чтобы сделал одно или другое дело, или побыл со мной. Так и говорю ей: «Передай, что хочу, чтобы он побыл со мной». А большего мне и не нужно. Даже злость на него поостыла за последнее время. В конце концов, что хочу – то делает: беседку построил, бассейн в саду вырыл, обложил розовой плиткой. Так и живём.

Деда Миша погрузился в раздумья, иногда переводя взгляд с Айнур на большое пластиковое окно, за которым рос инжир. Айнур выплакалась и успокоилась под конец рассказа. Видно, что ей полегчало.

– Ладно, отдохайте, деда Миша, не буду вам мешать, – любезно, тепло молвила хозяйка дома. – Когда придёт Дмитрий, позову вас. Отдыхайте! – и она вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

Деда Миша посидел неподвижно на кровати минут пять, думая о превратностях судьбы, а после прилёг на мягкую, удобную кровать с чисто выстиранным пододеяльником, и заснул.

Снилось, будто попал он на праздничное застолье: столы ломятся от яств, комната полна людей. Все родственники

здесь: и сын с женой, и внук Димка с Айнур, и Артёмка, даже Клабочка, давно ушедшая с этой земли, тоже здесь. И вот он входит в комнату, до всех так далеко, точно комната растянулась в длину. Пытается аккуратно пробраться к месту – Димка там, смеётся, совсем как в годы юности. Все замечают, какой он весёлый, счастливый. Наконец протискивается, садится на место, извиняясь: «Придётся немного потесниться». А место оказывается странное: будто не стул, а доска как качели на канатах под ним и слегка раскачивается. Как вдруг народ сам по себе расходится. Видно, засиделись за столом, и свободных мест сразу много становится – занимай любое!

Тут он проснулся – кто-то легонько теребил его за плечо. Это оказалась девочка-служанка.

– Хозяйка велела разбудить вас: он вернулся.

– Кто, кто? – спросонья пробормотал деда Миша, протирая глаза и удивляясь, что за окном стемнело, и первые звёздочки, как бусинки, зажглись на тёмно-синем небе.

– Да внук ваш, – напомнила девочка.

– А-а... конечно, конечно. Я сейчас буду... Спасибо, девочка.

Деда Миша наспех привёл себя в порядок, вздохнул с облегчением, предвкушая долгожданную минуту, и засеменял по лестнице. Сердце забило быстрее. Вот, наконец, он сможет сбросить то, что так долго мучило его, – кандалы вины. Что гложет и не дает покоя. А без обретённого покоя старость принесёт не отдохновение от бурной жизни, не мед-

ленное, вдумчивое изучение прожитой жизни, а сплошные несчастья, душевные муки и болезни.

В столовой собралась вся семья: во главе стола сидела непреклонная Айнур, грозно шевеля бровями. Слева от неё сидел, ерзая на стуле, Артёмка, справа, откинувшись на спинку стула, – Димка, её муж. В свои тридцать пять лет он имел лицо, изборождённое морщинами и следами бессонных ночей; волосы небрежно спадали с висков, наполовину закрыв уши, твёрдый нос, воспаление на губе, чуть сутулая осанка, теперь едва заметная, но спустя годы грозящая радикалитом и серьёзными осложнениями со спиной, – во всем внешнем облике читалось безразличие и усталость от жизни. На капризы сына он реагировал вяло, неохотно, так, будто это отвлекало его от каких-то важных и значимых мыслей.

– Внучок, здравствуй! – воскликнул с лестницы деда Миша, всплеснув руками. – Как я рад, что на склоне лет увижусь с тобой!

– Не могу сказать того же, дед. Но проходи, раз пришёл, садись за стол, поужинаем вместе, – предложил внук.

Служанка подала горячий плов – рис ещё дымился; налила небольшой бокал вина и разложила столовый набор на положенные места: вилку слева, нож справа. Деда Миша присел и сразу хотел перейти к главному, но внук махнул рукой и цыкнул:

– Наболтаемся ещё. Хочется поесть в тишине.

– Когда это мы наболтаемся? – едко спросила Айнур. –

Хочется знать.

– Когда-нибудь... – буркнул муж и усиленно застучал вилок по тарелке, налегая на плов.

Даже Артёмка, вечно шумный и голосистый, притих и наворачивал за обе щеки. Деда Миша жалобно смотрел. Еда вставала поперёк горла, но, казалось, никого это больше не заботило.

«Надо извиниться, – думал старик, – бухнуться ему в ноги и просить прощение. Или, может, обождать? Вон он какой – не настроен сейчас разговаривать. На жену и сына не смотрит. Может, на работе день тяжёлый был? Глядишь, поест, расслабится – вот тогда к нему и подойду. Да, лучше подождать».

Ужин прошёл в гнетущей тишине. Один Артёмка справился быстро и закричал: «Мам, можно я мультики побегу смотреть?» Получив согласие, он испарился, как летний дождик в полуденный зной.

После ужина все дружно встали из-за стола и, не обмолвившись ни единым словом, разбрелись по комнаткам. Деда Миша прошёл за внуком до самой двери его норки.

– Дим, есть важный разговор. Позволь излить тебе душу. Я так много исстрадался за эти годы, что жду минуты побыть наедине с тобой...

– Послушай, дед, я устал после работы. Давай завтра, а? Деда Миша хотел было возразить, что это не займёт много времени, что только извинится и пойдёт дальше своей доро-

гой, не обременяя внука личным присутствием, но захлопнутая перед носом дверь красноречивей всего говорила о несбыточности этого желания. Ничего не оставалось, кроме как развернуться и идти спать в гостевую комнату. На всякий случай, дед постоял пять минут, легонько постучался, и, не получив ответа, поплёлся наверх.

Ночь выдалась беспокойной: всю ночь ворочался, перекачиваясь с одного бока на другой, просыпался посреди ночи, тоскливо глядел на далёкие искристые звёздочки, которые, единственные на всём белом свете, смотрели на него с состраданием и обещали, казалось, вернуть покой.

– Давай поговорим. Хоть одну минутку! – прицепился дед Миша к внуку с утра, когда тот, одетый в рабочий костюм, выскочил как ужаленный из комнаты.

– Не могу, дед. Опаздываю на работу! Понимаешь ты это?

– Но всего пару слов. Ничего не убудет с твоей работой.

Ты прости...

Но внук не дослушал, схватил на ходу сумку, и выскочил на улицу, едва взглянув на заспанную Айнур.

– Хорошего дня! – пожелала та, но Дима был уже далеко.

Дед поник.

– И это у вас так каждый день?

– Это ещё неплохое начало дня. Надо будет придумать ему какую-то работу в моей комнате – хоть поговорим тогда о чём-нибудь. Может, дать ему задание поменять все розетки на розетки с крышкой? Артёмка постоянно носится со вся-

кими железками. Гляди – засунет куда? Хорошая мысль? – задорно подмигнула Айнур, и деда Миша вдруг со всей отчетливостью увидел её невостребованную женскую красоту и ласку, смутный огонёк, что теплится даже в самой замасленной, закопчённой лампочке, но стоит протереть её начисто – как он вспыхнул бы с новой силой!

День тянулся долго, как резина, и всё не заканчивался. Успел он побродить по всему дому, саду, беседке, посидеть у бассейна, помочить натруженные ноги.

Вечера деда Миша ждал с большим нетерпением, но история повторилась в точности со вчерашним: за ужином внук только отмахивался, не желая слушать, и угрожал уйти из-за стола, если дед не оставит попыток; а после ужина, ссылаясь на усталость, ушёл в комнату «смотреть телевизор, хоть немного отдохнуть». Точно то же самое случилось и на следующий день, и через день. Деда Мишу приняли по всем правилам гостеприимства. Айнур понравилось с ним беседовать о прожитой жизни. Она по-другому теперь относилась к гостю: он стал ближе и родней. И вся нерастраченная ласка и забота полились обильным ручьём к деду Мише. Никто его не прогонял, но внук по-прежнему словно не замечал его. Словно это была знакомая, давно прочитанная, но не любимая книга: и выбросить жалко, и хочется засунуть её куда-то подальше от глаз.

После долгих колебаний дед пошёл на хитрость: поужинал раньше всех и нырнул в комнату внука, ждать того в заса-

де. Комната не изобиловала обстановкой: кровать, прикроватная тумбочка, высокий дубовый шкаф, сервант, телевизор на тумбе, и письменный стол с компьютером с широким экраном, и штативом с веб-камерой.

– Чем он тут вечера и ночи занимается? – пробормотал дед.

Но все мысли его прервались разом, едва скрипнула дверь и вошёл внук с недовольным лицом.

– Дед! Ну, что ты тут делаешь? Иди в свою комнату. Я устал и хочу отдохнуть.

– погоди минутку! Присядь вот на кровать, – взмолился дед и бухнулся на колени. Внук так опешил, что сел с раскрытым ртом. – Извини меня, Димка, старого глупца, что испоганил тебе жизнь. Я так виноват!

Полились могучие потоки искренних извинений, обдуманных за долгое время. Дед всё говорил и говорил, а внук слушал, не шевелясь.

– Да, это я, осёл и дурак, рассказал родителям Ани, что их дочь танцует в ночном клубе на сцене, и они после этого отправили её к бабушке в деревню в Одесской глубинке. Да, я считал, что она, на десять лет тебя моложе, с неуёмными страстями, непременно погубит тебя, исковеркает всю жизнь, а под конец бросит одного с детьми на шее. И будешь ты корить себя и весь белый свет, что никто не подсказал тебе. Да, я не верил в вашу любовь. Как по мне, то была одна лишь страсть, которая даёт яркое пламя, но так же быстро,

как разгорелась, так и тухнет. Да, я считал, что из того союза не выйдет ничего путного. Но лишь недавно понял, что и я, и твои родители хотели скроить тебя по своему подобию, переделать в идеальный образ, но, приложив усилия больше нужных, сломали тебя. Ты с детства отличался от брата. Он сейчас получает второе высшее образование в Москве, со временем хочет заняться диссертацией. Для тебя же улицы и гулянки – важней всего. Только недавно меня осенило, как грубо я вмешался в твою судьбу. Ведь ты стоял на ногах, думал своей головой, готовился к свадьбе. Как мог я так поступить? Да, надо было с тобой говорить, объяснять, увещевать, но предоставить тебе самому сделать жизненный выбор. Как птенец сможет, вывалившись из гнезда, полететь, если взрослые не давали ему махать крыльями самостоятельно, а делали это всё время за него? Да, пускай бы ты ошибся, набил шишек, наломал дров. Но то были бы твои шишки, твои дрова. Твой собственный опыт, выученный пусть и горько, но выученный же! И тогда бы, дай бог, ты одумался и переменял свою жизнь. А может, были не правы мы все? И ты бы силой своей любви вытащил Аню из её ночной жизни, поднял бы над утехами и легкодоступными радостями? Может, как шелуха, отпали бы от неё лёгкие наркотики и беспутная жизнь? И ты бы вдохнул в неё струю другого воздуха, другой среды? Быть может, мы все были не правы! Я приношу тебе все извинения, какие только могу, и прошу об одном только: прости меня! Дай старику уйти из этой жизни спокойно, с

чувством раскаяния и знанием того, что его простили!

Лицо у внука смягчилось, в глазах заблестели росинки, как рано поутру, на заре нового дня.

Деда Миша счёл это за благоприятный знак, и продолжил приободренный:

– Я тебе больше скажу: ты, быть может, сам того не со- знавая, лишаешь себя счастья в жизни, зарываешь его, как крохотный росток, едва пробивающийся из каменистой поч- вы. Рядом с тобой живёт и ходит чудесная девушка! Ты же своим умом сколотил такую скорлупу, сквозь которую нель- зя ни увидеть, ни притронуться к прекрасному. Прекрасное живёт в каждом из нас. Даже если мы со всех сил убиваем его в себе и других. И заметить тонкие душевные движения не под силу уму, обращённому на себя одного как на центр ми- роздания. Но не ради тебя крутится Земля и сияют звёзды! А день сменяет ночь. Всё устроено так мудро, чтобы ты, ра- но или поздно, взглянул на близкого тебе человека и увидел прекрасное в его душе, и загорелся бы желанием жить ради него, трудиться, пробуждаться и засыпать. И тогда, неждан- но для тебя, проклюнется, как цыплёнок, счастье в тебе са- мом! Это я понял, пока шёл долгие годы к тебе, чтобы по- смотреть в твои глаза, обратиться к твоему сердцу, и сказать: «Димка, извини за мою глупость! Не губи себя, жизнь – уди- вительна, и новый поворот может показаться, где его совсем не ждёшь. Прости!»

Дима рывком заключил деда в крепкие объятия и произ-

нёс ему на самое ухо:

– Прощаю.

Полночи они скоротали вдвоём, говоря обо всем на свете, а под утро воскресенья, отоспавшись, дед забросил рюкзак на плечи и обнял провожающих его Диму и Айнур. Артёмка то выпрыгивал из-за погребка с игрушечным автоматом, то вновь прятался. Минута прощания – и вот гордый силуэт деда потонул в городской пыли, сливаясь с мощёными камнями улицы. Долго ещё стояли у калитки, обнимая друг друга, Дима и Айнур, даже когда фигура деда окончательно растворилась, слившись с далёкими пушистыми облачками на бездонном голубом небе. Айнур молча стояла, восхищенно глядя в ожившие глаза мужа. Казалось, в них отражалось и само бездонное небо, и журчание водопадов в Воронцовском парке, и лебединая чистота.

В конечном итоге, подумала Айнур: «лунный свет тоже там был», – улыбнулась и нежно поцеловала мужа.

2016

И у морей бывают отливы

1

Трамвай шел плавно, едва-едва шурша колесами по рельсам, как опытный фигурист грациозно скользит по льду под звуки протяжной мелодии в темпе *andante*. Не спеша проплывали за окном сферические шапки новостроек, из-под которых жадно глазели хрусталики зеркал, хватая последние лучики сентябрьского солнца. Как громадные галапагосские черепахи, которых можно увидеть в «Зоопарке вымерших видов» в качестве голограмм-экспонатов, так исполинские новостройки затмевали собой архитектуру сооружений прошлых веков, отодвигая тех в закулисье. Былое обличье города оживало лишь по ночам, когда шапка из зеркал сворачивалась на покой. Тогда раскрывалась красота иного рода, подобно тому, как лунный цветок ипомея раскрывает свои белоснежные лепестки навстречу холодным отблескам далекого света. Но это бывало лишь по ночам, а теперь, среди бела дня, пока трамвай колесил по узким улочкам тихого австрийского городка Гмунден, почти все двух-, трех- и четырехэтажные дома скрывались под шапками аккумуляторных зеркал. Не видно всего того богатства красок, которым раньше любовались туристы, – ни желтых, красных, белых или сероватых стен жилых домов, ни их прямых, точно выведенных твердой рукой художника, линий, что непременно вы-

делялись на общем фоне, еще ярче очерчивая каждое окно, каждый балкон дома, каждый его контур; разноцветные черепицы не сверкали под лучами солнца, металлические вывески с вензелями не нависали над проезжей частью. Спокойно и размеренно шла жизнь очередного «города будущего», который преобразился после застройки по программе «Эко-общество».

Трамвай чуть дернулся и замер, подъехав к остановке. Из него вышел высокий, жилистый мужчина, коротко-стриженный, с худым удлинённым лицом и узкими плечами. На вид ему, казалось, лет тридцать пять, поскольку основную пору молодости Стив (так его звали близкие) переступил. И переступил, как это часто бывает, незаметно для самого себя. Годы шли вперед неумолимо, заботы, что были – те и остались. Вот и сейчас на открытом лице Стива читалось, как что-то его беспокоит.

Размашистым шагом взбежал он на ленту, что помчала его к дому. Зеркала, как лепестки громадного веера, разъехались в стороны. Стив очутился внутри купола, перед ярко-матовой входной дверью. Электронные датчики мигом считали его индивидуальный код по встроенному радиочипу, и дверь облегченно выдохнула, впуская знакомого гостя. Через пару минут Стив вошел в просторные апартаменты, где собственный рост не мешал, в отличие от тех редких вечеров, когда возвращался к себе домой, еле втискиваясь в узкую коробочку. Пройдя три-четыре помещения, гости-

ную и комнату для отдыха, Стив наконец подошел к рабочей комнате брата, в которой тот, впрочем, проводил столько времени, что она довольно быстро превратилась в жилую, укомплектовавшись выдвижными блоками санслужб и блоком для трехчасового восстанавливающего сна.

– Клайв! Это снова я, – выкрикнул он, входя.

В ответ раздалось гуденье – то двигались механические блоки комнаты, что подобно конструктору позволяли перестроить ее по любому вкусу. Спустя мгновение послышался далекий голос брата: «Проходи, проходи! Еще пару минут, и я как раз освобожусь на перерыв».

Стив зашел в комнату. С виду она не поражала размерами, занимая всего порядка двадцати квадратных метров. Но легко обмануться, поддавшись первому впечатлению: со всех сторон в ее стены встроили блоки, которые могли как принимать в себя различные узлы, будь то места для гигиены, спальня, библиотека или тренажерный мини-зал, так и освобождаться от них, отправляя те, как по конвейеру, во внутренние отсеки дома. И тогда открывался такой широкий простор, что в прежние времена здесь бы поместилась целая баскетбольная площадка. Комната брата оказалась завалена нужным и ненужным хламом, вещи валялись по всем углам, как у жильцов, которые не жаловали уборщиков, считая, видимо, что те портят естественную картину. Прямо перед Стивом, среди комнаты, громоздился куб гранитного оттенка, изнутри которого доносилось прерывистое каш-

лянье брата. Стив присел на стул, услужливо выехавший из стены сразу, как только невидимые датчики распознали у гостя желание отдохнуть.

Когда ожидание начало тяготить, из куба раздался сухой кашель и низкий приятный голосок: «Иду, иду!»

– Наконец-то, Клайв! Я замучился тебя дожидаться! – воскликнул радостно Стив, когда куб раскрылся, и на кресле, облепленном проводами, к нему повернулся младший брат – тощий, чахленький паренек, с широко посаженными глазами под косыми прозрачными линзами очков, твердым ртом и чуть вытянутым носом. Волосы небрежно спадали по сторонам, образуя некое подобие шапочки, так что холода, думается, были не страшны, даже если бы такая безумная мысль – очутиться на улице – и посетила его. Надо заметить, что Клайв работал «домашним служащим» в сфере обеспечения города. И последние лет десять не выходил за пределы дома, да и не чувствовал такой нужды, как, впрочем, и подавляющее большинство горожан после обустройства города на новый лад.

– Здравствуй, Стив. Рад, что ты зашел. Сколько ж мы не виделись? Два дня?

– Четыре! Опять не спал толком, что ли?

– Четыре? Ну да, ну да... Погоди минутку, сейчас поставлю системы на автоматическое обслуживание... так, сервер запущен, передаю управление, – и он нырнул в глубь куба, откуда мелькали на голографических панелях различные

схемы, тумблеры и «прочая паутина», как любил выражаться Стив, когда в очередной раз отказывался понимать, о чем же, собственно, толкует братец. – Вот всё и готово. Я снова дома. Как здорово вернуться и вдохнуть свежий осенний воздух. Сейчас включим имитацию... Так. Эй! Я сказал осенний воздух, но теплый!

– Да. А подуло таким свежим, что на улице прямо сейчас теплее, – Стив широко заулыбался, а брат оценивающе его осмотрел.

– Опять, Стив, что-то стряслось, да?

Тот глубоко вздохнул и кивнул.

– Сидел бы дома и проблем бы не знал. Контакт с людьми – это сплошной конфликт. Послушайся моего совета, подключись к «Эко-обществу», тебе загрузят все необходимое для жизни. И живи себе поживай, наслаждайся в свое удовольствие! Сколько раз тебе об этом говорил, но ты ж не слушаешься, и каждый раз встречаешь в какие-то неприятности из-за своей прямолинейности. Чего ты не последуешь моему совету? Жизнь изменится, обретет смысл!

– А ты счастлив, Клайв? Только честно. Ты же сейчас не тот «Клайв Твердовски», что живет в виртуальной социальной жизни, кого знает сам бургомистр. Тут только мы вдвоем...

Клайв на минуту задумался, умные глаза его потухли, как тухнет пламя свечи, накрываемое абажуром.

– Да, здесь больше никого и не бывает, братец. Счастье...

Да есть ли оно? Как ты его вычислишь, чем измеришь? Порой мне кажется, что его придумали люди прошлого века лишь затем, чтобы было чем обосновать свое существование. – Клайв мотнул головой, будто сбрасывая какое-то навязанное, и пылко продолжил: – А любую эмоцию, какая тебе приглянется, ты сможешь почувствовать, переведя жизнь своего «Стива Твердовски» в настоящую виртуальную, полностью интегрированную со всем городом и миром. Сегодня я, например, ездил в Вену. На старом поезде! Представь, какое это наслаждение!

– А я ездил на настоящем трамвае, смотрел своими глазами на мир и щупал своими руками. Но я к тебе пришел не спорить в очередной раз на эту тему, а поговорить о беде, которая как раз стряслась частично и из-за Стива Твердовски.

– Так, брат, рассказывай! Я весь во внимании.

– Подожди. Хорошо бы подкрепиться. Из-за всей этой истории я толком и не ел сегодня.

– Да? Давай подкрепимся. Пойдем в столовую. – Клайв приподнялся на пару секунд, закашлялся, ноги затряслись, и он тут же опустился в свой облегающий массажный стул. – Хотя ты иди, а я, пожалуй, подъеду: что-то не в форме сегодня бегать, извини.

И его стул, слегка изменив конструкцию, погрузился в едва различимый проём в полу и бесшумно вылетел из комнаты, обогнав и Стива, и еще не успевшую толком раскрыться столовую: стол только-только выезжал из блока в стене. Стив

зашел следом и остановился около холодильника, верхняя часть которого сливалась с бирюзовым потолком.

– Что будем заказывать? – спросил Стив, и холодильник ожил, будто проснулся от сна: передняя часть стала кристально-прозрачным сенсорным экраном, в глубине которого, ожидая нужного момента, прятались менюшки по едва ли не всей кухне мира и блюдам, начиная с первого и кончая десертом. Клайв подъехал.

– Как насчет чего-то лёгонького и простенького? Может, суп с фрикадельками, а на второе – утку в собственном соку с печеными яблоками?

– Да, не возражаю, – и Стив дотронулся до экрана, на котором как на параде выстроились изображения различных супов с фрикадельками: казалось, что их запах можно унюхать даже отсюда. Отличались они начинкой и огранкой: одни с зеленью и специями, другие – без ничего, или со сметаной. Сами блюда – настоящий пир для глаза: от праздничных и торжественных до нехитрых повседневных, или рассчитанных на скромный достаток финансовой карты. Наконец, выбор сделан, меню определилось, запрос о подтверждении высветился на экране, в правом нижнем углу ютилась цена заказанных блюд, списываемая со счета Клайва, указанного тут же. Клайв и бровью не повел, чтобы посмотреть, какая именно сумма высветилась. Экран поменялся, отсчитывая те тридцать минут, положенные на приготовление и доставку блюд. Стив оглянулся, желая продолжить разговор, но Клайв

уже спал, включив эти полчаса в свой график сна.

Проспал он чуть дольше, так что Стив получил заказанные блюда, открыв холодильник, когда время истекло, появилась надпись «Приятного аппетита!»: на полочке аккуратно стоял обед, почти такой же, как он выглядел на экране. Стив заглянул в зияющую пустоту отверстия, откуда выехала полка с блюдами, – там виднелась шахта с механизмами, лентами, подъемниками, бесшумно уехало вакуумно-гравитационное стекло, в котором находились блюда; отсек разгерметизации закрылся, и задняя стенка холодильника стала непроницаемой.

Обед прошел молча. Стив уплетал за обе щеки вкусную еду, которую приготовил далекий повар, закрепленный за жилым районом возле озера Траунзе. Утка оказалась чуть солоновата, точно подтверждая славу соленых источников за городскими стенами.

– Так что же стряслось? – первым прервал молчание Клайв, сперва кашлянув то ли по привычке, то ли в самом деле из-за болезни горла.

– Неприятная мрачная история, – не спеша пробормотал Стив, – не знаю, как теперь дальше жить. Ты – единственный, с кем могу посоветоваться. Закрутилось всё еще неделю назад где-то, дня за три-четыре, как был у тебя последний раз. Ты же знаешь Томаса?

– Этого полненького пингвинчика? С крючковатым носом и кудрями, свисающими на плечи, как у какого-нибудь ста-

рого рокера? Да, помнится, видел, встречал.

– Ну да, только в жизни у него уголки рта перекошены в разные стороны каждый, так что всегда непонятно: то ли он грустит, то ли смеется. Где-то с год, наверное, с ним дружил. Почти с того самого времени, как пришел в компанию, собственно. А что? С незнакомым напарником работать менеджерами по сбыту электроустановочных изделий – тоска зеленая, а вот если он – друг, то другое дело: с ним можно подружески обсудить всё, что на душе наболело, всё, что волнует и на какие вопросы не можешь сам найти ответ, – это ли не здорово?

– Не знаю, Стив... зачем что-то искать? Да ладно. И что же?

– А то! Неделю назад узнаю вдруг, что он... того... что у него свидания идут с одним парнем из нашей компании по имени... А, да черт с ним! Забыл, как его зовут. Я-то думал, что он – ненормальный, не такой как все, что он из меньшинства, и с ним потому дружил. Думал, что он будет давать жизнь новым людям, когда придет срок, встретит когда-нибудь свою мечту, прелестную деву, – лицо у Стива на миг просветлело, стало восторженно-поэтическим, глаза устремились на бирюзовый потолок, который на такие мечтательные мысли не наводил Клайва.

– Да, Стив. Тут я с тобой не могу не согласиться: эти «нормальные» – такая гадость, что аж мерзко становится, спасибо нашим родителям за воспитание! Как они там, кстати, по-

живают?

– Плохо, Клайв, плохо. В «комнатах для уходящих» разве можно хорошо жить, особенно, если сын материально не поддерживает? – в это время Клайв что-то забубнил на программистском языке, и Стив, так ничего не поняв, продолжил. – Всю эту неделю, помимо воли, в общем-то, сторонился, не заговаривал с ним; глаза косятся сами по себе, а смотреть тошно. А на днях так ему и сказал об этом, что «дружба окончена, не могу, мол, с тобой общаться, будут лишь чисто рабочие отношения у нас». Он весь побагровел, как клен осенний сейчас за окном, и демонстративно развернулся ко мне спиной. Разрыдался он, что ли, – я так и не понял. Тридцать шесть лет, а как мальчик взял и убежал. Вчера вечером же гуляю в соцсети, на окраинах, как обычно, не заходя в «Эко-общество» даже как гость; вижу – он идет! Ну и вырвалось у меня невольно это самое «дружба окончена». И в каком-то забытии пошел спать. Утром, только на работе узнал, что система удалила его из «списка друзей», выполнив таким образом мое желание, и этот статус, естественно, как волна прошелся по всей компании. Почему все смотрели на меня как-то странно-боязливо, с оттенком грусти, узнал лишь к обеду. Вызывает меня начальник к себе на ковер. Оказывается: утром Томас был в суде, с суда пришли следователи, уже проводят опрос коллег, составляют отчет о нарушении гражданских отношений, его адвокат готовит иск о травле и публичном унижении Томаса, о том, что он понес тяжкую

психологическую травму в связи с глумлением над его правом самовыражения, из-за чего вынужден будет взять оплачиваемый компанией недельный отпуск, съездить к папам в Швецию. Я врос в землю тут же, на том же месте. А под конец начальник вколотил последний гвоздь: «Мне плевать на ваши меньшевистские взгляды, на отношение к нашему сотруднику, но раз дело коснулось имиджа компании!.. как поведут себя наши партнеры, когда увидят, что у нас тут за скандалы разгораются? Одним словом, Стив, собирайте чемоданы!» И ушел упрашивать следователей не давать широкой огласки этому делу. Простоял там жутко долго (показалось, что не меньше часа), всё не веря, всё надеясь, что это – наваждение, и рассеется как дурной сон. Когда следователи вызвали меня в кабинет, только тогда понял, что это всё происходит наяву. А вчера был суд...

– Что же ты ничего не сказал? Может, мы бы что-то придумали? Родители знают? – выпалил брат очередью.

– Да нет, не знают еще. Начальник-таки сделал доброе дело: в ленту новостей скандал этот не попал. Но суд вынес ожидаемый приговор: изоляцию на месяц от жизни в сети и отстранение от работы в коллективе сроком до трех лет. Как «неблагонадежного работника». Это конец! Приговор занесен в мое альтер-эго, теперь ни одна компания, ни одна самая захудалая фирмочка не возьмет меня на работу с такой отметиной в профиле! Я в отчаянии, Клайв. Что же делать? Родителей без обеспечения вышвырнут за городские стены!

Живи, как хочешь!

Клайв заерзал на стуле, то и дело посматривал на мигающие сигнальные датчики на боковой панели кресла, и с каждым словом брата впадая во все большее нетерпение. Вспышка любопытства судьбой брата погасла, замерев едва теплившимся угольком в груди.

– Всё это крайне печально, брат, но совсем некстати. Пора мне заступать на смену. Город ждать не может, пока мы будем думать о наших судьбах. Попробуй всё же устроиться – вдруг получится?

– А как же родители? – закричал спине брата Стив, но тот свернул за угол, и лишь далеким эхом, вкуче со скрежежом оживших механизмов и блоков, отозвались слова «Всё обойдётся! Не теряй цель». Клайв нырнул в сеть, и громадная квартира затихла, как медведь во время зимней спячки, в забытии проживая оттенки былой жизни.

Стиву оставалось только развернуться и уйти – в ближайшие часы 10-15 здесь нечего было делать.

2

Родители так ничего и не узнали. Они пребывали в том блаженном неведении относительно жизни их детей, когда, по мере ослабления пытливого ума и затихания эмоций и страстей, погружались в мягкое пуховое умиротворение, больше похожее на дремоту, а должный уход, здоровое питание, прогулки по набережной и многочасовой сон создавали то парящее ощущение счастья, которым, естественно,

надеялась и жизнь детей, да и жизнь вообще всякого существа на земле. «La vie est belle!», то есть «Жизнь прекрасна!» – умилительно глядя на супругу, восклицал во время таких прогулок отец, побывавший когда-то во Франции, на лазурном берегу. Недавно, друг за другом, они отпраздновали шестидесятилетие, и уже лет пять как наслаждались заслуженным отдыхом. Да и то хорошо, что хватало сил гулять и восхищаться – у многих их друзей организмы к этим годам настолько истощены, что едва ступали на стезю отдыха, как тут же сдавали, и их владельцы уходили на покой, но уже в мир иной.

– Нет! Не могу их лишить такого счастья, – бормотал Стив, выйдя из их комнатки, и поцеловав перед дневным сном каждого в отдельности, в особенности же маму – испещренную морщинками старушку с седыми волосами и серо-сизоватыми задумчивыми глазами.

Было два часа дня, когда Стив очутился на центральной улочке города. В это время суток, в самую горячую пору, менеджеры, инженеры-отладчики, рабочие-управляющие всевозможных машин и служб носились туда-сюда по своим узлам, перелетая недюжинные расстояния в течение минуты, уступая дорогу лишь особым регулировщикам движения громадного кишашего муравейника. Впрочем, всё это происходило в невидимом для глаза городе будущего, «эко-обществе», всеобъемлющей социальной сети, интегрированной в мельчайший оттенок жизни обывателя, а для мно-

гих – и заменив её. Гмунден же физический, если позволительно сказать – настоящий, несколько привольно, хотя и холодновато, посматривал своими зеркалами-шапками на тех нескольких одиноких жителей, которых в рабочее время нелегкая судьба выгнала с уютных домов и погнала на устранение неисправностей такого рода, что не поддавались виртуальным отладочным работам. Механику всё же не перенесешь целиком в сеть.

– Поберегись! Дорогу! – едва не задев его, пробежали два инженера довольно ровно, в отличие от нескольких граждан, которые петляли подобно пьяным, хотя были, конечно, трезвы – алкоголь давно заменили виртуальные удовольствия. «Эко-общество» давало гораздо больше возможностей забыть себя и свои беды, нежели бутылка крепкого виски.

Такая же картина повторилась и на следующий день, и через день, и через неделю. Стив навещал родителей, но на все его робкие попытки сказать о том, что стряслась беда, и что обеспечения их хватит, может, наибольшее на пару месяцев, они лишь отмахивались от его слов, как от несущественного пустяка, как при ловле редких и диковинных видов бабочек на живописном альпийском лугу отмахиваешься от чудака, который кричит, что надо возвращаться домой, так как идет грозовой фронт, и буря их сметет вместе с бабочками. После визита, уложив родителей спать, Стив шел по городским конторам, фирмам, компаниям и подрядам, особо не разбирая род их деятельности, но все попытки окан-

чивались неудачей. После радиосканирования его и идентификации профиля минут через пять следовал вежливый, но твердый отказ, что «компания на данный момент полностью укомплектована и не нуждается в работнике», хотя в соцсети легко находились открытые вакансии. Понятно, что судебный приговор поставил жирный крест на возможности трудоустройства равно как в самом городе, так и в других регионах страны. Покинуть же Австрию значило бросить на произвол родителей. Как они смогут жить, не видя его? А разрешение на визит, пусть и в виртуальной жизни, пребывая в другой стране, получить невероятно тяжело. Поэтому днями и ночами Стив обходил одно предприятие за другим в надежде, что кто-то да согласится принять его на работу. Больше всего ему нравилось бродить по ночам, когда город преображался, напоминая самого себя образца нескольких десятилетий назад: его однообразие зеркальных стеклопакетов растворялось в ночной прохладе, в вышине таинственно мерцали далекие звезды, в воздухе кружил отголосок такой же далекой, нездешней мечты – вырваться из удушливого ритма городской жизни, из бесконечных всепоглощающих часов рутинной работы, встретить однажды горячее, близкое сердце милой девушки, которая улыбнется вдруг, пряча глаза от стеснения. И он поймет, что вот – та избранница, ради счастья которой с готовностью отдаст всего себя, встречей с которой грезил еженощно, ловил взором незримую ее красоту, слушал тихий шелест платья и неровное биение взвол-

нованного сердца.

Однажды поздно ночью, возвращаясь после очередного безуспешного обхода домой, он забрел на окраину города. В голове парили крылатые мысли сердечных мечтаний, в ногах, несмотря на усталость, сохранялась свойственная большинству менеджеров выправка, наработанная за годы службы – он не приветствовал полное погружение в жизнь «города будущего», в отличие от своего брата Клайва, а потому приходилось много путешествовать, чего так избегали «домашние работники», предпочитая путешествия в соцсети, похожие один в один на настоящие, за исключением физической нагрузки.

В этом районе почти под самыми городскими стенами, он толком раньше не бывал. Да и мало кто бывал: все знали, что здесь раскинулось обширное исправительное учреждение Гмундена по реабилитации психически нездоровых граждан и их подготовке к последующему возвращению в общество. Конечно, любопытствующие находились, но, как передавали все вещающие городские новости, они сами впоследствии становились клиентами учреждения, так что большинство здравомыслящих граждан сторонились этого района как в жизни «эко-общества», так и в настоящей жизни. Хотя в последнем случае добраться на своих двоих до корпусов реабилитации преступников далеко не каждый и мог, так что со временем по внешнему периметру убрали всякую охрану. То ли дело внутри соцсети! Там уж точно не подо-

браться.

Стиву не составило большого труда перескочить через метровый заборчик, чем-то напомнивший те перегородки, которые дети строят, желая отгородить один район города от другого в своем игрушечном мире.

– А что мне теперь терять? Хоть одним глазом посмотрю, что там такое, – и Стив, полуприсев, засеменял по геометрически ровному газону к ближайшему корпусу. Приземистое здание вытянулось в длину, как гусеница, что прилегла на листике после хорошего обеда. Большая его часть скрывалась над обильно росшим плющом, своей зеленью закрывая и без того матовые, едва различимые окошки, из которых всюду лучился свет. Хотя ближе к передней, парадному краю корпуса, плющ закончился, а большие прозрачные витрины зеркал сияли, как дыры на платье модницы, порвавшись в крайне интересных местах. Конечно, Стив первым делом, крадучись, туда и направился.

Какое удивительное зрелище открылось ему: жилые комнаты, а скорее – просторные апартаменты, различные по своему убранству и предназначению. В первых действительно жили люди – мужчины в богатых нарядах спали на роскошных кроватях, наполовину занавешенные прозрачным полотном; свет приглушался умной регулировкой автоматов, бдящих за состоянием бодрствования жильца. Как только тот ложился спать, светодиоды плавно затухали, имитируя свет заходящего солнца, переходя на тона, более близ-

кие естественному звездному небу. Стоило ему лишь встать, небо прояснялось, как бывает при рассвете в туманное промозглое утро.

Стив подобрался вплотную к стене, оглянулся по сторонам; всё тихо, лишь из ближайшего к парадному входу окна доносились приглушенные голоса. Любопытство взяло верх над осторожностью, и незаметно для себя, не запомнив движений собственного тела, он очутился у самой оконной рамы. Приоткрытое окно впускало ночную свежесть для тех, кто всё еще не спал. Стив прислушался.

– А завтра можем попробовать выйти на лодке на озеро, порыбачим! Разговаривал с нашим охранником, он говорит, что поручится за нас, что это пойдет нам на пользу. Так что, ты в деле?

– Да, надо бы расслабиться, Нико. Уже и в сауне побывал, косточки все попарил хорошенько, но всё никак не отойду. Рука то и дело левая дергается сама по себе. Это виноват всё Феликс Климгрубер, его выходка!

– Ну, подбил тебя тогда он, конечно, премерзко. Такой пакости от него не ожидал. Был у врача хоть?

– Сразу после матча. Трое докторов обследовали, наложили повязку, чем-то там смазали. Сказали, что всё заживет, но когда? И самое обидное, что проиграли ведь!

– Такого разгрома никто не ждал, 96:80 – не шутки. И под самый конец матча залетели к нам два трехочковых совсем не обязательных! – в этот момент за окном раздался шорох. –

Эй, кто там? Выходи!

Стиву пришлось показаться на глаза собеседникам, да и всего аж распирало от желания заглянуть внутрь. Увиденное мгновенно потрясло. По сравнению с его худо устроенным жильем, тут были целые графские покои, не иначе: меблировка под старину, с вензелями и завитушками на шкафах и столах, кровати модульной конструкции, с выдвижными ящиками для одежды и личных вещей. Казалось бы, что можно хранить заключенным? Невольно такой вопрос проскочил и у Стива. Но хранить было что: от всевозможных гаджетов на все случаи жизни до сервиза из хрусталя, который гордо красовался на дубовом столе, словно заявляя окружающим свое главенство. Недоеденный десерт, грозди винограда, и начатая бутылка белого вина среди тех, кто любовался бокалами и чашечками из хрусталя.

– Приятель! А мы тебя тут раньше не видели! Ты что, из новоприбывших, что ли? – легким баском спросил мужчина лет сорока, полноватый, с лысиной, тот, кого называли Ником. Второй, Леон, был чуть ниже ростом и с гораздо более обильной шевелюрой, а один глаз смотрел не мигая, но вызывал скорее жалость, нежели отвращение или страх.

– Да нет, парни, я тут просто гулял, – ответил Стив, поскольку с чего-то надо же начать, хоть и явно по-глупому вышло.

– Ну, проходи, располагайся, – жестом позвал Нико, приглашая внутрь. Выглядел он довольно приветливо и добро-

желательно, встретишь такого на улице – так сразу и не скажешь, что преступник. – Ну что же ты, у нас есть, чем перекусить. Сейчас Леон угостит нас своим роскошным цейлонским чаем с крупными листьями, такой не везде и найдешь в нашем городке-то.

– Ого, а откуда у вас натуральный? Давно не пил, от синтетики уже тошнит. – Стив искренне удивился.

– Специальные поставки, эксклюзивно для лучших членов общества, – с некоторой гордостью заявил Леон, доставая из ящичка под кроватью объемистую упаковку дорогого и редкого чая. Сервиз на столе, казалось, поддакивал в тон хозяину.

– Хорошо у вас тут, – наслаждаясь чашкой ароматного напитка, заметил Стив, оглядывая всю обстановку просторной комнаты.

– Что есть – то есть, – ответил польщенный Леон, – ежедневно у нас лучшая еда, доктора, развлечения. На днях был баскетбольный матч, завтра думаем порыбачить на озере.

– А это ж, вроде, как не разрешается? Помнится, бургомистр сам издавал такой указ в прошлом году.

– Ну, тот указ распространяется на горожан и приезжих.

– А кто же вы тогда?

– Мы... – Леон задумался, не зная, как ответить, но на выручку пришел Нико:

– Мы скорее как мизинец на ноге – он особо и не работает, на него и не обопрешься, и забываешь о нем до поры, до

времени, но стоит ушибить, как вспоминаешь, что он есть.

– Да, и ухаживаешь за ним, как и за остальными пальцами, – заулыбался Леон. – А еще нам каждый месяц выплачивают из городского бюджета по 80000... ну мы и работаем тут, в общем-то, на досуге.

– Но это в два раза больше, чем была зарплата у меня, когда... одним словом, когда работал на фирме.

– А что случилось?

– Да не хочу вспоминать. Из-за гендерной политики уволили. А как же вы тут оказались?

– Я занимался химией взрывчатых веществ. Ну, хобби у меня было такое в нерабочее время, – Нико приглушенно зашептал, – до тех пор, правда, пока после неудачного опыта не разнесло половину моей квартиры и три соседних. Пострадали несколько человек. Меня обвинили в терроризме, и вот я тут.

– А я сделал муляж бомбы, и расхаживал с ним по улицам. Это уж после того, как познакомился с Нико, и он «пригласил» меня сюда. Так и вышло. Живу припеваючи. А что еще надо? Все заботы о выживании остались в прошлом.

– Эх, – Стив вздохнул. – Не знаю, что мне и делать. Деньги нужны просто позарез. Без них родителей ждет печальная участь, а на работу меня никто не берет из-за отметки о судебном решении в личном профиле. А что вы делаете с деньгами?

– Да что угодно, да, Нико? Можем потратить на охраня-

емое путешествие в любую точку земного шара, съездить в «эко-обществе» на курорты, приобщиться к культуре; это у нас тут поощряется. А можем и здесь в городе что-то заказать. Всё доставят! Да и родственникам, бывает, пересылаем. Они же погибают за работой, света белого не видят. Так что очень благодарны нам за наши посылки! Ну, и мы рады, что они рады! – единственный глаз Леона улыбался совсем по-мальчишески, какой-то нездешней, не замученной радостью.

Так они проговорили почти всю ночь. Стив лишь под утро вышел из комнаты, когда занялась далекая заря, а город покрылся наростом зеркал, пряча, как лунный цветок, свою красоту до следующей ночи. С далеких гор спускались ключья тумана, обволакивая вершины елей томным чувством, отдавая миг пробуждения.

3

В последующие дни он так и не пробудился от какого-то дурного наваждения. Так и брёл по улицам пустого города, не понимая, как разрешить задачу с устройством на работу. В окнах домов по ночам Стив видел горящие огоньки более-менее сносной жизни. Сам же он потерял надежду после очередного вежливого отказа, сопровождаемого улыбкой кадрового менеджера. Зашел к Клайву, просил того позаботиться о родителях, но лишь услышал набившее оскомину «птичка выпорхнула из гнезда, когда родители бросили ее на улице на самостоятельную жизнь». Родители по-прежне-

му радовались жизни, не желая слышать ничего. Город лебедей равнодушно взирал на его бедствия. Куда податься, где найти спасение? Дни напролет блуждал Стив в поисках ответа, едва узнавая знакомые с детства улочки.

Поздний вечер, холодало; далекие зимние морозы насвистывали свою песенку, сырой туман обледенелым дыханием дул на леса и горы. Стив в раздумьях вышел на набережную. Перед ним открылась вся кристальная гладь озера Траунзе с далеким пружинившимся деревянным мостиком. Он помнил ту детскую радость, когда бежал по нему: доски легонько потрескивали, как новогодний камин, мост качался, словно колыбель под рукой любящей мамы. Напрасно родители кричали и звали его тогда. Разве можно удержать семилетнего мальчишку? Где же успели развеяться те легкие радостные мгновенья? Мост вёл к озёрному замку на воде – замок Орт озирал все принадлежащие ему окрестные владения, как полноценный феодальный владелец. Его ратуша в стиле барокко возвышалась подобно сторожевой вышке. А надо всем этим простирались еще большие великаны – хвойные леса, скатом усыпавшие прилегающие горы, зубчатые перешейки заснеженных гор. Правее, над самым мостиком, если смотреть вдаль, лежала «спящая гречанка» – гора с удивительно похожим на греческий профилем: нос выдается над всем лицом и чуть повернут вбок, от зрителя, так что кажется, будто хозяйка-гора только прилегла, чтобы передохнуть и набраться новых сил, и не ждет, что её потрево-

жат любопытные.

Вдруг, как это часто бывает, взгляд остановился на какой-то черной точке на мосту. Точка не шевелилась, но выделялась на фоне белоснежных гор. Стив побрел туда же. Да и вспомнить ту далекую детскую радость, пройти по мостику, среди мучений зрелости ой как захотелось. Ветер пронизывал насквозь и свистел в ушах, завывая от голода. Наверху сквозь туман пробились редкие огоньки ночных жителей небосклона. Где-то через полчаса показалось начало моста. Тяжелым шагом ступил на него Стив, словно предчувствуя приближение беды. Мост ахнул, заскрипел под ногами, пружиня под каждым шагом. Вдалеке, примерно на середине моста, та черная точка превратилась в чей-то силуэт. Через минуту Стив разглядел пожилого мужчину. Тот перешагнул через канаты и стоял на самом краю моста, отделявшем его от ледяной воды.

– Эй, мужчина, что вы вздумали? – крикнул Стив, когда подошел совсем близко.

Мужчина обернулся. Выглядел он прескверно. Стив часто думал, что это ему соль жизни намешали в чашку чая, но мужчине было заметно хуже: замученное иссохшееся лицо серого цвета, с острым носом и выступающими скулами, смотрело апатично, холодно-безразлично, как у нежилца этого мира. Такая встреча в другом месте обернулась бы страшным испугом.

– Помогите, – прошептал мужчина.

– С ратуши идет видеонаблюдение, сейчас будет помощь... – в это время над их головами в небе закружили дроиды, всевидящие глаза недремлющего города, вездесущие и всё покрывающие, так что любая преступная деятельность тут же фиксировалась и пресекалась. – Но почему вы так?

– Представьте себе, – обреченно вымолвил мужчина, – всю жизнь занимался искоренением ненормальных в обществе, преследовал их везде, где только мог: и в суде, и в сети, и в личных встречах, да вот вырос сын, и на старости лет отца так убил; взял да и сбежал с дома с какой-то девкой, мать в сердцах не вынесла этого, годы уже не те, организм истощен совсем... а мне? что мне за смысл жить дальше, если собственный сын предал все идеалы, всё, за что я боролся?

Последние слова он хрипел вплотную подошедшему Стиву на ухо. Видно, что они давались ему с трудом, что он едва-едва не терял сознание. И держался лишь потому, что не всё еще сказал уходящему, блекнущему миру. Какая-то горечь и желчь подкатили к горлу Стиву, сжали его своими безжалостными кулаками, перед глазами пронеслись родители, появился директор фирмы, и заново уволил его за ненормальность. В глазах помутилось, и Стив, точно желая вырваться из этой удушающей тюрьмы, резко толкнул мужчину от себя, не в силах более слышать ни одного слова от него. Раздался далекий, грузный всплеск. Где-то в глубине, где еще теплились крохи соображения, промелькнула мысль, что вот то его преступление, которое он подспудно искал все

эти беспроглядные дни, чтобы оказаться в том же исправительном учреждении, где так счастливо живут Леон и Нико. Перед тем, как потерять сознание, грохнувшись на деревянный пружинившийся мост, ему почудилось, как далекий голос, так похожий на его собственный, но искаженный, как в аудиозаписи, прокричал: «И я хочу так же!»

Бытует мнение, что человек в зрелом возрасте, со сложившимися представлениями, образованием не способен измениться. Если бы это оказалась правдой, то не было бы вершины, к которой мог устремиться человек, как и не было бы той бездны, на дне которой он может очутиться, но ничто не постоянно под луной, и каждая мысль двигает в том или ином направлении.

Очнулся Стив поздно ночью. Мысли постепенно вернулись, а ужас произошедшего захлестнул холодной волной промозглых воспоминаний. Арест, задержание, вынесенный приговор с безапелляционным видеодоказательством его вины, заключение под стражу, и, наконец, конвой в исправительное учреждение, где он сейчас и оказался. Вспомнилось всё, даже то, что не хотелось вспоминать – и те несколько ночей бреда, в заточении, и какой-то пронизывающий жар, выкручивающий тело до самого мозга; вспомнились и глаза обреченного мужчины, и то, как он падал в ледяную воду озера.

Стив огляделся. Стены просторной комнаты увешаны коврами, мягкий диван манит к себе, голографический 3d

проектор стоит возле белой стены, рядом – пульт управления всей электронной системой. С потолка свисает хрустальная люстра с led-огоньками, которые прыгают и резвятся как настоящие. В целом, комната расслабляла, успокаивала и ублаживала; рядом с комнатой располагался тренажерный зал и душевая кабинка. Еще одно помещение оказалось большой библиотекой под стать коллекции искушенных гурманов, с редкими теперь книгами. Да, это не комнаты корпуса А, как у Нико и Леона (с большими удобствами как для тех, кто совершил тяжкие преступления), но и здесь, в корпусе В всё устроено так чисто, красиво и шикарно, что таких апартаментов при жизни в городе Стив точно не мог позволить.

– Вот это жизнь! – выдохнул Стив, откинувшись на диван.

Следующие дни лишь укрепили возникшее впечатление. На утренней пробежке, через день, он столкнулся с группой людей, бежавших из корпуса А в тот же лесопарк, куда и его группу направил инструктор. Беговая дорожка спускалась в ложбинку, по краям которой журчала чистая как слеза вода горных ручейков.

– Вот так встреча! – окликнул знакомый бас. Стив обернулся и увидел догонявшего его Нико. Тот был в спортивной футболке, штанах широкого покроя и бейсболке с логотипом какой-то баскетбольной команды. – Правду говорят в новостях: «кто увидит наше учреждение, тот вскоре сам в нем оказывается». Какими судьбами?

– Да обвинили в убийстве человека.

– Правда?

– Конечно, нет, – почему-то вырвалось у Стива. Это «конечно, нет» потом он для себя еще не раз вспоминал, желая понять, почему же так ответил.

– Расскажешь, пока бежим?

– Да ничего интересного, на самом деле, не было. Да, подумывал, как же сюда попасть, – чуть тише пробормотал Стив, переводя дыхание от непривычной физической разминки, – но ничего не придумывалось, а тут, как по заказу, мужик собрался прыгать в наше озеро, с моста возле замка. Ну, в его летах и в такую пору года это – явно смертельный номер. Я же ничего не делал, руки сами по себе как-то взяли его и толкнули. Одним словом, не выдержал: он такую муть говорил! Ну, и для восстановления психического здоровья перевели сюда, назначили программу реабилитации на ближайшие годы. Ставку дали в 500 тысяч изначальную, это даже без 4х-часового рабочего дня по желанию, за который будет доплачиваться отдельно. Да я столько не получал, когда вкалывал целые дни напролет на работе!

Нико похлопал по плечу.

– Добро пожаловать в рай!

Дни мелькали один за другим. Стив не упускал поначалу ни одного здешнего мероприятия, точно голодный, налетал на стол, ломаящийся от яств. Баскетбольные матчи, теннисные столы, виртуальные туры и путешествия далеко за пределы города – предоставлялось всё, что душе угодно. А в

свободное от досуга время городом выделялась какая-то общественная работа. Стиву досталось инженерно-строительное дело. Несколько преподавателей ежедневно объясняли, показывали на примерах, обучали новой профессии – было бы только желание учиться! И Стив учился, надеясь по окончании срока обрести новую работу в обществе.

Так прошел не один месяц. Стив отсылал громадные средства на счет родителей, пообщался с руководителем центра по уходу пенсионеров, что дало результат, – их перевели на более высокий уровень содержания и обслуживания. В конце концов, счет достиг такого количества нулей, которых хватит с избытком до конца жизни, сколько бы лет им ни осталось.

– Всё просто отлично, если бы не ночи. Лежу, мучаюсь, мысли то и дело лезут в голову. Что-то меня гложет, а что не пойму, – признался Стив Леону. Тот казался умудренным житейским опытом, а с кем-то опытным до жути хотелось посоветоваться. Брат далеко, а среди заключенных наиболее близко Стив сошелся как раз с Леоном и Нико.

– Да забей ты на всё. Что за чепуха тебя достает? – Леон одним глазом всматривался пристально, как в микроскоп на зеркальце с неизвестным содержанием.

– Да, понимаешь, Леон, среди дня тут столько всяких занятий! То игры, то походы куда-то, то путешествия, то работа... Уже проходим конструкцию зеркал-куполов, может, скоро будут пускать и на настоящее дело. Одним словом,

столько всего, что просто-напросто забываешься, точно гонишь на болиде, перед тобой мелькают повороты, люди, машины, и ты не можешь отвлечься от этого. А вот ночью, когда остаюсь сам, то тут же вспоминаю того мужика, которого столкнул с моста. У него был сын, какой-никакой, а был же! Да, он собирался спрыгнуть, но столкнул-то его я! Часами не могу заснуть, весь в поту, и что-то гложет изнутри, как жало, как рана... и кровоточит.

Леон призадумался. На его лбу поплыли легкие задумчивые волны, глаз смотрел куда-то вверх и в сторону, будто ища ответ на сложный вопрос.

– Надо тебе повидаться с родителями. Всё ж таки родная кровь – может, они чем помогут!

– Да и сам хочу этого, но пускали только на встречу с руководителем их отделения. Тот говорит: счастливо живут. У них вся жизнь обеспечена.

– Не может быть, чтобы не было способа. Может, есть кто на воле, с кем можно встретиться в сети? Он тогда сможет воспользоваться своим профилем и провести тебя как гостя с ограниченными правами куда угодно. Да, будет неудобно, но всё же сможешь увидаться-поговорить с ними! – Леон обрадовался, что нашел решение.

– Спасибо, друг, пойду договариваться с охраной об одном визите в сеть. Брат же у меня есть!

И Стив, едва не подпрыгивая, выбежал из комнаты Леона. С охраной договориться не составило труда. Личный пси-

холог тоже увидел пользу в том, чтобы переговорить с братом. Беседа должна была состояться на следующий день с утра. Ночь наводила жуткие страхи и мысли. Казалось, не звезды сияют с небес, а зоркие глаза пристально смотрят и твердят о преступлении. А шум листвы напоминал шелест волн, смыкающихся над тонущим мужчиной. Долгие часы прошли, прежде чем вконец измученный Стив забылся сном страдальца, подвергнутого пыткам.

Утро выдалось дождливым, мероприятия на воздухе пришлось отложить, так что почти все пошли в виртуальные путешествия. Конечно, в те места, куда им открыли доступ. Стиву таковой был дан для свидания с братом. Крышка капсулы для погружения в сеть захлопнулась, зазвенели легкие звоночки, точно далекие колокольчики, пошли дурманящие запахи, шлем подключился к нервной системе; Стив почувствовал, что засыпает, но когда открыл глаза, то как вживую увидел пропускной пункт оздоровительно-тюремного учреждения. Касаясь предметов, он чувствовал их твердость, поскольку на нервные окончания посылались импульсы, обманывая центральную нервную систему, сообщая ей то, чего на самом деле не было.

– Мистер Твердовски, здравствуйте, – обратился к нему охранник, наклонив голову. – Вы всё-таки собрались навещать брата?

– Да, спасибо, хочется.

– Мы отправили ему уведомление. Он ждёт у себя. Подать

вам транспортное средство? У вас открыт канал шириной три метра вплоть до квартиры брата. Вы можете и пешком прогуляться, погоду настроим по желанию.

– Спасибо, хотел бы домчаться.

– Как будет угодно, – охранник нажал какие-то кнопочки на сенсорном экране, и вдалеке раздался шум летательной машины. – Проходите, вас ожидают.

Стив не заставил себя ждать. Последние месяцы так хотелось повидать Клайва, повидать родителей, – не верилось, что наконец наступил этот счастливый миг. Не заметил он, как оказался внутри просторного болида цилиндрической формы. Воздух вихрями взвился из-под корпуса, разбрасывая в стороны осенние листья, и за прозрачным стеклом дверцы замелькали знакомые до боли улочки и дома в своём старом обличье, не скрытом однообразными зеркалами-шапками. Узкие улочки петляли, но несли в нужном направлении. Маршрут проложили заранее, заняв на это время полосу, так что никаких непредвиденных ситуаций не возникло.

Клайв встретил в дверях с распростертыми объятиями.

– Ну, наконец-то, очень рад тебя видеть! Проходи же, братец! Удивился, хотя и ждал, когда же ты объявишься?

– Да увлекла жизнь как-то, а вот повидаться не только захотелось, но и полезно – врачи говорят, что, хотя и питание хорошее, и нагрузки, а чахнет мой организм без чувств. Так по родителям соскучился, что готов прямо сейчас без

передышки мчатся к ним. Вот и к тебе потому зашел... – Стив замялся, взглянув на Клайва: лицо его на какую-то секунду стало белее снега, но затем вновь налилось привычными красками. Это свойство Клайва взять себя в руки всегда удивляло Стива, привыкшего выплескивать эмоции подобно водопаду.

– Проходи, проходи, Стив, – Клайв захлопнул за ним входную дверь и повел в комнату. На большом виртуальном экране, как в зазеркалье, отображалось его далекое рабочее место; различные механизмы и роботы крутились, выполняя привычную работу, заданную управляющим персоналом, в том числе и Клайвом. – Тебе лучше присесть. Даже не знаю, как тебе сказать.

– Не мнись, скажи, как есть, ничего ведь не изменишь.

– Да понимаю, но всё равно... Знаешь, родители тебя любили до забвения, особенно мама. Ко мне они всегда как-то равнодушно относились, – скривился Клайв, вспоминая какие-то детские семейные истории, – ты – другое дело, любимчик одним словом. И когда тебя арестовали, когда отключили от всех посещений, как поначалу делают со всеми задержанными, знаешь, родителям было очень тяжело, особенно маме. Не знаю толком, что именно случилось. Это мне рассказал их куратор месяц назад. Так что, только с его слов и знаю что-либо.

– Что с ними? – потух Стив.

– Да то же самое, что должно было случиться с ними еще

давным-давно, сразу после выхода на пенсию, как это бывает почти со всеми, кто отдал всё до последней капли крови на исполнение возложенной обязанности. Как с нашими родителями этого не случилось, медики сами не понимали. Организмы же у них истощены, сердца еле гнали кровь. Мама первой сломалась. Произошло это через три недели после твоего задержания. Врачи сказали, что сердце не выдержало, просто отказалось работать в один день и всё тут. Отец прожил на неделю дольше. Как-то захандрил весь, а через неделю во время прогулки упал и больше не поднялся... Такие вот дела у нас.

Известие это свинцовым обручем сдавило голову Стива, в глазах помутилось. Он пошатнулся и, если бы не сидел, то наверняка упал бы. Почему же так произошло, почему отнимают у нас близких в тот миг, когда мы сами так нуждаемся в них? Стив просидел полчаса неподвижно, уставившись в одну точку на белой стене. Клайв не трогал его, появились дела, программа ждала следующих заданий, город не ждал.

Стив уехал той же дорогой, которой прибыл сюда. Закат застал, когда он вышел из дома. Шапки зеркал начали свой плавный и медленный подъем, сворачиваясь как веер, шаг за шагом, поскрипывая гладкими поверхностями. Лучики заходящего светила бороздили по ним, окрашивая паруса зеркал в коричнево-бордовый цвет. Стив взглянул на уходящее солнце будто в последний раз, только сейчас вспомнив, что Клайву толком ничего не сказал. Да и нужны ли какие-то

слова? Стив захлопнул дверцу болида, и тот помчался в обратный путь.

Эпилог

Через год Клайв всё так же работал, обслуживая нужды города, сидя в своем удобном кресле, погруженный в жизнь «эко-общества», когда зазвонил легкий звоночек. В сети пришло видеосообщение. Клайв отвлекся от работы, щелкнув на один из тумблеров.

– Посмотрим, что тут у нас, – наскоро допивая йогурт, пробормотал Клайв, открывая видеофайл. Проектор зажужжал при включении и бросил голографическую картинку на центр комнаты. В исхудалой, изможденной фигуре с большим трудом узнавался Стив. Само лицо его было каким-то чужим, отстраненным от этого мира. Взлохмаченные волосы, поникшие плечи, сутулая спина и худоба, как у чахоточного, плохо сочетались с выразительными живыми глазами. Губы Стива задвигались, и через секунду донесся знакомый голос:

– Здравствуй, братец. Не сразу решился поговорить с тобой в последний раз, но боюсь, что другой возможности может не быть. В последнюю нашу встречу тебя не обнял даже. Знаешь, кажется, что мы хороним сами себя, свои настоящие чувства, боясь проявить какое-то сердечное тепло, заменяем их какими-то фальшивыми отношениями, фальшивыми ценностями, ставя во главу угла совсем не то, чем должны бы жить люди. Знаешь, Клайв, за этот год мне едва ли не каж-

дую ночь виделись мои родители. Не знаю уж, где витал во сне, могут ли то быть в самом деле они, или это лишь плод моего воображения. Но общался с ними так живо и тепло, как не позволял себе за всё время нашей совместной, взрослой жизни. И теперь я думаю, что если бы мы обменивались дарами наших сердец за время будничных дел, служили интересам друг друга, то, может, они были бы сейчас целы, пережили бы разлуку по моей вине. Ведь теплились бы в сердцах огоньки наших разговоров, наших путешествий, наших общих дел. Где-то осталась моя большая вина, что я так не смог жить, не преодолел те стенки разногласий, что мы совместно соорудили. Но как жаль, что понимаешь это так поздно! Не давал мне покоя тот мужчина, которому вместо руки помощи я бросил руки злобы и неприятия, лишил его, быть может, возможности одуматься до конца своей быстротечной жизни. Его образ преследовал меня во всех играх, во всех дневных путешествиях, так что, в конце концов, я от них от всех отказался. Не помню, о чем думал, сидя у себя в комнате днем. Наверное, о том, чтобы скорее наступила ночь. У меня пропал аппетит. Медики отмечали ухудшение общего состояния несмотря на то, что видимых причин болезни не находили. Недоумевали, почему же мой организм вдруг, имея в себе всё необходимое для полноценной жизни, стал чахнуть, отвергая спасительные вакцины и внутривенное питание. Может, для них это так и останется тайной. Но для меня совершенно ясно стало: мы живы, пока живем по-

человечески; когда же перестаем так жить, то сама природа восстает против нас, лишая нас всех тех благ, которыми так щедро одарила. Знаешь, Клайв, это сообщение должно тебе отправиться, как только... как только, в общем, когда, ты понимаешь... Прощай, хочу тебе сказать. И живи с пользой. Надеюсь, ты рано или поздно выйдешь на улицу, вдохнешь свежую струю весеннего ветра, увидишь своими, а не виртуальными, глазами закат и рассвет солнца. Это удивительное зрелище, которого мы себя лишили сами. Бывай, братец!

Стив закончил говорить, в видеофайле еще оставалось, судя по данным, секунд тридцать обзорной записи комнаты Стива, но Клайв выключил, переводя дыхание и вытирая пот со лба. Но краем глаза он видел, как разрывается красная кнопка сигнала о видеозвонке. Сам бургомистр был на связи целую минуту, и терял терпение.

– Куда ты пропал? – раздался недовольный голос солидного человека с широким землистым лицом.

– Виноват... – замялся Клайв. – Возникли непредвиденные семейные обстоятельства.

– Надеюсь, ты не забыл, что остался час до моего выступления на площади города, а роботы до сих пор стоят без дела, и фонтаны, и сцена, и места для зрителей – всё простаивает! Не потерял ли ты, сам знаешь что?! – завопил динамик.

– Да, да, – поспешно сказал Клайв, это задание будет сделано, не волнуйтесь, господин бургомистр. Я не потерял смысл жизни!

И Клайв упрямо погрузился в работу, как набегающие волны с наскоку бросаются на глыбу береговую, стараясь во что бы то ни стало стесать её. И пенятся, и бьются, разбиваясь, а по крупице делают свое дело. Но и у морей бывают отливы.

2015-2016

Долина живых колодцев

Предыстория Лауры из романа «Когда тени вернутся»

*«Мы на многое не отваживаемся
не потому, что оно трудно;
оно трудно именно потому,
что мы на него не отваживаемся»*

Сенека

Дни мелькали один за другим. Подкрадывались в темноте, словно призраки, и невозвратно уносили самое драгоценное, что давалось как дар, а терялось легко, как пустышка, – время. Буйным вихрем кружилось оно в тесной черноте бездны, билось о каменные стены темницы, затхлые и тесные, и в отчаянии мчалось ввысь, прочь – туда, где жизнь не замыкала самую себя в грохочущие оковы.

Время мчалось, но надежда оставалась: найдется человек, который сбросит бремя привычного и увидит иную красоту. По капле наполнялись недели, месяца, года. Заунывно свистел далекий ветер в местах, о которых складывались мифы и легенды. О таких вещах приятно вспоминать, когда дух вина завладевает умом и хочется говорить всякие глупости,

мудрствовать и указывать куда-то вверх: «Там что-то есть, ребята!»

Но пришел час, и такой человек нашелся. Им оказалась девочка, милая и симпатичная, как все девочки на свете. Родилась она неусидчивой и сразу всем показалась необычной. В годы детства первое впечатление только, не без заслуги самого ребенка – взбалмошной и курносой Лауры. С ранних лет юное дитя стало приносить одни неприятности и заботы: стоило на минуту отвернуться и не углядеть, как она то ныряла в ледяную воду, рискуя утонуть, так и не выяснив: есть ли внизу дно или же вовсе нет, как уверяли взрослые; то, рискуя быть заваленной, лезла в сомнительные проходы, узкие и душливые, полные страшных опасностей, тупиков и лабиринтов. Мать часто наказывала ее, запирая в самом, что ни на есть, склепе – среди мертвых камней, в полной темноте; тогда она усаживалась на мягкую подстилку, закрывала глаза и размышляла: и мысли ее, неосознанные, как смутная тоска по незнакомой родине, принимали форму безудержных мечтаний, чья смелость и дерзость ужасали любого здешнего взрослого. Так проходили первые годы.

Посланная богами словно в наказание, она не успокаивалась, и чем скорей летело время, тем все неугомней она делалась. Любопытство ее не знало границ, а непоседливость, как и подземные источники, била ключом. Полностью исследовать тот крохотный мир, в котором проходила жизнь, ей удалось до десяти лет. И он не удовлетворил. Лауру гнало

вперед смутное предчувствие, что помимо всех этих мрачных пещер есть иной мир, полный чудес и настоящей жизни.

Девушкой она стояла у кругляшка жутко-черной воды и уже не думала: есть ли дно или вода поглотила все, но смотрела вверх – туда, где белело едва различимое пятнышко чего-то чистого, невероятно светлого, фантастичного. То пятнышко светило, и свет этот был неведом. Он не походил на тот блеклый свет, что излучали диковинные рыбы (их много ловили рыбаки в кругляшке воды).

Лаура смотрела на гладкие ступенчатые плиты, что по кругу уходили высоко вверх, образуя неодолимый тоннель – лаз, по которому можно было только воспарить! А где-то там в самой вышине, где кончались холодные, скользкие от влаги камни, там брезжил, дрожал манящий свет, там ожидала та самая иная жизнь. Помечтать ей долго не давали. Девочка оборачивалась на зов мамы и, понутив голову, но с пылающим сердцем, возвращалась.

Над самой кромкой воды тянулся окаменевший язык, как называли его местные жители, – ход в вырубленную пещеру. Каменный свод грузно нависал, глубоко врезаясь в сторону – туда, где жили и спали люди. Они не знали того необычного света, что так часто видела Лаура и немногие другие, кто отваживался взглянуть ввысь – считалось, что боги проклянут того, кто захочет разгадать тайны мироздания.

Девочка побывала во всех «домах» – пещерах, соединенных узкими и темными ходами, устланными мхом и травами.

В пещере, где она выросла («ее пещере», как любила повторять девочка), одновременно жило еще три семьи: всего же около двадцати пяти человек. Пещера была огромных размеров: девочка сбилась со счета, когда хотела понять, сколько шагов нужно, чтобы пройти из одного конца в другой. Места хватало на всех. Но люди быстро менялись: не успевала Лаура запоминать лица, как одни пропадали, другие же, совсем крохотные, появлялись. Из «ее пещеры» можно было попасть в две другие, а из тех – еще в шесть новых. Она многих расспрашивала, и ей говорили, что прадеды отыскивали хода, что вели и в другие, и в третьи, и без числа: широте их не было предела, как воде – дна.

Впрочем, девочка быстро уставала от бесцельного блуждания. Во всех пещерах все такое же: холод, забота, страх, уныние, беспроглядная тоска, тусклый рыбий свет, свои пятнышка света в камнях, создававших вертикальный лаз; но главное: там жили такие же люди – боязливые, скучные, сонные, жестокие; выпивая вино, они на немного, совсем на чуть-чуть оживали. Но этого хватало, чтобы пытливая девочка тормозила их вялый ум вопросами, и они несли всякий вздор и чепуху, рассказывали древние легенды, гласящие будто бы о том, что где-то там наверху есть небесная страна, прекрасная и совершенная, куда попадают души блаженных; та страна долгие часы озарена светом, льющимся из невидимого источника. Тьма наступает только изредка, но даже тогда для них продолжают светить тысячи других пят-

нышек света, далеких и прекрасных, названных звездами.

Девочка росла, и эти фантастические истории о блаженных людях, живущих в стране Вечного Света, и о далеких всевидящих глазах божеств, источающих любовь, нареченных таким захватывающим дух именем – звезды, тревожили молодую неокостеневшую душу и будили среди ночи, когда сверкающие рыбы прятались по темным углам, а сплошная беспроглядная тьма укрывала все своим густым одеялом. Такие часы тянулись мучительно долго (местные вообще любили спать помногу), она лежала в кровати и мечтала наивно, с детским трепетом. Из пещеры в такие часы никуда не выбраться: все входы и выходы закрыты тяжелыми камнями, да один человек из рода ходит и караулит. Бывали случаи, что изредка пропадали дети: подозревали другие роды, но Лаура вспоминала хищные глаза некоторых соотечественников, и тогда ей становилось зябко и тревожно в неудобной кровати, хотелось то укутаться, с головой нырнув под одеяло, то бежать и бежать, как можно дальше, в страну грез, где свет льется бесконечно.

Днем она вновь ходила в другие пещеры (в своей она всем изрядно надоела, и хищные глаза теперь больше оборачивались в ее сторону), делилась с подвыпившими и разнеженными стариками своими фантазиями и мыслями; их посоловевшие глаза с трудом смотрели на нее, из горла вырывался хриплый лающий смех. Но некоторые, вспоминая рассказы дедов, шептали ей пьяным лепетом о давней-давней тайне:

будто бы некогда злой колдун зачаровал целый народ – раньше они жили там, наверху (при этом рассказчик неопределенно тыкал в потолок), – в наказание за проступок их вождя, наложил жестокие чары, низвергнув всех во тьму живых колодцев... прошли века, и люди забыли это... И гнусно шипя, рассказчик неизменно заканчивал:

– Но так было не всегда: мы все, в своем роде, небожители. Только тот, кто поймет это, сможет освободить себя и других людей.

Лаура спешно убегала, глаза ее сверкали, а сердце в груди билось, как никогда – живое и стремительное, точно в ожидании рокового перехода, точно узник, что готовится вот-вот обрести долгожданную свободу.

Годы шли, повзрослевшая девочка все лелеяла свои замыслы, непослушание маме все росло. И вот однажды, напoив ту вином, которое похитила у немощного старца из соседней пещеры, она выскользнула из кровати, как рыба из рук рыбака, и затаилась у кромки колодца, пока мужчины рода не заперли камнями выход. Первая ночь была восхитительной: навсегда останутся те часы, когда она сдернула занавесь тайны, которую боялись узнать ее соплеменники. Об этой первой ночи, о своих чувствах, мыслях и надеждах, о том, что в сердце поселилась дерзкая мечта, она никому не сказывала и под утро вошла в «дом», как ни в чем не бывало.

Много было шума и крика, когда обитатели пещеры прознали о том, что она провела ночь вне стен жилища – на та-

кой безрассудный шаг не отваживался доселе ни один безумец, а их бывало немало за долгую историю рода. Жители долго возмущались, но простили. Мать волновалась, но больше не потому, что дочь могла заболеть и умереть за эту ночь или бесследно исчезнуть, а от того стыда, который переполнял ее, от того, что ей пришлось краснеть перед всеми добрыми жителями пещеры, извиняться, что у нее такое неразумное дитя, как видно, обреченное богами на слабость. Но она любила дочь и всячески желала добра, а потому оправдывала ее, как могла: «Что же вы хотите? Боги обделили ее умом – вот и занимается она не тем, чем нужно; но простите – ей еще слишком мало лет: она помается, пострадает – и сама поймет, как была неправа, и сама первой придет к вам на поклон, с благодарностью за наставление и заботу».

Каково же было негодование племени, когда такое повторилось спустя пару дней! Лауру выставили на середину пещеры, как на посмешище, на обозрение всем и каждому: всякий мог подходить к ней, говорить любые слова, указывать правильный путь, осмеивать и оскорблять, устрашать карой немилостивых богов и страданиями после смерти. Единственное, чего нельзя было – так это притрагиваться к ней: таких людей называли «очумленными» и обрекали на вечное одиночество – теперь ни один парень к ней не подойдет, чтобы назвать своей женой; считалось, что если нарочно дотронуться до нее, то можно было подхватить расстройство

ума – самую частую болезнь во всех пещерах. Такие «очумленные» не проживали и года, умирая в одиночестве, изнывая от ласки и от теплого слова. Даже родная мать теперь смотрела на нее по-другому: как на тяжкий, никому не нужный груз.

Все махнули на нее рукой, когда такое повторилось и на следующую ночь, и через. Ее даже звали, грубо окрикивая, чтобы выметалась поскорее из пещеры, пока не задвинули камень. Лаура была счастлива.

Она убежала, предаваясь чудесному зрелищу. В самые темные ночи, когда повсюду висела глухая тьма и стихало свечение рыб, тогда в упоительной выси ночного неба перед ней раскрывалась необъятная красота: она видела звезды, чистые и незабвенные, она видела иной мир. Он существует!

«Он существует!» – повторяла она, и с этой странной мыслью засыпала.

Так прошло немало времени. Однажды днем, когда мужчины тесали камни, а женщины ловили рыбу, она решилась на чистой воды безумие. От работы ее отлучили – брезговали помощью, но Лаура не сильно обиделась: мать пока подносила еду, да и сама она кое-что вылавливала по ночам. Отчаянная мысль грела сердце, и девушка осмелилась на роковой шаг: стала карабкаться по отвесным камням, что складывали стенки жуткого колодца. Камни были холодны и скользки, но между ними был мизерный зазор – ровно такой, чтобы пальцем ухватиться.

Первые попытки все, как одна, были неудачны, последующие – тоже, но она не отступала: цеплялась ободранными до крови пальцами за выступы, взбиралась на высоту двух сложенных вместе людей и срывалась в морозную воду. Делала она это, когда никто не рыбачил: сколько бы воды ни было, но грохот от падения распугивал всю рыбу; а женщины визжали и орали на нее, не смея, впрочем, дотронуться.

Сперва все приходили и потешались над ней, над ее бредовыми идеями и пустыми фантазиями, и так продолжалось долгими неделями; но постепенно разговоры стихли: всем наскучило видеть ее упрямство и глупость.

Только ежедневно в один и тот же час худая, костлявая женщина неизменно приходила к колодцу и, срываясь на охрипший крик, вопила:

– Глупая! Куда ты лезешь, на мое несчастье и свою погибель?! Свернешь себе шею! А нет – так сорвешься и упадешь с высоты: хлопот потом не оберешься лечить тебя... Бросай заниматься этой ерундой! Сию же минуту! Кому я говорю?! Спустишь на землю, куда полезла?!

– Так идут к звездам! – упорно отвечала Лаура.

– Там нет ничего и никого, да и быть не может: ни звезд, ни людей... Наслушалась всяких бредней и впустую тратишь жизнь, пока другие люди делом занимаются...

То была родная мать – она увещевала любимую дочь, как могла, но девчонка оказалась напористая и не сдавалась, продолжая с немислимым рвением верить в звезды и людей,

что живут в стране Вечного Света совсем по-другому, не так, как они. Верила и все карабкалась, карабкалась, срываясь в очередной раз, набивая себе шишки и ушибы, не говоря уж о том, что все тело покрыли расплзшиеся синяки. А один раз дело все ж обернулось несчастьем и тупой, немой болью: Лаура вывихнула палец, и мать, под покровом темноты, рискуя тоже прослыть «очумленной», вправила его на место. Крик боли эхом отзвучал в мертвой тишине.

Лаура не оставляла попыток: ночами размышляла, а днем с нечеловеческим упорством и отвагой карабкалась вверх по предательским и неуступчивым камням. Всякий раз она неизбежно срывалась, падая в воду, но успех был заметен: время до падения все увеличивалось, да и в воду она научилась входить мягко, без жгучей боли, но самое главное, ради чего девушка так отчаянно рвалась, – бралась все большая высота, гладь воды все отдалялась, а пятнышко света все приближалось. Через несколько месяцев такой жизни, когда здоровье тела поддерживалось лишь неукротимым духом, не позволявшим сдаться и повторить путь всех «очумленных», Лауре удалось преодолеть половину расстояния до спасительного света, насколько она могла оценить на глаз. Высоко она теперь забиралась изредка, многие дни уделяла беспрестанным тренировкам: специально училась падать в воду, улучшала выдержку и цепкость, оставаясь прилепленной к холодной стене на долгое время, когда только крепкие пальцы удерживали ее от падения в близкую воду; да и

матери надо было помогать – племя все явственней пренебрегало ей, словно в отместку за вольность и свободу дочери, за неподчинение традициям и законам рода, проверенными веками, за непокорность воле вождя. Но Лаура не могла вернуться к прежней жизни, решив или погибнуть, или стать той, кто разрушит стародавние традиции, показав своим примером их косность и дикость.

Девушка выучила все хитрости и обманки стены, все ее спасительные ловушки – там, где камень разрушился, образовывалось пустое место, удобное для той цели, что она преследовала. Без дневного света она обходилась. Ей нужны были спокойствие и сосредоточенность, чтоб никто из родичей или из соседних пещер (приходили и такие, прослышав о безумной) не отвлекал глупыми шутками и насмешками.

И вот однажды, отдохнув и набравшись сил, она улучила чудную звездную ночь и медленно, уступ за уступом, стала ползти вверх, к заветной мечте. Она не торопилась. Путь был нелегок и длин, а потому приходилось рассчитывать силы – от поспешности и опрометчивости ей давно удалось избавиться: торопливость преступна, когда цена и ответственность так непомерно высоки.

Половина пути далась за час с небольшим, хотя она могла и ошибаться: время отсутствовало, как таковое, – одна только надежда согревала ее.

Высокое небо висело все так же высоко, не приближаясь, но, собрав мощь всех душевных порывов здесь и сейчас, де-

вушка неуклонно двигалась к цели. Воодушевление ее возрастало по мере того, как силы таяли: пот валил градом, глаза взволнованно подергивались, пальцы ослабевали.

До самого верха, по неровным подсчетам трясущейся Лауры, оставалось чуть меньше четверти всего пути, когда случилось невероятное: в колодец заглянуло чье-то лицо. Даже отсюда, из мрачных глубин, видно было, что это лицо женщины, а не ночного чудовища, которых, как веровали местные, выпускают злобные силы тьмы, чтобы держать смертных в повиновении и трепете перед могуществом богов. Лаура засмеялась, колодезное эхо подхватило ее смех и разнесло во все уголки мира, холодок пробежал по коже. Но когда она увидела прекрасные черты незнакомки, на душе стало спокойно и тепло: определенно, это было лицо женщины, пусть и не богини, – очень красивое и доброе, но человеческое (хотя, какие обличья имели боги и богини – Лаура не знала).

В ту же секунду она закричала, умоляя о помощи. Незнакомка с большими широкими глазами несказанно удивилась, может, больше самой Лауры, завидев девушку, которая вцепилась в камни глубочайшего колодца и взывала к ней истошными криками. «Ходящая по земле» исчезла, но вскоре вернулась с мотком длинной веревки в руках.

Через пару минут обрадованная и истощенная Лаура обессилено рухнула на новую землю. Запах дурманящей травы, новый мир, земная женщина, что стояла рядом, огром-

ное небо над головой и мириады изумрудов, жемчужин, рассыпанных щедрой рукой по полотну ночи, – все смешалось, перекрутилось, слилось в один все охватывающий восторг, ведомый только первооткрывателям и первопроходцам.

Незнакомое чувство закружило ее в лихорадочном танце; от счастья она зажмурилась, боясь умереть от избытка эмоций на пороге новой жизни. Когда же Лаура отдышалась и открыла глаза, то убедилась, что иной мир – не вымысел безумных, что он существует, что звезды есть – это не детская фантазия, а, значит, карабкаться и стремиться наверх стоило; в ней самой ожила непередаваемая красота, словно отражая весь мир и впитывая его с благоговейным восхищением. И люди здесь живут! Придя в себя, Лаура разговорилась со своей спасительницей и узнала, что ее зовут Бениция, что весь мир стоит здесь веками, не догадываясь о том, что где-то люди могут жить иначе, что все здесь и вправду дышит волшебством: Лес Забвения, долина живых колодцев, – все проникнуто чарами, но есть и другие земли, в которых живут привыкшие ко всему люди, где жизнь идет своим чередом.

– В такие места, как это, – уверенно говорила спасительница, – попадают только пламенно поверившие люди – те, кто желают и ищут новую жизнь, устав от прежней до такой степени, что готовы на все: даже на то, чтобы поверить – чудо возможно, оно рядом.

Светлые дымчатые облака мчались по небу в предрассвет-

ный час. Казалось, вот-вот вспыхнет алая заря неземного счастья, вот-вот она озарит собою большую часть горизонта, и поднебесные земли, и улыбки на лицах людей просияют, как первая капля росы.

Они долго и много проговорили, как две души, поверившие в невозможное так, что оказались в подобном месте и прикоснулись к незримому миру чудесного. Но что можно успеть сказать за одну ночь, если перед этим прошла целая вечность?

Утро просыпалось незаметно. Дыхание ночи отступало перед свежестью и бодростью новой жизни, мир набирал краски. Лаура не скрывала восхищения.

– погоди! Ты еще не то увидишь днем, если так рада теперь!

Но с небывалым счастьем пришло и небывалое сожаление: Бениции пора было сниматься с ночлега и отправляться в путь; она искренне предложила Лауре ехать с ней, к морю, но девушка решительно отказалась:

– Нет! Я не могу. Я должна здесь остаться – это мое призвание. К этому готовила меня жизнь.

– Жизнь – кузница, где выковываются настоящие, крепкие мечи, где закаляется сталь, – согласилась Бениция, – для действия рожден человек, а от безделья он почернеет и заржавеет, затупится, как тот же клинок! Но будь с ним осторожна, чтобы не поразить друга!

Лаура кивнула, понимая вес той ноши, что взвалила себе

на плечи. Безмолвно огляделась она, изумляясь невиданной красотой: перед ней простерлась широкая-преширокая равнина, вся усеянная сотней глубочайших колодцев. То, что они так же глубоки, как и тот, из которого она выбралась, самоотверженная девушка убедилась воочию, заглянув в некоторые. Из них доносился плеск воды и какое-то гудение – то были голоса пробудившихся к очередному беспроглядному и тоскливому дню людей, одиноких и «очумленных», пьяных и тех, кто потерял надежду, лишился сил верить и продолжал жить по привычке, выполняя одни и те же предписанные обязанности – потому лишь, что так было заведено издревле.

Лицо Лауры опечалилось впервые за долгие годы борьбы: тогда она боролась только ради себя, теперь же... она не знала, хватит ли у нее силы и духа, чтобы свершить этот подвиг?

– Я хочу освободить всех, хочу помочь выкарабкаться из колодцев, чтобы и они увидели свет дня и прелесть ночи, восхитились тем, о чем мало кто мечтал. Они увидят звезды, живой огонь солнца, его силу и величие. Они начнут жизнь сначала!

– Тебя ждет много разочарований, – Бениция смотрела ей в глаза. – Не думай, что все так же страстно желают новую жизнь, как ты... что готовы приложить хотя бы вполовину меньшие усилия!

Они распрощались, как два человека, знающие друг друга с самого детства. Слеза обожгла сердце Бениции: в стране

живых колодцев она оставляла человека, совершившего подвиг, что изменил не только его жизнь, но наверняка изменит и судьбы других.

– Прощай! Пусть твой дух никогда не попадает в сети рабства!

То были последние слова, что услышала Лаура от Бениции: пыль дороги скрыла человека с иной земли. Лаура подумала, что, может, существует много новых земель? Она остановилась в раздумье: искать ли ей «новую землю» или помочь соплеменникам?

Взяв моток веревки в руки, смело и решительно шагнула она к ближайшему колодцу, вдыхая чистый воздух свободной грудью.

2020

Крымский роман

Это случилось одним летним днём в Крыму, на восточном побережье этого чудного края, где всё, что весь прошедший год спало и увядало, тут неизбежно расцветает, набираясь сил и новых красок. Где ручьи с далеких гор журчат у тебя под ногами, игриво перепрыгивая с камушка на камушек блестящими капельками. Где поля пестрят цветами всех красок радуги – и красные, и синие, и белые, и жёлтые! И раскинулись так широко, так вольно, насколько хватало глазу зоркости. А какие чудные холмы с тенистыми ложбинами, с причудливыми склонами, открываются путешественнику!

Вот на одном из таких холмов Сергей и увидел Алину. Девушка шла в хлопчатобумажной юбке, чуть не доходящей до колен, легкой футболочке белого цвета с бирюзовыми переливами на рукавах и спереди, и в широкополой сетчатой шляпке, из-под которой выглядывал немного курносый носик и удивительно карие глаза. Она вышла неожиданно с пригорка, так что загодя не подготовишься, как следует, к такой встрече. Впрочем, "вышла" – сказано несколько сухо и не отражает всего. Скорее – выплыла, выпорхнула, как одна из тех бесчисленных бабочек, порхающих на лугах во время цветения ромашек. Сергей остолбенел. Может, он и хотел повести себя более естественным образом, но все мышцы тела будто сговорились и отказывались ему подчиняться.

Одни глаза говорили за него.

– Привет! – первой нарушила молчание девушка, едва сбежав с пригорка. Произнесла мягко, не навязчиво.

– Привет. – В тон ей повторил Сергей. Обычно, то есть вообще по жизни, бывал не робкого десятка, и всегда действовал и говорил сообразно ситуации, в которой оказывался, смотря с какими людьми пересекался. Но такая встреча выбила почву из-под ног привычных решений.

– Встретиться с человеком в такой глуши, как эта, просто удивительно! На многие километры холмов, лугов, тропинок здешних – ни души! А сколько я их обходила за всё время – словами не передать!

– А ты... вы... из местных? – смущаясь, спросил он.

– Можно так сказать, – засмеялась звонким девичьим смехом Алина, – гощу вот летом у мамы. Наш посёлок – вон в той стороне.

При этом её ручка плавно полетела в направлении востока. Впрочем, что-либо разглядеть там не выходило, взор плыл, как волна по морю, – то вверх, то вниз, но ни на чём не задерживался: виднелись сплошные холмы с негустой растительностью и редкими деревьями.

– Да, правда, его отсюда не видно, но если пройти вон там, а потом, ещё вон туда, да идти где-то с час, то вы как раз и выйдете к нашему посёлку!

– А что ж вы... ты... так далеко ходите по безлюдной местности? Ведь тут и обрывы, и оползни случаются. Вроде ста-

вишь ногу на крепкий камень, вросший в землю, а он вдруг, ни с того, ни с сего, начинает ползти. Того и гляди, чтоб не сорваться и не полететь кубарем, – и кто же тогда поможет, кого звать? – видно, что юноша спрашивал не из простой вежливости, а в самом деле тревожился.

– Давайте знакомиться, – девушка протянула руку, – а то мы никак не определимся, как друг друга называть – на "вы" или на "ты". Алина – меня зовут.

И она приветливо улыбнулась, так что внутри Сергея будто разлилось тёплое ласковое море, он весь приободрился и расхрабрился.

– Сергей. А как же будем называть друг друга всё-таки?

– Давай на "ты". Сама не знаю, почему, – предложила девушка.

Они разговорились, как старые знакомые при встрече. Всё живо интересно: где кто живёт, куда и зачем идёт, чем по жизни занимается. Выяснилось, что Алина с детства каждое лето проводит в гостях у мамы, которую нежно любит. Что она учится в Московском Педагогическом Университете, мечтает работать с детками в будущем. "Какая открытая, смелая девушка!" – восторгался Сергей про себя, слушая её рассказ. Что не боится бороздить здешние высоты только потому, что в детстве тут жила и носилась по холмам наравне с соседними мальчишками. А иной раз и проворнее их!

Сергей, в свою очередь, поведал ей о серой будничной жизни, заметив, что такие праздничные дни как сегодня бы-

вают крайне редко. Что это такое счастье: встретить прежде незнакомого человека и болтать с ним по душам обо всём на свете! Точно со старым другом, с которым вместе рос и который знает тебя лучше, чем ты сам. Сергей оживился, словно где-то внутри зажегся огонек. Касание Красоты. На далеком горизонте забрезжили её прелестные черты. Этот день приближал их к чему-то, что открывало новые края и новые пути в сердцах. Алина так весело рассмеялась какой-то его шутке, что это всколыхнуло и без того беспокойное море юношеской души. Это была не рябь, которую гонит лёгкий ветерок, а настоящая волна, одна, другая, третья, что могут повергнуть утлое судёнышко на бок, захлестнуть целиком!

За разговорами и дружным смехом время пролетело незаметно. Посёлок выглянул из-за пригорка крышами низких, приземистых домиков, огородиками и садами. Многие хозяйственные постройки тонули в густых кронах черешни, яблонь, персиков. Но вместе с тем чувствовалось, что посёлок живёт привольной жизнью: где-то виднелся дымок от костра, где-то взлетал в воздух мяч от ног мальчишек, а где-то раздавался треск от рубки топором.

– Ну вот мы и пришли! – прощebetала девушка.

– Эх, как быстро! Совсем не хочется расставаться с тобой.

Какая ж досада вот так встретиться в последний день. Мне же сегодня вечером надо возвращаться на Украину. Отпуск подошёл к концу. И задержаться не могу: и билетов нет, да и таможни теперь надо проходить же.

В глазах Сергея читалась томительная надежда сродни той, какую питает, быть может, разве что осуждённый на казнь в последний день своей жизни. Надежду, что произойдёт чудо, и ему таки удастся спастись! И чудо произошло: оказалось, что Сергей родом из Харькова.

– Да и я туда через неделю еду! – воскликнула тут же новая знакомая. – У меня там бабушка живёт, и раз в год-два я езжу её проведать, везу разные передачи, гостинцы от мамы. Как здорово! Мы увидимся совсем скоро, Серёжа!

И она ему рассказала, где живёт, и как они могут встретиться. Серёжа несказанно обрадовался, и почти сразу покраснел.

– Об этом я и мечтать не мог!

Он проводил её до дверей дома, но они ещё долго стояли и разговаривали, всё никак не решаясь расстаться. Наконец, Алина вспомнила, что Серёже предстоит ещё собираться и выезжать. Он до сих пор не в городе, а ждать автобус долго предстоит. Расставание прошло трогательно и душевно. И через десять минут Сергей бодро шагал к автобусной остановке, внутри грело, точно кто-то распалил очаг в морозный зимний вечер.

Автобус пришёл быстро. Так же быстро юноша собрался, скинул легко на плечи синий туристический рюкзак, и отправился на станцию искать машину, которая едет к российско-украинской границе. «А ведь ещё совсем недавно не было таких сложностей! Сел вечером на поезд в Харьков, а

утром проснулся в Симферополе. И что же? Не нравилось, что тяжёлая дорога, пока доберёшься до моря? Вот и получите: стало-то ещё хуже!» Такие мысли стали крутиться в голове, пока маршрутное такси на восемь человек мчало его и других желающих к границе. Но вспомнил о той, что так поразила дивной красотой, вспомнил о встрече, что ждёт их через неделю, о том, что ей скажет, как будет любоваться её бездонными, детски-восторженными глазами, и все мысли тут же улетучились. «Но неделя! Целая неделя – это же такой громадный срок! Как пережить?» И вот в таких мыслях и мечтах пролетел стремглав внешний мир – и обе таможни с их оформлением и осмотрами, и дорога на вокзал. Поезд отходил поздно, в час ночи, а приехали они к восьми часам. Проводник намекнул прямым текстом, что достаточно двадцать гривен, и можно попасть на своё место заблаговременно и лечь спать, а не маяться на вокзале. Сергей так и сделал. И вскоре мир растворился в самых радужных снах. Снилось что-то приятное, и лишь в кратких промежутках, в полудрёме, доносился грохот колёс, дёрганье вагона при остановках, мельканье станций и ночных лиц пассажиров на них. Потом он снова погружался в сладостные сны, как аквалангист ныряет в полюбившееся место, и мир растворялся, таял в ночной мгле.

Восход солнца застал его на ногах, бодрого и готового к началу новой жизни. С энтузиазмом смотрел он за окошко вагона: знакомые места представляли там, но, вместе с тем,

иные – в них, точно в полотно, вдохнул живость неведомый художник. Всё раскрасилось яркими летними красками, заиграло весёлыми огоньками через зелёную листву деревьев.

Неделя началась неспешно. После широких полей, высоких гор и бескрайнего голубого моря тесные и суетливые улочки, шумные рынки и магазины, мчащийся поток машин, прерываемый лишь марафонским забегом пешеходов, – всё это представало крайне далёким, чуждым, неестественным. Домой Сергей добрался быстро. Дальняя дорога, все пережитые мгновения, эмоции, как ревущий горный поток, дали знать о себе немедленно – и молодой человек забылся сном ребёнка.

Потом, конечно, постепенно началась будничная жизнь, ещё без страшной силы привычки в действиях и распорядке дня, а потому несколько более взвешенная. Но всё равно пришли дела, и закрутилось колесо рабочей недели. День прошёл, другой, третий. Но как же мучительно больно, словно нехотя, двигались стрелки часов! Услышать бы её голос, поговорить о любом пустяке, обменяться парой строк в письме, – вот всё, чего он желал больше всего на свете. Но этого не могло случиться: придя в привычные границы, он с ужасом сообразил, что они даже не обменялись ни номерами телефонов, ни адресами в интернете, – и фамилии её не знал! – один лишь адрес дома да тенистый дуб в скверике рядом вселили надежду на встречу.

Неудивительно, что по прошествии недели, чем более

близок становился назначенный час, тем всё более разжигалось в нем нетерпение и какая-то внутренняя, прыгающая радость. Как малыш ждёт чудесного праздника и подарков, так и Сергей ждал ту долгожданную минуту, когда сможет увидеть ее – ту, которая заняла все мысли и сердце.

Вот улица с яркими вывесками на магазинах, вот тротуар и люди, люди. Но нет того лица, увидеть которое так жаждал. Вот рынок небольшой. За ним знакомая, за долгую неделю-то, аллея к скверу. Тенистые дубы, каштаны, клёны, липы – всё радовало глаз. В девять часов в воздухе висела чудесная утренняя свежесть. Вскоре показался заветный дуб, огороженный с четырех сторон изящной оградкой, невысокой, всего в полроста взрослого человека, но усеянной всевозможными замочками, которые оставили здесь многие влюбленные пары в залог крепкой, нерушимой любви.

– И не случайно же именно здесь назначила встречу Али-на! – воскликнул юноша.

Он сел на одну из скамеечек, что стояли кругом могучего тенистого дуба-великана, и стал ждать. До десяти часов, времени, на которое они условились о встрече, оставалось всего ничего. Он не знал, откуда ждать её появления – то ли со стороны железнодорожного вокзала, до которого рукой подать – от силы полчаса быстрым шагом, то ли со стороны автобусной станции, где останавливались прямые рейсы, идущие почти от самого полуострова. Как она добиралась, чем? Эти и многие другие практические вопросы в ту памятную про-

гулку совсем не шли в голову. Зато нечто более важное зародилось в то время. Преддверие чего-то неизвестного, как заря новой жизни.

Наконец, эта минута наступила: пробило десять часов, хотя ручные часы и не издавали звуков, но в тот миг казалось, что они именно пробили, и никак не иначе! С замиранием сердца смотрел Сергей по сторонам, вглядываясь в далёкие лица и фигуры людей, – не мелькнет ли среди них та, которую так ждал? Вот вдали показалась девушка в белоснежном платье. Та же прическа, та же фигура! Сердце радостно забилося в груди, он подскочил со скамейки и сделал шаг навстречу. Но тут сквозь листву выглянуло утреннее солнышко, лучи мигом осветили всю аллею, и влюбленный смог лишь выдохнуть – не она! Девушка прошла мимо, несколько задумчиво посмотрев на него, но Сергей уже смотрел в другую сторону, ожидая Алину теперь оттуда. Минута шла за минутой, а девушка всё не появлялась. Нетерпеливый юноша исходил все бордюры, тропинки и клумбы в окрестностях дуба и далее, ненароком истоптал несколько цветов, но прохожие всё реже появлялись на горизонте. День шел будничный, рабочий, а потому неудивительно, что далекий сквер пустовал в эту пору.

Так прошло два томительных часа ожидания. Но ни шелеста ветерка, ни шелеста платья не предвиделось. «Что же могло случиться?» – гадал Сергей, и не находил разгадку. Впрочем, и сильного беспокойства, как бывает в предчув-

ствии беды, не было. Скорее, недоумение овладевало им. Сердце перестало бешено колотиться, и он начал перебирать разные причины, которые могли приключиться в далекой поездке: можно не успеть на вечерний поезд, задержавшись на таможне (один из худших вариантов, так как пришлось бы ночевать на вокзале и ждать следующего дня, ведь последнее время курсировал, в основном, лишь один поезд), в дороге могла произойти задержка на несколько часов (мало ли, какие бывают происшествия!), она могла зайти сперва всё-таки к бабушке и задержаться. А могла ли забыть? Нет, эту мысль он даже не хотел обсуждать ни с собой, ни с кем другим.

Прошел еще час, и Сергей понял, что ждать бессмысленно. Видимо, что-то произошло. В кармане летних шорт лежала записка с адресом её бабушки, но не пришлось доставать клочок бумаги – он помнил наизусть записанное там. Переулок Пролётный, дом тридцать шесть, восьмой этаж девятиэтажного дома. Отсюда этот дом находился в четверти часа обычной ходьбы, но Сергей прибежал на место меньше, чем за десять минут. Отдышался немного возле подъезда, выждал, пока кто-то из жильцов дома открыл дверь с магнитным замком, и юркнул вовнутрь. Двери лифта протяжно заскрежетали и открылись, впуская пассажиров. Две женщины, одна постарше, другая помладше зашли первыми. К последней прижалась девочка, лет пяти-шести, которая впорхнула следом. Двумя ручонками она держалась за

кофточку молодой мамы, и улыбка озаряла её лицо. Сергей зашел одновременно с еще одной девочкой лет десяти. Старшенькая обняла младшую за плечи, и та выпустила одну руку с кофточки мамы и нежно сжала руку школьницы. Женщины спросили, какой этаж у Сергея, но ответить ему помешал грубый толчок в спину, отчего он чуть подался вперед, стараясь не сбить с ног девочек. Сергей оглянулся: вспотевший широколицый мужчина с кейсом в руке неприятно улыбался, протискиваясь в закрывающиеся двери. Юноша возмутился такой наглой бесцеремонности, но почёл за благо отвернуться, не желая портить чувства перед встречей с Алиной.

– Я тебя очень люблю, сестричка! Ты у меня самая лучшая! – детским голоском, но так проникновенно и ласково произнесла малышка, смотря в глаза старшей сестре. – А через несколько лет, когда ты вырастешь, ты будешь ещё старше меня?

Сестра с заботой посмотрела на меньшенькую. А та продолжила расспрос, пока лифт, грохоча металлическими боками, поднимался наверх:

– А потом ещё, когда ты станешь совсем взрослой, ты будешь даже взрослее мамы?

Мама широко улыбалась. Но тут лифт судорожно дернулся, закрихтел, и замер, так и не открыв двери, где-то между этажами. Малышка крепче схватилась за маму и сестричку. Женщины встрепенулись.

За спиной у Сергея послышался тот же противеньский развязный баритон:

– Это всё происки российских спецслужб! Они же повсюду!

Молодая мама нагнулась к дочкам и что-то шептала им, чтобы те не волновались. Женщина постарше демонстративно отвернулась в сторону кнопки вызова дежурной. Никто не отреагировал на замечание, и мужчина, видно, злился.

– А что вы думаете? – продолжил он с раздражением после паузы. – Сначала их самолёты бомбят наши города, а потом отключают и лифты, и газ.

– Да, говорите?! – из динамика раздался протяжный скрипучий голос дежурной. Сергей с облегчением вздохнул, что больше не придется ничего выслушивать. Ещё помнил он о тех добродушных людях, с которыми познакомился, отдыхая в крымском пансионате. Они приехали с разных уголков России, и многие искренне сопереживали, смотря за тем безобразием, что творилось на его родине. У некоторых остались на Украине те или иные родственники, и теперь они не могли видиться, а только переписывались по электронной почте, или общались через скайп, – но это же не заменит никогда личной встречи с близким человеком!

– Мы застряли, помогите, – женщина, вызвавшая дежурную, заговорила с ней, но Сергей не слушал: думал, что вот будет незадача, если в это же время Алина выйдет с квартиры и пойдет по лестнице на встречу с ним.

– Подождите, – тем временем прозвучал голос из динамика.

Все затихли, даже полноватый мужчина с недовольным лицом. Прошла, может, целая минута, как в утробе железной коробки раздалось клацанье, потрескивание, лифт вздрогнул, точно мужик после пробуждения от глубокого сна. И медленно пополз вверх. В щелочку между дверями виднелся серый рельеф стены, и вот наверху забрезжил свет, стена закончилась. Все обрадовались, когда пол лифта наконец сравнялся с полом этажа, и на пятом этаже двери открылись. Все поспешили выйти, предпочитая подняться по лестнице пешком, чем рисковать застрять.

Мужчина свернул с лестничной дороги на шестом этаже. Все с облегчением вздохнули. Женщина пошла на девятый этаж, а вот мама с девочками и Сергей очутились на восьмом. Один коридор вел к квартирам налево от двери лифта, а другой напротив первого уходил вдаль. Сергей спросил у молодой мамы, где квартира номер 67, и оказалось, что они вдобавок с одного коридора. Вот совпадение! Но над этим влюбленный не успел подумать, как звонок запел музыкальной трелью. Позади зазвенел ключ, попав в замочную скважину, и дверь распахнулась. Сергей обернулся: мама с девочками заходили в свою квартиру. И только на пороге дома малышка расплакалась. Сестричка присела к ней и погладила её руку, мама захлопнула за ними дверь, и все звуки резко приглушились.

– Вам кого? – от неожиданного вопроса юноша вздрогнул. Перед ним стояла, чуть согнувшись, но с твердым выразительным взглядом, старушка. Волосы большей частью поседели, глубокие морщины разрезали былую гладь лица, но держалась она на ногах крепко и бодро. Точно в безмолвном призыве, что, как бы жизнь ни была, а жаловаться и причитывать она не станет.

– Здравствуйте! Извините, а здесь живет Алина?

– А! Вы, должно быть, Сергей, да? – старушка просияла почему-то. – Проходите, проходите. Мне есть, что вам рассказать!

Молодой человек испытал противоречивые чувства: и удивился, и обрадовался как-то сразу, точно в пузырьке для духов смешали разные ароматы, и получился странный запах. Но колебание продлилось не дольше пары секунд, а внутри промчалось столько мыслей и чувств, что ощущения говорили, будто прошло пару минут. Женщина чуть отодвинулась в сторону и протянула руку, как бы приглашая. И после того, как он прошел в небольшой коридорчик с овальным зеркалом, висящим на стене возле шкафа с одеждой и обувью, бабушка Алины (об этом Сергей догадался почти сразу) мягко закрыла дверь и протолкнула шарик навесной цепочки в планку на двери, что, видимо, служило защитой от внезапного распахивания.

– А где же Алина? Мы познакомились с ней в Крыму. Она говорила, что будет сегодня. И мы хотели встретиться, – Сер-

гей говорил короткими фразами и быстро, точно боясь упустить возможность счастья и новой жизни.

Бабушка добродушно улыбнулась. На своем веку она повидала многое, и вынесла из житейских бурь и невзгод опыт: торопливость зачастую ведет лишь к ошибкам и страданиям. «Впрочем, это простительно горячей молодости», – подумала она. Но вслух сказала:

– Серёжа, проходите. Разувайтесь. Вот есть сменная обувь, можете надеть. Давайте я вас чаем угощу. А заодно и всё расскажу, – Сергей загорелся от нетерпения, и бабушка тихонько добавила, – сначала чай. Вы уж простите меня, есть что рассказать, но горло хочется смочить.

– Да, да, конечно. Спасибо. Как к вам обращаться, бабушка?

– Надежда Викторовна. Да где же теперь найти надежду в нашей державе страдальной?

Чайник поставили, вода стала весело шуршать. Не успел Сергей, как следует, рассмотреть коридор, кухню в дубовых тонах, с резными рисунками на выдвигаемых ящичках буфета и на ножках стульев, как две чашки, сахарница, хлеб и сливовое варенье стояли на столе, на новой, только что накинутой, льняной скатертью с полупрозрачным кантиком. Чайник зашвистел, и фарфоровый заварник с длинным, точно любопытным, носиком, наполнился кипятком.

– А как вы узнали, что меня зовут Сергей? – спросил юноша. С чего-то же надо было начать!

– Алина звонила, – при этом он чуть не подпрыгнул на стуле, – да, мы говорили. Довольно долго, как оказалось. Не знаю, сколько она потратила, но связь же теперь ужас какая дорогая! Другая страна ведь. Но зато Алиночка успела столько всего рассказать. И попросила непременно, как пойдет Сергей её спрашивать, и ему это же передать и рассказать. Да вы пейте, пейте. Чай уже заварился. Давайте вот налью вам, так. Вы какой, крепкий, любите?

– Да, спасибо. А когда звонила Алина, давно?

– Вот и сливовое варенье с хлебом берите. Не стесняйтесь. Да, вчера звонила, шесть вечера, наверное, где-то было. Так что, кушайте да слушайте. Расскажу вам, Сергей, всё в подробностях. До таможни доехала благополучно. С Симферополя хватало рейсовых маршруток. Было их пять человек, без водителя. Водитель то и дело на таможне выбегал, с кем-то договаривался всё время, потом заскакивал и быстренько выруливал. На российской границе дала она в окошко свой паспорт, прописка же у нее московская, учится в Москве, хотя в детстве и здесь, в Харькове, довелось несколько классов в школе проучиться. Оформление прошло быстро. Порядок, очередь там, всё, как положено, без суеты. Все прошли быстро. Ехала и еще одна женщина с российским паспортом. Все зашли обратно в маршрутку, поехали. Водитель, не поворачиваясь, и говорит: все спрятали, если есть, российские любые документы, – увидят, плохо будет. А Алина за это время разговорилась с этой женщиной, и показывала

ей штампы в загранпаспорте, – это шенген, вот, рассказала, как ездила через Чехию и Австрию в Италию, смотрела на Колизей! А вот и Индия, говорит, тут другой штамп, уже и забыла, правда, где какой, – то было на первом курсе еще. Еда у них уж очень со специями. Любят они такое, и пряности разные. Даже если официант спрашивает «вам со специями или без», и она говорила «без», то все равно приносили еду, так аж нос пробивало! А они привыкли к такому. Ганг грязный, но никаких плавающих трупов не видела.

– Это всё Алина рассказала? – перебил Сергей.

– Да, почти. Я же тоже там бывала, правда, много воды утекло с тех пор. И вот, подъезжают они к украинской таможне. Проехали, значит, нейтральную часть. Очереди почти не было. Это в сторону Крыма пробки жуткие – видела, наверное, фур тридцать, стоящих в длинной колонне. Их отдельно пропускают. А еще – и на машинах народ едет всюю отдыхать, и пешком. Долго ждать можно. А вот в обратную дорогу почти пусто. Так что, быстро подошла и их очередь. У троих были украинские паспорта, они их и держали в руках без обложки. А эта женщина спрятала свой российский паспорт, и достала украинский! В общем, Алина подошла к окошку почти последней, и тут начались неприятности. Она и говорила, что к бабушке едет, что никуда больше не поедет, что раньше тут жила. Ни в какую! Водитель, услышала она краем уха, и говорит остальным: нет, не пустят, развернут сейчас. Минут десять, наверное, она и просила, и пыта-

лась «договориться», но говорит, не берет. Даже деньги не нужны, боятся, что уволят. Один такой полный коренастый таможенник ей так и сказал: «Вот остановит вас где-нибудь гаишник, и начнет выяснять, как вы сюда попали. А дальше – депортация, а у нас будут большие неприятности. Езжайте, – говорит, – как положено, через таможду, но не здесь, на границе с Крымом».

– Как так? Почему?

– А вся соль вот в чем оказалась! Стали спрашивать, как она вообще попала в Крым. А она же с Москвы летела самолетом, а дальше – через паром и перебралась. По-моему, единюго билета у неё не было, так что пришлось потратиться. А этот таможенник всё и расспрашивает: «Если она оказалась в Крыму, то как туда заехала? Где в паспорте их отметка о въезде?» А если её нет, то как она может вернуться, если не выезжала?

– Ну дела!

– Да. Они же считают это украинской территорией. У них такая оскоминая, у бедных, что еще несколько месяцев назад бывали случаи, что и паспорта российские брали и рвали просто. Так что пришлось ей взять рюкзак на плечо, и потопать в обратном направлении, опять на российскую таможду. Обратно через паром добираться теперь будет. Попробуем занять у мамы денег. Где они, правда, найдут их? И будет в объезд ехать. Может, и не заедет сюда теперь. Это же какой крюк. Думала тут погостить дня три. Но занятия

близко. Уже год не видела Алиночку, эх! Что за судьба такая печальная, что родственников разрывает в разные стороны, и не дает свидеться ни братьям, ни бабушкам и внукам?

Сергей погрузился в размышления и замер. Рука плавно поставила чашку с допитым чаем, и улеглась на краю стола. Дыхание размеренное, спокойное, взгляд перестал бегать.

– Да!.. – словно от сновидения, очнулся он, наконец. – Спасибо вам большое и за чай, и за угощения. А больше всего за этот рассказ! Всё равно, любая ясность лучше туманной неизвестности.

Старушка нежно осмотрела молодого человека.

– Вы молодые! Еще всё впереди у вас! И счастье, и любовь, – лицо просияло улыбкой, но тут она спохватилась, – да, я же совсем забыла: Алина будет ждать ваш звонок. Очень. Это она так и сказала. Очень будет ждать. Вот, держите.

И, нырнув в карман просторного махрового халата, достала оттуда обрывок бумажки и сунула ему в руки. Сергей развернул листик, и его взору предстали написанные размашистым почерком заветные цифры. Задумчивость мигом слетела, он оживился, и горячо поблагодарил бабушку.

Из квартиры вышел совсем в другом, приподнятом, настроении, точно и вправду наступило лето и солнце озарило стены коридора, пробежалось по щиткам и проводам, нырнуло в дверь, что вела наружу. Но не успел дойти до двери, которой заканчивался длинный коридор, как дверь напро-

тив бабушкиной квартиры приоткрылась, и оттуда гурьбой высыпали две девочки. Одна, меньшая, та самая, в длинных плотных колготках, и летнем песочнике из хлопковой ткани, то ли ситца, то ли кулира, вышла первой. Старшая девочка, в легком салатовом платице и с зелено-белым бантом, взяла ее за руку и повела к лифту. Сергей пошел следом. Возле лифта они дружно остановились.

– Можно вызывать лифт? – обратилась малышка к нему. – Слышишь, мама закрывает дверь и идет?

И правда, мама подошла. Рядом с ней шел крепкий высокий мужчина серьезного вида, в аккуратном деловом костюме, с ровным пробором волос и неподвижными бровями.

Лифт подъезжал.

– Наверное, прогуляюсь пешком, – сказал Сергей, обращаясь к маме девочек, – не хочу, чтобы повторилась та же история, что была.

Мама одобрительно кивнула. А та девочка посмотрела сначала на маму, потом на Сергея, и, прежде чем он ушел, сказала:

– Я не хочу, чтобы нас бомбили самолеты, – последние слова она протянула жалобно.

Ему хотелось подбодрить, утешить, но слова застряли в горле. Казалось, взрослому человеку он мог бы хоть что-то сказать. Что-то, что его хоть как-то грело, давало надежду. Но ребёнку непонятны сложные размышления о судьбе, о долгах; ему давай такое, что достучалось бы до его понима-

ния жизни.

– Ну, что ты, голубка моя, – мама подбежала к дочке и обняла её. Дверь лифта открылась. – Пойдем, видишь, лифт приехал. Сейчас мы погуляем все вместе, а потом папа пойдет на работу.

И они зашли в кабинку, а Сергей пошел к лестнице. Двери лифта закрывались не сразу, автомат выжидал, прежде чем поехать, и молодой человек увидел, как мама присела и вытерла слезы с маленького личика.

– Не расстраивайся, Лиля! Дядя тогда сказал неправду.

– Да?

– Да! Он ошибся. Правда прячется от людей. Только тот, кто её ищет, может найти... – последние слова были уже не слышны, так как двери сомкнулись, и кабинка стала спускаться.

Когда Сергей вышел из подъезда, девочки уже качались на качелях, муж и жена прогуливались рядом. Жизнь началась заново. В руке он сжимал клочок бумаги.

– Пусть далеко ты теперь, но для любви нет преград: ни времени, ни расстояний. Мы будем счастливы!

И бодро зашагал вперед, навстречу неизведанному.

2015

Баллада о дружбе и любви

Эта история произошла одним солнечным летним днём, когда солнышко на голубом небе ярко светит, ветерок освежающе дует и гонит лёгкие тучки в новую даль. По небу проплывают всевозможные барашки, собачки, кролики и птички, то мчась друг за другом в игре, то отдыхая среди какого-то вольного пейзажа – разлива рек или лугов, холмов или тенистых лесов. В одном дворике, в окружении громадин – высотных домов, – расположилась прямо посреди свободного пространства песочница. Её только недавно обустроили, и детвора не теряла случая здесь поиграть. Была и игровая площадка рядом, и разные лабиринты и лесенки, качели и скамеечки. Но это для ребят постарше. А вот для маленьких Виты и Руслана эта песочница со свежим бархатным песком, который золотился на солнце, блестел и дышал как африканские пустыни, была настоящим сокровищем и полем для самых разных игр.

И вот однажды, после обеда (так как в обеденную пору здесь было совсем жарко, да и кушать обязательно надо, как говорили и повторяли их мамы), они играли как обычно, купались в песке, роя своими игрушечными лопатками секретные ходы и проезжие дороги, строя небольшой, но мирный и дружелюбный, по их замыслу, город. Смех и веселье сопутствовали им. Разве много надо для дружной компании,

состоящей из двух человек? Они строили этот город вместе: по очереди погружали свои лопатки в песок, становились на прямые ножки, широко раздвинув их в стороны, так что намеченная дорога оказывались внизу, и топали вперёд, прорывая таким образом новый объект.

И всё бы ничего. Всё ладилось более-менее. Дело двигалось уже не первый и не второй день. Город их общей мечты начинал оживать. Так им, по крайней мере, виделось. Их мамы же видели в этом не больше чем кучки песка, разбросанных то там, то сям, да грязные испачканные футболки и штанишки, которые надо будет дома застирывать и вешать сушиться – ведь завтра будет новый день! Да! Город оживал. Тут были и машинки, и стоянка для них. Рабочие – фигурки людей – после трудной рабочей смены садились в них и разъезжались по домам спать, набираться сил для нового труда. Машинок было много. Тут были и красные, и чёрные, и белые, и даже разноцветные. С откидным верхом, и без него, с открывающимися дверцами, и без них. Одним словом – целая стоянка! Ровняли её ой как долго двумя лопатками! Зато это стоило их усилий – площадка вышла на славу!

Другое дело – дома! Папа у Виты был инженер-строитель, поэтому она хорошо знала: прежде чем строить дом – нужно заложить фундамент, а чтобы его заложить – нужно вырыть под него яму.

– Без экскаватора с большим ковшом тут не справиться! – твёрдо заметила однажды Вита.

Да Руслан это и сам знал. Ему тоже хотелось, чтобы в стройке непременно участвовал экскаватор. И обязательно с большим ковшом с зубцами на конце. Но как Вите этого хотелось! И как хотел Руслан обрадовать свою подругу!

И в один погожий денёк это ему удалось. Папа ведь обещал ему купить любую игрушку, какую он захочет. А раз обещал – значит, дело было в шляпе!

Рынок показался ему бесконечным, огромным и кричащим. Трудно было не оглохнуть среди всего этого шума и крика. Но это того стоило – красавец-экскаватор на четырёх мощных колёсах, с большой кабиной чуть справа, а главное – с большим управляемым ковшом. Да, да! Это было просто чудо: стоило его потянуть за рычажки на корпусе, как металлический ковш с зубцами красного цвета важно зачёрпывал воображаемые глыбы земли, переносил их по воздуху на другое место, а потом со скрежетом и звоном раскрывался как рот, и сбрасывал вниз всё, что нёс! Хотелось скорее уже опробовать его в деле.

Пока он тянул экскаватор в новенькой красивой коробочке к песочнице, предвкушая радость Виты от его подарка, несколько мыслей всё же копошились в его кудрявой головке. Одна из них была, что папа теперь не скоро сможет его снова порадовать покупкой – у семьи было мало денег, как он сказал; а вторая – что такой подарок он и сам хотел, но Вита ж – его любимый друг, как говорили взрослые, и, может, они будут вместе играть, а может даже, Вита даст ему потягать

за рычажки, когда сама наиграется? Как знать? Главное же было, что она наверняка захлопает в ладоши, и они начнут строить дома в городе Мира!

– Смотри, что я принёс для тебя! – крикнул Руслан ещё издали. – Это будет твой экскаватор. И он управляется, смотри!

Минута бурной радости была их общей. Конечно, Вите понравился экскаватор – он был совсем как настоящий. На работе у папы она видела их часто. Стоило ему очутиться в её руках, как фантазия девочки обрисовала все ближайшие задачи, которые надо было решить, и планы, которые надо было выполнить! А раз задачи есть – то работа закипела! В её руках машина стала перелопачивать тонны земли и песка, рыть котлованы и ямы под будущие фундаменты домов. Вити так это увлекло, что мальчик не успевал за ней ходить с участка на участок. Минуты летели быстро, всё новые задачи находились для такой чудо-игрушки, строились планы на годы вперёд. А что же Руслан? Он перестал бегать и просто стоял с чуть грустными глазами. В его сердечко подбиралась расстройка и огорчилка на любимого друга. «Как же так? – думал он. – Ведь папа ж мне больше такой не купит! У семьи мало денег, сказал он. И наш экскаватор мне теперь не потрогать, значит?» Огорчилка на поведение девочки грызла его и щемила, глазки становились всё печальней. Как раз в этот момент мама оторвалась от разговора с соседкой про курс доллара, как он ужасно растёт, и что будет дальше? – и

подошла к сыну.

– Руся! Что ты стал как вкопанный? Не хочешь уже больше играть? Тогда пойдём домой! Дел дома ведь полно, пойдём! – и стала тащить его за руку.

«Какая ж ты эгоистка!» – подумал Руслан, оглядываясь на девочку – она всё так же увлечённо рыла яму для фундамента. «Эгоистичная...» – думал Руслан. Так ему всегда мама говорила о нём, когда он её не слушался и капризничал, или брал со стола самые вкусные конфеты быстрее брата. И тогда мама шлёпала его и говорила, что он «не думает о других». Что это означало – было непонятно, но сейчас почему-то это хотелось крикнуть оставшейся в песочнице девочке!

Ночью он плохо спал, да и вообще выглядел помятым. «Эгоистичная» – думал он, и от этой мысли только больше расстраивался. Вечер и ночь тянулись, казалось, очень долго. Но что-то по-прежнему сильно тянуло его к девочке с экскаватором и их любимой песочнице.

Так начался новый день. Жизнь начиналась, словно заново. Руслан простил Виту – «девчонка, что с нее возьмешь?» – и смотрел другими глазами на то, как она возится с игрушкой. Какова же была его радость, когда Вита дала ему прямо в руки желанный экскаватор и сказала: «Возьми, поиграй. Тоже хочешь!» Но это уже совсем другая история!

"ИСТОРИИ ХОЛМОГОРИИ"

ЦИКЛ РАССКАЗОВ ПРО ГНОМОВ (2019-2021)

Про уши и глаза

Это было необычное семейство гномов. В отличие от большинства нам известных видов эти два отличались тем существенным недостатком или же достоинством (смотря как на это посмотреть), что не могли друг без друга обходиться. Или же могли, как некоторые и делали. Но в этом случае они, скорее, больше теряли, чем приобретали.

– Привет, Рыжий Ушик! – приветствовала вошедшего в низенький домик в холме хозяйка.

На пороге стоял, лукаво щурясь, коренастый лохматый гном с заметной рыжиной в густой бороде. Может потому его так и прозвали? Всем известно, что новорожденному имя давали не просто так, а советуясь с самым мудрым в общине, а он уж по одному ему известным признакам говорил, как лучше назвать нового жителя Холмогории. Причём второе имя больше относилось к семейству или роду, а первое – к отличительной черте во внешности или характере.

– Хорошего и тебе дня, Добрый Глазик! – ответил на приветствие вошедший.

– Как сегодня потрудился, милый? Что принёс?

– Вот смотри какие! – и с этими словами он достал из дорожной котомки пару светло-коричневых шарика размером с перепелиное яйцо каждый. Помимо характерного рыжеватого отлива, с одной стороны шли овальные бороздки чем-

то напоминающие створки ракушки.

– Здорово! День удался: а у меня даже три сегодня! – и хозяйка достала из фартука такого же размера шары. Впрочем, шары – громко сказано! По весу на ладони вообще не чувствовалось, что там что-то лежит.

– Ох, какие хорошие, – удовлетворённо отметил Ушик, – цвета первых ромашек на лугу! И как будто подмигивают!

– Да такие же как всегда вроде бы, – смутилась и заулыбалась гномочка. На вид ей не дашь и три сотни лет, а когда она поднимает чудные большие глаза с карим солнышком внутри, то кажется, что пора юности только занимается.

Дружно, не глядя друг на друга, они бросили почти невесомые камешки в нечто наподобие круглого ларца у изголовья каменной кровати. Камешки с едва различимым свистом перемешались, окрашиваясь в цвета соседних, как хамелеон меняет окраску, приспособляясь к окружающей среде.

Пужинали на славу: оба, довольные, умастились на ложе и слушали первые звуки хора цикад.

– Говорят, там сегодня будет выступать известный голос, приехал специально из дальнего края леса, Цирцозов зовут вроде бы!

– Где ты такое услышала, Добрый Глазик?

– В лесу днём. Когда гуляла. Всё-таки это удивительно... слышать!

– Ещё бы! – явно польщённый, ответил муж.

Тук, тук, тук.

В дверях раздалось характерное побрякивание, а следом ввалилось знакомое семейство: гном со вздёрнутой чёлкой и его половинка – слегка припадавшая на одну ногу, но от этого не потерявшая красоты, пышная дама.

– Нарциссус Глазик, Пышно Обоняшка! – воскликнул Рыжий Ушик.

– Какими судьбами? – обрадовалась Добрый Глазик.

Гости поклонились согласно многовековой традиции и шагнули внутрь, притворив дверку – хор цикад вошёл в раж и уже не мог остановиться.

– Мы гуляли, гуляли, – запела Пышно Обоняшка, водя носом по сторонам, точно пробуя все запахи на вкус, – а там такой хор, такая знаменитость приезжая! И вот-вот выйдут звёзды! Идёмте гулять! Дома успеете ещё насидеться в обнимку!

– А почему бы и нет? – встрепенулся хозяин.

– В самый раз! – запищала от восторга хозяйка.

Сказано – сделано: через пару минут входная дверь в уютную норку закрылась, а оба семейства топали в местный концертный зал – широкую лужайку у склона горы, откуда открывался вид почти на всю округу. В том числе и на их норку. Но она была вдали и через озерцо впридачу.

Филиус Цирцозов сегодня блистал, как никогда: весь в пышном перьевом наряде, с косой бабочкой на груди, а на крылышках точно отражались искорки первых зажжённых

звёздочек на темнеющем небосклоне.

– Какое выступление, какой голос! – только и слышалось то с одной стороны, то с другой.

Все гномы, а их тут было немало, достали свои шарики из кармашков. Достали их и наша пара. Каждый зажал в правой руке по одному. Камушки, казалось, понемногу таяли. У Рыжего Ушика и Доброго Глазика они были едва различимы: оба – смесь коричневато-рыжеватого оттенка с жёлто-белым, отчего создавалось впечатление, что тёплый земляной великан греется на солнышке. У их соседей же, Нарциссуса Глазика и Пышно Обоняшки, они были подчёркнуто различны: мужской серебристый камушек слегка топорщился кверху, словно пытался вздёрнуть одну свою часть и при этом задорно подмигивал, а женский выдавался вширь и раскрашивался цветочными тонами.

Звёзды замигали в отливах камней. Голоса цикад не смолкали. Им вторили красочные, полновесные голоса лягушек, умастившихся кто на кувшинках, кто у самой кромки воды, кто в зарослях колышущегося под вечерним ветром камыша.

Вечер был идеальным. Всё могло бы так хорошо и закончиться, и все бы разошлись довольные по своим норкам, если бы не одно происшествие, перевернувшее всё с головы на ноги и прервавшее концерт знаменитости.

– Что это? – прошептала Добрый Глазик подруге. – Я что-то, кажется, слышу.

– С каких пор ты стала что-то слышать? – с удивлением и

недоверием пропела Пышно Обоняшка, широко расставляя слова. Она втянула носом воздух и торжественно объявила: – Всё в порядке, никаких чужеродных запахов в округе нет, ни волков, ни двуногих этих с палками, извергающими огонь и металл; уж не знаю, кто хуже?

– Нет, правда, послушай... ах да, ты же не можешь, – с сопереживанием отметила подруга. – Вот не вижу ничего, но что-то слышу! Вот удивительно ведь! А всё спасибо моему любимому! Слышу же: турук, бум, туурк, дум...

Мужчины в это время тоже разговаривали и не слышали своих жён.

– Вот такой вот завиток отрастил, – Нарциссус Глазик крутил в руке длинный выющийся локон густых чёрных волос и смотрел на него с какой-то необъятной любовью.

– Да чего там? Завиток как завиток... – пробурчал Рыжий Ушик. – Мужчину красит борода! А уж если она рыжего цвета – так вообще: каждая гномочка будет рада! И чего любоваться на свою растительность, когда можно радоваться хорошей компании?

– Компания компанией, а своя растительность будет с тобой всегда, – довольный высказанной мыслью Нарциссус расплылся в счастливой улыбке.

– Да погоди ты с растительностью! – востропел Рыжий. – Слышишь? Как будто что-то тарыхтит?

– С чего ты взял? Ничего не вижу! А глаза-то у меня с рождения ого-го! Могу за милю кузнечика в траве увидеть!..

Конечно, если на пути не будет больше ничего...

– Мне это не нравится! – забеспокоился друг. – Добрый Глазик! Ты видишь что-то?

– Нет, – тут же откликнулась жена. – Но слышу!

– Да, и я тоже слышу.

– Смотри, – обратила его внимание на других гномов, – некоторые Ушки всполошились и вертят головами! Наверняка, они тоже что-то слышат! Идём-ка потихоньку отсюда, может?

– Идём, моя Добрая!

– А вы? – обратилась Добрый Глазик к знакомому семейству.

– Мы ничего не видим и не слышим, – спокойно ответил Нарциссус Глазик, – никаких поводов для беспокойства.

Едва они успели подняться и тихонько пробрались к выходу с лужайки, как непонятный грохот стал слышен даже тем, кто не был Ушками: с горы стремительно, как коршун на добычу, нёсся огромный валун, сметая на пути кустарники, ломая ветки дубов и берёз, поднимая за собой след из пыли и обломков жизней тех, кто попал под него.

Тут уж вся поляна всполошилась, дико завизжала, забегала. Гномы наталкивались, опрокидывая друг друга. Цикады заморгали всеми тремя глазиками на темени, взмахнули прозрачными крыльями и роем рванули с насиженного места. Самки, не участвовавшие в пении самцов, повскакивали со своих укрытий и умчались следом. Нарциссус с Пышной

метались среди толпы.

Валун с гиком и размашистостью всей тяжестью своей шлёпнулся на лужайку и, спружинив, перемахивая не успевших убежать, помчался к воде, оставляя за собой тех, кому не повезло. В воде он зашипел, поднял тучу брызг и бесславно ушёл в пучину.

На лужайке творился хаос. Кто-то искал своих товарищей, кто-то – свою родню, помогали раненым, оплакивали тех, кто оказался не так ловок, проворен или же везуч.

– Нарциссус, Пышно! – звали в два голоса Ушик и Глазик. – Вы где? Ау!

– Может, вот там они, давай глянем! – забеспокоилась Глазик. – Извините, мы пройдем, ой, осторожней, да, мы сюда... позвольте...

Нарциссус сидел на кучке мха с застывшим выражением горестного лица. Рядом, головой к его ноге, лежала Пышно...

– Ой, ой, ой, – запричитала Добрый Глазик.

– Вот так горе, – встал на месте Рыжий Ушик.

Внезапно Нарциссус посмотрел на них и сказал:

– Всё пропало...

– Что случилось? Как это случилось? Пышночка? – Добрый Глазик смотрела на них так тепло, с таким участием, что и лёд растопился бы.

– Что, что? – ворчал Нарциссус. – Как я теперь ходить буду? Вы посмотрите только на мою ногу! Ушиб как минимум!

Ушик и Глазик застыли, глядя на ногу и лежащую рядом Пышночку.

– А... – едва только успела вымолвить Добрый Глазик.

Пышно Обоняшка обернулась к ним на миг только, чтобы сказать:

– Да, вы посмотрите только на его ногу! Как же он теперь, бедняжка, будет гулять? Ушиб как минимум!

И она вновь повернулась к его ноге, ломая голову, чем же помочь беде.

Ушик и Глазик переглянулись, улыбнулись и выдохнули.

И только тут поняли, что на лужайке продолжается пение. Не поверив своим ушам, они во все глаза смотрели на блистательного певца.

Рядом с ямой от валуна невозмутимо стоял и продолжал петь с закрытыми глазами Филиус Цирцозов. Допев, наконец, длинную арию, он открыл глаза, осмотрелся по сторонам и удивлённо спросил:

– Это была лучшая ария в моей жизни! А где все?

2019

Про память и сердца

Холмы гномов мирно дремали под лучами утреннего солнышка. Утро выдалось чудесным, ясным, погожим. Все, что могло произойти плохого, за прошлую неделю произошло: Нарциссус Глазик до сих пор хромал на левую ногу после того валуна, что разметал гномов. Правда, от этого он только больше теперь сочелся со своей Пышно Обоняшкой, которая припадала на ногу от рождения. Рыжий Ушик с Добрым Глазиком навещали их по два раза в день, приносили горячую похлебку, которая так удавалась Глазику! Как никак, они были не только их соседи, но и родственники: Нарциссус приходился жене Рыжего Ушика родным братом.

– Послушай, братец, – увещевала Добрый Глазик, – ну, нельзя же так всю неделю валяться!

– Я не валяюсь, – спорил тот, – я весь пострадавший и залечиваю рану!

– Но это же всего ушиб был! – не вытерпел Рыжий Ушик, глядя на страдальческое лицо Нарциссуса. – И потом, он уже прошел давно у тебя! Гляди – совсем здоровая нога, хоть и чуть хромаешь.

– Вот именно! – возразил Нарциссус. – А раньше она была полностью здоровая! А как мне моя память живо рисует ту страшную картину до сих пор! Все в мельчайших деталях помню!

– Может, потому и хромаешь, что помнишь? – спросил Ушик. – По всему видно, что давно уж прошел ушиб!

– Бедный братец! – Добрый Глазик верила всему безоговорочно, сердце имела нежное, и не могла без слез и участия видеть страдальцев.

Пышно Обоняшка тут же крутилась, у кровати мужа, меняя ему подушку на новую, более мягкую и чистую.

– Вот сестра меня понимает! – закрыв глаза, пробурчал Нарциссус.

Рыжий Ушик посмотрел на жену и погладил густую бороду, отливающую легкой рыжинкой. Он всегда успокаивался, когда смотрел на супругу.

– Ну ладно! Мы чего к вам пришли...

– Помимо супа? – переспросил Нарциссус. – Это же главное!

– Да, помимо него, – не стал спорить Ушик. – Храбрый Ушик протрубил в рог.

– Это значит...

– Да! Это значит, что день моего появления на свет завтра, и он нас ждет!

– А ты опять о нем забыл? – захихикал Нарциссус. – Каждый год одно и то же! Как ты умудряешься?

– Да вот сам не знаю. Видно, моя память устроена по-другому. Твой вот день помню прекрасно...

– Еще бы! Я и сам свой день помню прекрасно.

– А что с моей памятью не так, сам не знаю. Хорошо, отец

всегда начеку!

– Не видел его с прошлого года. Так же лупит белок? – усмехнулся Нарциссус.

– И вовсе не лупил он никогда их. Так... грозился... Больше для острастки. Норов у него такой вот.

– О да, помню, помню!

– Так как? Вы придете?

– Ой, а мне платья когда же теперь готовить? – заволновалась Пышно Обоняшка. Она всегда считала себя первой красавицей холмов.

– Не переживай, я тебе помогу! – успокоила ее Добрый Глазик.

– Ой, как хорошо, как хорошо! Новый фасон можем придумать, обернуть гирляндой из цветов. Муж так хорошо растопил печь, что над нашим холмом зелень вся так и колосится, такая пышная, такая зеленая, – зашебетала Обоняшка. – А какие запахи! Вы бы только чуяли! Ох, это непередаваемо!

– Пойдем готовить же, – обрадовалась Добрый Глазик.

– А суп я тогда доем? – вслед им прошептал Нарциссус. – Вот и хорошо!

– Так как? – повторил свой вопрос Ушик.

– Конечно, конечно, – одобрительно закивал родственник. – Там же будет та вкуснейшая похлебка из дыни?

– Будет!

– О да! Тогда передай, что мы тоже будем!

– Можно от тебя это сделаю?

– Будь как дома!

Нарциссус закричал, а Рыжий Ушик полез в рюкзак, достал свой шарик землистого, теплого цвета, и подошел к дальнему углу норки. Взял чистый лист, потрусил над ним шаром, отчего мелкие пылинки, точно звездочки на темном небосклоне, усеяли поверхность бумаги. Достал трубчатый стилус, погрыз кончик и, прикусив язык, начал водить по листу. Пылинки, точно под действием сильного магнита, устремлялись за стилусом и ложились на бумагу, впечатываясь в нее. Через пару минут письмо было закончено. Он свернул его в трубочку, взял кусочек бичевки, перехватил, надежно затянул, поджег воск, скрепил надежно все. Тут же стоял небольшой сундучок с сетчатой крышей. Многие перегородки разделяли его на части. В каждой из них происходила какая-то возня. Ушик отодвинул сетку в одной части, сунул туда мохнатую руку и достал пищущего зверька. Это оказалась лесная мышка с умными глазами. Гном струсил часть пыльцы с шара на нее, поднес ее небольшое ворсистое ушко к губам, прошептал что-то, взял письмо, обвязал кругом нее так, что оно закрепилось на спинке зверька, и, разжав руку, поднес к малюсенькому отверстию в углу. Мышка тут же бросилась в черноту прохода, видя перед собой манящую дальнюю цель.

– Вот и готово, – произнес Ушик, – через час папа Храбрый будет уже знать обо всем достоверно!

– А ты написал ему, что в этот раз мы придем без белок?

– Конечно. Наши милые пушистые друзья подождут своей очереди. Принесем им часть угощения попозже!

На том и сговорились. Конец дня пролетел в приготовлениях.

На следующий день Рыжий Ушик и Добрый Глазик, захватив свои пожитки, зашли за друзьями. Те были готовы.

– Так что, вперед? – провозгласил Ушик.

– Вперед, в дорогу! – отозвались остальные.

Они зашагали на верх холма, оставляя позади лазурные воды озера. Стрекозы долетали и сюда. Весело звеня в воздухе крылышками, они совершали свой утренний облет. Ирисы, васильки устилали им путь под ногами, белоснежные березки и строгие дубы направляли.

– Не собьемся с дороги? – все переспрашивал Нарциссус. – Ведь год не были в тех краях.

Глазик замерла, приподнялась на носочках и радостно крикнула:

– Да нет же! Вижу, вижу вдали струйку белокурого дыма.

– Если бы ветер шел в нашу сторону, то, может, что-то и учуяли бы! – добавила Пышно Обоняшка.

– Идем смелей, не отставать, – изрек довольный Ушик.

Так они прошли несколько холмов, под которыми скрывались норки их товарищей из местного рода. Так вышло много десятилетий тому назад, что Рыжий Ушик в молодецких странствиях забрел сюда на ночлег, разговорился со здешней

девчушкой (тогда она была так же мила!), а через год и женился, осев тут (а чего долго раздумывать, коль сердцу мила?). Вот и вышло, что родные края оказались в дальней стороне. И только горн Храброго Ушика был слышен всегда, в любой час дня и ночи, когда бы только отец хотел видеть сына. Талант хорошего слуха немало способствовал тому, чтобы такое оказалось возможным. Как говорится, все сложилось благополучно.

Час пролетел незаметно.

– Вот он, знакомый пригорок, – наконец, произнес Ушик. – Как долго я тебя не видел!

– Вот он, аромат восхитительной похлебки!

Все обернулись на плетущегося сзади Нарциссума. Тот удивленно на них посмотрел:

– А что, разве никто не голодный после такой дальней дороги?

Ответы друзей он не услышал. С пригорка донесся радостный окрик, в березу, что стояла метрах в десяти от них, полетел увесистый чурбан дерева. Местные соловьи и черный дрозд с недовольными криками взмыли в небо. “И нечего тут рассаживаться, чье хозяйство?” – донеслось до путешественников.

– Им тоже досталось, – заметил Ушик.

“А нечего...” – раздалось совсем близко. С пригорка к ним летел какой-то земляной шар. Так бы сходила лавина в горах! Но снега тут не было.

– Да это же Храбрый Ушик! – воскликнул Рыжий Ушик и ринулся ему навстречу.

Столкнулись они где-то посередине. Молодая лавина и чуть постарше! Ух, и гомону было! Больше чем от птиц!

– Белок с вами нет? – спросил Храбрый Ушик, когда все подошли.

– Брось, отец. Видишь же, нас только четверо, – успокоил его сын.

– Вижу. Но эти мелкие грызуны стащили в прошлый раз весь мой запас орехов! Куда вот им столько?

– Зима долгая, – заметил Нарциссус.

Старый гном мотнул головой так, что длинная борода со свистом разрежала воздух. Но он вдруг вспомнил что-то и замахал руками:

– Идемте же, ждет нас Слушно Ушко! А кроме того, покажу вам нечто такое, отчего ваши ноги врастут в землю!

– Пап, снова?

– Да, да! – засмеялся тот. – С днем появления тебя на свет!

– А вот и вы! – радостно выскочила с большой накренившейся норки крепкая гномья женщина. То была как раз мама Ушика. – Ждала вас, ждала, и наконец дождалась!

Все обнимались, целовались, не могли нарадоваться. Папа продолжил, обращаясь к Слушно Ушку:

– Вот я и говорю, какой он был, когда только мы соединили наши сердца, и он, как сильный могучий побег, выкарабкался с земли-матушки! Помнишь, Слушно?

– Как же не помнить! Хотя и прошла почти сотня лет, но помню как сейчас!

– Папа, мама, со мной же друзья и жена, ну, что вы, как с маленьким?

– Гляди! Засмутился! – хохотал отец. – А ведь с этой самой вот земли появился! Тут твои корни! Тут наши сердца растаяли от любви, и капля той смешалась с воздухом, водой почвы, с глиной и песком, с солями, с останками растений и животных, которые жили тут до тебя! Ты все это впитал, и вот – гляди на него! Вот каков удалец! Коренастый, крепкий! Настоящий гном!

Сколько они простояли так у входа в родительскую нору – никто не считал! К чему время, когда сердцам так радостно от встречи? Первым спохватился Рыжий Ушик:

– А ты говорил, что будет сюрприз?

– Да! Еще какой! Помнишь наш дом?

– Еще бы.

– Какой он?

– Надежный, уютный, домовитый.

Слушно Ушко обхватила себя за бока и довольно глядела на сына.

– Да не то, – возразил отец, – тесный! А теперь-ка, заходи!

И он подтолкнул сына вовнутрь. Едва Рыжий Ушик ступил в родные края, как обомлел. В самом деле, дом было не узнать!

– Ну, проходите, проходите же все, – командовал Храбрый

Ушик, – а то буду рубить в горн сбор!

Все тут же зашевелились. Горн его хорошо слышать издали, но вблизи можно оглохнуть!

– Рассаживайтесь, сейчас подадим нашу похлебку. Слушно, носи же скорей, будем кормить детей!

Мама засуетилась, споткнулась о дубовый табурет, на лету себя перехватила, помчалась на кухню, принесла блюда.

Все сидели за столом и дивились!

– Вот это да! – восхищалась Пышно Обоняшка.

– Какая красота! – вторил ей Нарциссус.

И только Рыжий Ушик сидел и одними глазами выражал всю радость, что охватила его до глубины души. Ведь он помнил с детства родной кров. Как тут вся семья ютилась, как делили друг с другом быт. А теперь! Отец посрезал толстые глыбы земли по краям землянки, подпер все дубовыми могучими сваями, навесами, сколотил такие конструкции, которые позволили расширить жилое пространство раза в два, если не больше! А часть места, куда они выходили, чтобы дышать воздухом, идущим через узенькое отверстие в потолке, расширилось теперь до того же места соседей, как бы соединяя друг с другом два дома.

– Они были не против, – подытожил Храбрый Ушик.

Так они сидели, уминая вкуснейшую похлебку, вспоминая дни прошедшего года. Рыжий Ушик все любовался. Словно его дом подменили. Так уютно было, так спокойно. Все разместились, не толкая друг друга. Никто никуда не

спешил.

За окном тихо-мирно опускалось солнышко. Последними лучами оно заглянуло в открывшееся оконце (теперь дерн легко отодвигался в бок, и вся природа снаружи была как на ладони), согревая своим теплом и без того теплую дружескую родню.

– Здесь всем и выспаться есть где! А завтра в путь? – предложил Храбрый Ушик.

– Мы – за! – согласились все.

Соловьи и дрозд сели на ветки напротив. Вечерняя песнь разливалась по лесу. А где-то за листвой выглядывали мордочки белок. Они тоже слышали атмосферу праздника!

2020

Про ноги и леса

Это случилось давно. То ли двадцать, то ли тридцать лет тому назад. Хотя по человеческим меркам не прошло бы и двух лет. Гномье течение времени отличается, а потому для гномов десятилетие – что для нас семь месяцев. Но чтобы в дальнейшем не путаться, будем считать время нашим привычным летоисчислением.

Стоял холодный месяц октябрь. Ветер за окном землянки завывал с неистовой силой. Хотя солнце только-только перевалило за зенит, но его лучи не могли пробиться сквозь нависшие хмурые тучи осеннего неба.

Рыжий Ушик и Добрый Глазик как раз заварили вкуснейший липовый чай в самоваре: так хотелось помнить о лете и в холодную осеннюю пору. Да и помимо этого, за несколько дней всего пару шаров появилось после трудов Глазика. А это говорило только об одном – жене гнома нездоровилось. Виной тому была осень, или же то, что Глазик в муже последние дни цеплялась взглядом за недобрые его черты (а такие есть у каждого гнома), – история умалчивает.

– Побудешь пару дней дома, я сбегаю за нашим лекарем, – говорил, попивая чай, Рыжий Ушик, – главное и самое сложное – найти его: он же в постоянных разъездах! Вот где его теперь искать?

– Может, у моего кузена Толстого Носика? Говорят, он

живет сейчас на опушке леса, а его трое юношей-гномов друг за дружкой переболели простудой, – предположила супруга.

Рыжий Ушик с надеждой посмотрел на нее.

– А что? Может и так!

Он хотел было подскочить, что у гнома всегда означало прилив сил и радости, но тут у двери раздалось шарканье, потом кряхтенье, петли закрипели, и с визгом осеннего ветра в дом влетел взъерошенный гном. Его приличный, достойный королевского, кафтан, отливавший серебристыми блестками, с воротничком кверху, оказался измят, штаны порваны в нескольких местах, а сам гном не находил себе места: как залетел, так и не останавливался. Морковь с верхней полки от вибраций полетела на пол, но куда там: ни один мускул не дрогнул у того!

– Нарциссус! Что случилось, дорогой брат? – беспокойно спросила Добрый Глазик.

– Несчастье случилось, сестра, несчастье! – затараторил гость.

– Сядь, друг, выдохни да расскажи по порядку, – предложил хозяин дома, Рыжий Ушик.

– Нет мне места, где уж тут сесть! – продолжал причитать страдалец.

– Да уж вижу, – отметил хозяин, – если ты довел свой наряд до такого состояния, то, однозначно, стряслась беда. Но мы же на то и родственники, чтобы всегда помогать друг другу. А если ты не расскажешь, то как мы узнаем, чем тебе по-

мочь? Поэтому возьми себя в руки наконец, сядь и расскажи, что да как!

С большим трудом и уговорами удалось-таки усадить Нарциссуса. Тот выдохнул, крикнул и начал:

– Случилось это вчера вечером. В селении уж все ложились спать. А мы с Пышно Обоняшкой проснулись поздно. И когда все ложились, мы только думали – "что бы на ужин приготовить". Ей захотелось потушить рагу с грибами. Я достал розмарин, лук, морковь, картошку, начал даже сам все резать, уж очень хотелось есть, а она возьми да скажи – "Видела днем в одном месте отличные грибы! Пока ты все порежешь, я их уже принесу!" И побежала в лес. Обогнула озеро с левой стороны, миновала наши родные холмы, и пропала в чаще леса! Ждал я ее час, ждал два, уж все давно порезал, сгрыз от беспокойства пару штук моркови и лимон... Как все внутри заныло, так со скоростью ветра помчался в лес. А там стемнело ведь, не видать дальше своего носа! Уж я продирался сквозь чащу, ломал на ходу кустарники, не жалел ни ног, ни волос, как видите, обыскался просто! Так вслепую летел, что перелетел через какой-то пенек, в воздухе сделал оборот да стукнулся затылком о землю. А когда очнулся, то было уж пополудни. Поискал еще, да вот к вам сразу прибежал. Что делать, где искать мою Обоняшку?

– А домой заходил? – спросил Ушик.

– Нет, – вытаращил глаза гость.

– Так, может... – предположил хозяин.

Не успел он окончить фразу, как Нарциссуса и след простыл.

– Пойду за ним. Вдруг понадобится помощь, а ты оставайся дома, – твердо сказал Рыжий Ушик.

– Одень этот жакет, он будет тебя греть, если поиски затянутся, – попросила Добрый Глазик.

– Спасибо, любимая! А лекаря все же найду, надеюсь, – сказал Ушик и вышел из норки. – Что за день пропаж?

Быстрым шагом направился он к жилью брата жены (у нас бы его звали шурином). Солнце только начало свой спуск, было светло. Но даже в темноте дорогу он помнил назубок: пройти по аллее мимо луга незабудок, свернуть между двух накренившихся ив, преодолеть небольшой овражек – и вот, словно из ниоткуда, в облетающих листьях клена ютилось жилище друзей – с оградкой и фонариками по краям, с низенькой, но вздернутой кверху крышей, с трубой, разрисованной пышными цветами.

На лавочке рядом с домом сидел пригорюнившийся Нарциссус Глазик.

– Э, да ты чего расселся, сосед? – еще издали закричал Рыжий Ушик. – Чего сидишь-то?

– Нет ее дома, – тихо пробормотал шурин.

– Ну так идем искать, чего просиживать штаны? Подъем!

– А если мы так и не найдем ее?

– Не говори глупостей, найдем! Для чего тебе глаза даны? Забыл уже? Бери всю пригоршню шаров, что накопил!

– Откладывал же их на черный день... – запротестовал Глазик.

– А сейчас какой? Самый-самый! Давай мигом, а то поколочу тебя, ей богу!

– Ох, сейчас-сейчас, что же будет, если не найдем? – его причитания не стихали и в доме.

Спустя пару минут каких-то гулких звуков, точно что-то роняли, подбирали, открывали и захлопывали, вышел Глазик из дома с заплечным гномьим рюкзаком – с бахромой под цвет текущего времени года. Сейчас он казался желтеющим пятном с красными разводами.

– Не теряем времени, – подбадривал Ушик, – бегом к лесу, пока светло! Как раз пройдем мимо дома кузена моей жены.

– А, что? – переспросил Нарциссус.

– Ничего-ничего, бегом, бегом!

И они побежали. Если вы думаете, что гномы бегают медленно и с натугой, то вы видели их после сытного обеда. Когда же дело принимает серьезный оборот, и на кону стоит чья-то судьба, то словно сама земля придает им силы, и они мчатся подобно горным оползням – стремительно и несокрушимо.

Через каких-то полчаса они были у заветного дома.

– Здесь мы остановимся на минуту, переведем дыхание, – сказал Рыжий Ушик как глава спасательной экспедиции.

Он подошел к плоскому холму, на поверку оказавшемуся норкой с длинной чередой окон. Из каждого окна выгляды-

вала любопытная мордочка гнома.

– Тоолстый Ноосик! – прокричал, что было мочи, наш герой.

Дверь скрипнула, приотворилась наполовину. Внутри, за дверью, было темно. Но там точно кто-то стоял.

– Носик, выйди, это я – Ушик. Твоя кухня занемогла. Будь добр. Мне спросить нужно тебя!

За дверью раздался звук, как если бы вы задержали дыхание на пару минут, а потом с силой бы вдохнули в себя воздух. Следом показался нос. Это был не простой, а шедевральный нос: крупный, как рог носорога, широкий, как река во время разлива, внушительный, как валун у пещеры. И только затем объявился его хозяин: крепенький гном с большой головой.

– Да, Ушик? Помню тебя... Что с моей кухней?

– Да какая-то то ли простуда, то ли тревога завладела ею, еще не теряет свои накопления, но прирост пропал; еще немного – и пойдет убыль.

– Это дело не шуточное. Чем могу помочь?

– Мы слышали, что ты вылечил всех своих сыновей?

– Да, эти шалопаи подхватили "телячью болезнь".

– Резвились, пока не стали терять силы?

– Да. Пришлось вызвать лекаря. Уж он-то своим искусством и помог! Вытянул из них ту заразу! Теперь, видишь, – сидят вон, высунулись из окошка, смотрят, – и он довольно усмехнулся, похлопав себя по брюшку. И крикнул им: – Ну,

чего смотрите? Давайте погуляйте пока.

Только стоило ему отойти, как один за другим, а другой за третьим вылетели из дома юноши-гномы в коротких одеждах и легких башмаках серого, землистого цвета. Осенняя пыль поднялась в воздух, растворяясь в лучах солнышка.

– Видишь? А раньше ничего и не слышали!

– Ух, славные мальчуганы! – восхитился Рыжий Ушик. Мы с Глазиком пока мечтаем о таких.

– Дело наживное, – убедительно кивнул солидный гном.

– Так где же нам искать славного лекаря? – спросил Ушик.

Толстый Носик почесал затылок, закатил глаза, а потом не спеша сказал:

– Слышал, что видели его у глубокой ямы...

– Это там, за тем дальним пригорком в лесу? – переспросил Ушик.

– Да, да, за ним за самым.

– Что бы он мог там делать? Место там не самое хорошее, – шепотом пробормотал Ушик.

– Вот уж чего не знаю. Увидишь его – передай еще раз от меня и от жены спасибо и поклон. Ждем его без приглашения на чай в любое время!

– Обязательно передам! – прокричал Ушик, возвращаясь к другу.

Последний ждал у оградки, жуя кленовый лист.

– Ну как?

– Идем, узнал кое-что, – не вдаваясь в детали, прогово-

рил Ушик и зашагал налево, в сторону, уходящую от озера напрямик.

– Но это же не туда, куда пошла Пышно Обоняшка? – Нарциссус заволновался.

– Нет. Но не всегда прямая дорога самая короткая. Идем, проверим.

– Ох, идем, идем.

И они пошли в глубь леса, самую непроходимую его чащу, куда редко кто из гномов забредал. Огромные дубы замерли в осенней прохладе, ковер из листьев укрывал землю.

"Ухху-угху" – раздался вдалеке крик филина.

– Да, непроглядные места. И тропинки-то тут никакой нет, – причитал Нарциссус. – Уж не говорю о том, что от моего костюма вообще ничего не останется.

Ушик шел молча, весь превратившись в слух. Внезапно он остановился. Нарциссус едва не налетел на него.

– Что там? Ты чего?

– Тссс, – прошептал Ушик. – Слышишь?

– Что?

– Воспользуйся же своим талантом, или забыл как?

Нарциссус вздохнул, полез правой рукой в рюкзак, вытянул пару серебристых камушков, дыхнул на них и приложил к глазам. Камушки, показалось, подмигнули и растворились плавно в воздухе, как сахарная пудра растворяется в горячей воде.

Вдруг все вокруг наполнилось следами. Лес ожил. Из ста-

тичного положения он превратился в живой и быстро меняющийся. Горизонт видимого расширился. В пространстве разлились тонкие нити мелодий, всплесков, каких-то отдельных нот. Сами звуки преобразились, кажется, в видимые очертания фигур. Вот трели далекого соловья, вот стрекотания кузнечиков, вот жалобные попискивания лесных мышек, вот... стой! Это же...

– Это же чуть слышное всхлипывание Обоняшки. Уж оно-то мне знакомо! Она говорит, что это из-за меня у нее бывает, но я-то твердо знаю, что я хорош, как...

Ушик толкнул его в лопатку.

– Не отвлекайся. Что там видишь?

– Вижу... – Нарциссус весь застыл. – Да, вижу! Теперь уверен, что звук идет оттуда. И там еще один какой-то незнакомый мне звук, словно забивают в землю шест!

– Поспешим же! – воскликнул Рыжий Ушик. – Показывай дорогу!

Гномы снова побежали. Листва разлеталась под их короткими ногами, сучья ломались, лес трещал. Овраг, еще овраг, ложбинка. И вот, наконец, пригорок.

– Стой! – прокричал незнакомый стучащий голос.

Они едва успели остановиться. Как раз вовремя, чтобы не влететь в глубокую яму. Ветки и сухая трава лежали по ее краям. А в яме... А в яме была она! Пышно Обоняшка!

– Пышно! – радостно крикнул Нарциссус.

– Любимый мой, ты меня нашел! – обрадовалась Пышно.

Гномы осмотрелись. Пышно лежала по центру ямы глубиной метра в два. Возле нее стоял огромный пестрый дятел. Красная верхушка головы его служила как шапочка какому-то важному лицу, прямой и длинный клюв плавно ходил из стороны в сторону; опирался дятел на черный клинообразный хвост.

– Птиц Птищыч! – в свою очередь закричал Рыжий Ушик, не сдерживая эмоций. – Как же я вас искал!

Большой дятел важно склонил голову и отвел крыло в сторону, точно расшаркиваясь.

– Санитар леса, главный лекарь Холмогории к вашим услугам.

– Как вы здесь оказались? – в один голос спросили наши друзья-искатели. Только Ушик смотрел на дятла, а Нарциссус – на жену.

– Я пошла за грибами, – гномочка выпалила первой (что ж удивительного в этом?), – насобирала полное лукошко, как вдруг из чащи раздалось глухое рычание. Я испугалась, попятилась, думала выходить. А тут с другой стороны еще один рык раздался. В темноте блеснули четыре глаза. Ну, я и побежала...

– Понятно, – кивнул Рыжий Ушик другу, – никак опять банда Волчьего Атамана взялась за свое! Надо будет что-то думать! Не хватало еще, чтобы они съели кого-то из наших!

Нарциссус аж побледнел.

– А я услышал, что стонет кто-то в лесу, – кивая голо-

вой, произнес дятел, – прилетел, смотрю – в этой яме лежит Обоняшка. Тело ее стало уже покрываться мхом... От такого удара чего ждать?

– Да, – продолжила Обоняшка. – Влетела в эту яму со всего бега, ветки хрустнули, какие-то железки подо мной поразлетелись, погнулись; только в боках закололо больно, ногу свело. Как же вовремя прилетел Птиц Птицыч! В глазах темнело уже, а он как заработал клювом!

– Дезинфекция – первое дело, – по-птичьи улыбнулся довольный за похвалу лекарь (доброе слово не только кошке приятно, но и птице). – А кроме того, вынул лишних паразитов, улучшил обмен веществ, и заживление пошло. Единственное, не смог уделить внимание подвернутой ноге. Боюсь, теперь будет припадать на нее.

– Это ничего, по сравнению с новой жизнью! – улыбнулась Пышно Обоняшка и погладила Птицыча по шее. – Теперь без мужа никуда!

– Сам-то я ее не мог ни вытянуть отсюда, ни бросить, – продолжил санитар леса, – так что вы вовремя нас нашли! Уж не знал, что и делать! Давайте вытянем из ямы нашу пострадавшую!

Нарциссус достал еще пару серебристых камушков, бросил их на склон ямы, они зашипели, покатались, а на их месте образовалась довольно густая серая поросль, за которую стала хвататься Обоняшка. А гномы и дятел ей помогали. Так общими усилиями и донесли ее домой, уложили в кро-

вать, обеспечили уход.

– Все будет хорошо! – заверил лекарь. – Сложилось очень хорошо.

– Птиц Птицыч, будьте любезны, уделите и мне время! – взмолился Рыжий Ушик. – Я же вас, собственно, искал. Помогите и моей драгоценной жене.

– Что ж, ведите! – уверил неутомимый лекарь.

Нарциссус проводил их до лавочки.

– Здесь недалеко, – сказал Ушик.

– И правда, – согласился Птиц Птицыч, когда они пришли в дом Ушика. – Это у нас приболевшая?

– Добрый вечер! – обрадовалась Добрый Глазик.

Не прошло и получаса, как постукивания, вытягивания каких-то старых залежей и новых ненужностей дали нужный результат: Добрый Глазик облегченно вздохнула.

– Чувствую себя словно помолодевшей!

– Спасибо вам, спасибо! – веселился Ушик. – Чем вас отблагодарить?

– Если попадется куколка чернопятнистого рагия – буду премного благодарен! – заверил лекарь.

– Разыщу! Будьте уверены, разыщу, – сказал довольный Ушик, провожая санитаря леса.

И на следующий день он-таки разыскал куколку и собственноручно доставил ее лекарю. Все были довольны. А уж как был доволен Ушик, когда Добрый Глазик перестал так сильно обращать внимание на его недостатки – это можно

только на ухо сказать, но далеко не каждому.

2020

Про камень и зубы

Рыжий Ушик, как всегда по утрам, независимо от времени года трудился в своей излюбленной ложбине. Здесь было необыкновенно красиво и свежо, особенно летом: густая листва буков, ясеня, платана нависала над деликатными аралиями, чьи сердцевидные листочки особенно радовали Рыжего Ушика. Густой туман клубился по земле, укутывая многочисленные кустарники. В такой благоухающей обстановке работалось с огромным удовольствием и воодушевлением: первый камушек, светленький, с каштановым отливом, формировался под могучими ударами гнома. Его кирка рассекала воздух смело и быстро, откалывая омертвевшие куски грунта и камня. Это только на первый взгляд кажется, что камень – всего лишь неживая материя. Так думают многие. Но только не гномы. Им приходится иметь дело с камнем, начиная от рождения и до последнего вздоха. Гном скорее скажет, что растение не обладает своей душой, чем согласится с таким мнением о камне.

– Ну как может быть камень без души? – рассуждал сам с собой Рыжий Ушик. – Кто такое может говорить? Все равно, как сказали бы, что гном не имеет сердца! Вот почистим тебя тут, дружок, а то за весну ты слишком зарос, и никто давно тебя не очищал! Как тебе, лучше стало?

То ли солнечный луч соскользнул с листвы, отразившись

от мелькавшей кирки на камне, или же и вправду огромный лесной валун лениво подмигнул? Гном хмыкнул, и неумолимо продолжил свой кропотливый труд, раз за разом отсекая лишние каменные зазубрины, выступы, мешавшие нормальной жизни. Жучки расползлись по сторонам, наблюдая за очищением, любуясь тружеником-гномом. Одни муравьи не прерывали своей кропотливой процессии, уворачиваясь от летевших осколков. "Война войной, – бормотали они, – а работу никто не отменял".

Вдруг из-за дальнего пригорка (отсюда его не было видно) донеслись звуки десятков живых существ. Рыжий Ушик помимо основного таланта, владел и тем, что можно было бы назвать "фоновым слухом": занимаясь одним делом, охватывать, точно пассивным сонаром, окружающую местность.

– Что такое, Лежень? – обратился он к камню. – Ты тоже слышишь это?

Гном положил кирку и взволнованно припал ухом к камню. Миг – и от камня пошел отклик. Рыжий Ушик услышал сорок восемь ударов о землю схожих по вибрации и четыре удара отличных. Эти удары повторялись многократно в секунде. И еще вдобавок: то ли крики, то ли шелест листвы. Что это? Вдруг ветер подул в сторону Рыжего Ушика, и тогда он явственно различил крик "помогите!"

– Что такое, Лежень? – повторил вопрос Ушик, вскакивая. – Точностряслась какая-то беда. А если так, то как не помочь? А вдруг успею? В нашем лесу не допущу беды!

Времени медлить не было. Гномы не любят спешки и суеты, но коль обстоятельства требуют решительных мер – они готовы пойти на них.

Ушик оценивающе посмотрел на волшебный шарик: тот под мерными ударами кирки вырос до размера перепелиного яйца и набрал цвет грецкого ореха, став почти коричневым в тех своих местах, которые были темнее.

– Да! – воскликнул Ушик. – Ты приготовился как раз вовремя: полдня труда, но, если я смогу помочь кому-то в нашем лесу... была не была!

Он пробормотал слова, известные только ему одному, будто некий садовник, готовый срезать долго и с трудом возвращаемый плод. Шарик высек на камне след. Если вы когда-то увидите на гладкой глыбе, точно секирой срезанной, круглый след – знайте: это потрудился гном, спустив тут семь потов, но получив свою награду – желанный шар-самоцвет, в точности отвечающий характеру трудяги. Ни один труд, как известно, не проходит без следа. Вот и труд наших гномов выражается не количеством монет, а количеством добытых земных жемчужин.

– Вот, скатывайся сюда, прямо в ладонь, – приговаривал гном, – теперь вспыхни алым пламенем, дай мне нужные ноты, высеки их подобно тому, как пирит высекает искры!

Слова гнома звучали все более и более требовательно. В лесу слышались крики.

– Ну же, ну же! – кричал гном. – Знаю, что не мой та-

лант, но сейчас мне нужна скорость, как никогда! А что может быть быстрее...

Он не успел договорить, как камень в его ладони от светло-коричневого оттенка стал ярко-красным, затем выбросил в воздух алые языки пламени и засвистел ими искрами, точно жгучими головешками костра.

Лес загудел. Аралии затрепетали, пряча листочки. Из-за пригорка послышался разрезающий ветки кустарников клич и сопенье. Их можно было и не услышать, но Рыжий Ушик, не забываем, обладал самым чутким слухом и не зря пользовался уважением у сородичей.

Кустарники отпружинили в стороны, и в ложбину внеслась стая улиток! Кого здесь только не было: помимо дюжины крупных виноградных улиток, в отдельной упряжке оказалась целая турма брюхоногих – здесь были замечены скромные улитки катушки, щеголеватые, пестрые неретины (всем своим видом говорившие – мы тут самые модные), зеленые и красные лужанки.

Даже Лежень, казалось, выдохнул от удивления: кавалькаду холмогорских улиток не так часто удавалось застать в лесу на обозрении, а уж вызвать их – и подавно такой редкий случай и удача! Шар Ушика вспыхнул последний раз и растворился в воздухе.

– Вот это другое дело! – воскликнул Рыжий Ушик.

Улитки, как упряжка арденских лошадей, несли за собой колесницу. Последняя отличалась невероятной легкостью,

сложившись из ивовых веточек, скрученных между собой крепчайшим шпагатом.

Ушик в два счета запрыгнул в колесницу и свистнул тем подобием клича, что подслушал от самих улиток, когда те только неслись на зов волшебного шара. Так птицы переключаются между собой, подтверждая свое согласие.

Крики в лесу не утихали.

– Ну же, быстрее, быстрее! – кричал Ушик что есть мочи.

Видели бы вы, как со свистом рванул табун улиток! Это же не простые улитки, ползающие по нашим садам и участкам. Это холмогорские! И это не просто слова: элита среди всех улиток, встречающаяся раз на миллион, миллиард собратьев, они собираются в свободную стаю, независимую от места обитания и носятся, носятся по миру, останавливаясь только на еду и сон.

За ушами свистело. Листья хлопали, как бабочки крыльями. Комья земли вырывались от рывков ног-мышц моллюсков: каждая из них работала в своем темпе, точно музыкант в оркестре, вступая в нужном месте в нужный такт. И все вместе они достигали невероятной скорости: миль тридцать в час, не меньше!

Крики то приближались, то отдалялись: пригорок, овраг, спуск, подъем. От такой лихой езды у любого гнома кружится голова: все-таки не скорость, а основательность и твердость – их основное жизненное кредо. Когда казалось, что случится неминуемое, в самый последний миг, упряжка под-

прыгнула над старым пнем и влетела на серо-зеленую лужайку с огромным ветвистым дубом посредине. Лужайка утопала в зелени, в глазах рябило. Но посреди такой красоты, у самого дуба, столпилась целая шайка лесных разбойников – зубастые серые волки прыгали, лязгали голодными пастями, сталкивались между собой, как серые булыжники, мчащиеся с горы, покрытой буйной зеленью. И каждая новая лавина достигала своей конечной цели: знатного, удалого дуба.

Рыжий Ушик от удивления потянул вожжи своей невиданной упряжки на себя. Улитки так резко вонзили в землю мускулистые ноги, спазм от сокращений вызвал дрожь в земле, а Ушик от неожиданности полетел вперед, точно при резком тормозе переднего колеса велосипеда, когда тот мчится на скорости!

Полетел он стремительно, кубарем, всем своим недюжинным весом опрокидывая стаю волков: одни отлетели влево, другие вправо, кто-то из них оказался подмят, как охотник под медведем, кто-то взвыл и бросился в сторону. Ушик очутился почти у самого дуба, едва ли что-то соображая от такой быстрой смены событий. В глазах крутился калейдоскоп картинок: верх-низ, земля-небо, волк-лужайка, дуб и... Но что это? На дубе, на большой высоте, метров десять от земли, вцепившись в твердые сучья, как наросты на ветвях, замерли два существа. Ушик смотрел на них в оба глаза, лежа спиной на земле. Оба похожи друг на друга, но и весьма отличаются: первый – явно мальчик, похожий на тех сыновей Тол-

стого Носика, – вздорный нос, коротко остриженные волосы, упрямые и своенравные глаза. Только нет тех гномьих отличительных черт вроде крепких наростов на внешних частях рук и спине, защищающих их от ранений и неприятностей, подобно панцирю броненосца из тонких роговых пластин. Второе существо больше смахивало на уменьшенную копию жены Ушика: такие же длинные прямые кудри, такое же карее солнышко светится в глазах, легкое ситцевое платьице с ромашками развеивается на ветру; удивительно тонкие руки и запястья, казалось, помещались под одним большим пальцем гнома: такое крохотное существо – и как оно только держалось на дубовой ветви! Прошло несколько мгновений, как страх в глазах этих существ сменился удивлением.

Первый, который мальчик, крикнул:

– Смотри, Даша! Волков-то разметало точно ураганом по поляне!!!

Девочка же свесила голову с ветки и застыла, как атомы воды в вакууме.

Одни волки тем временем катались по земле, облизывая ушибленные места, другие грызли местный кустарник, вымещая на нем полученную боль.

– Даша, может, побежим сейчас на пригорок? Успеем забраться? А там – те заросли колючего крыжовника есть – мы в них юркнем, а волки за нами не продерутся!

Мальчик затряс девочку за плечо.

– Да что с тобой, Даша?

Та от этой тряски очнулась, как от липкого сна:

– Ой, Тёма, ты что, не видишь его? Смотри – какой же он странный: здоровый колпак, увесистый нос, весь такой страшнющий, кажется, на нас смотрит! Смотри же! Борода до самих башмаков! Лежит и на нас смотрит!

Мальчик заволновался, свесился по примеру девочки с ветки, стараясь разглядеть того, на кого она так заворуженно смотрела.

– Да нет там никого! Изрыта земля. Так там же волки и крутились! Кто там?

– Кто, кто? – вскрикнула девочка. – Гном! Самый настоящий гном! Такой же, как в той старой-старой книжке, которую нам бабушка показывала, когда мы не могли заснуть, помнишь? Она читала про дивных людей, которые живут под землей и неохотно выставляют себя на показ!

Артем захихикал.

– Ну, сестричка, ты даешь! То же бабушкины сказки!

Он хотел и дальше продолжить, но волки собрались с силами, и самый главный из них, их вожак, здоровенный серый разбойник с каменными клыками в пасти завыл боевым кличем:

– Ты помешал нам, гном, это наша добыча! Мы ее заманили, окружили, а ты лишаешь нас ужина?

Мальчик с девочкой не слышали его слов – один только вой, но гном-то все понимал! Он перевернулся на живот, достав из кармана еще один шар, вытянув спину наподобие

холма или же подобно тому, как кошка изгибает свой позвоночник в арку, принимая оборонительную стойку. Так поступил и Рыжий Ушик – занял прочную оборону.

– Это мой лес, Волчий Атаман! Ты покинул свое Сероземье! Что ты тут забыл? И так из-за тебя много неприятностей!

– Уступи, или погибнешь! – прорычал вожак.

– Из-за тебя едва не погибла моя гномочка, – стоял на своем Ушик, – а уж это тебе буду помнить сотню лет!

– Гномы столько не проживут, если ты не уступишь! Нас больше! – взревел зверь. Пять его прихвостней крутились за его спиной.

– Не дам тебе в обиду этих существ! Это лес гномов, Холмогорье! Убирайся прочь!

С последними словами гном зашептал над камушком только ему известные слова и бросил его на землю, крепко вцепившись руками и ногами в грунт, прорастая, казалось, конечностями в него.

Волчий Атаман от ярости потерял всякий контроль, щетина взъерошилась, а лапы сами рванули вперед.

– Не оставим от гнома ни следа на земле! – прорычал он стае. Те рванули след за ним.

Дети на ветвях вжались еще крепче. Даша зажмурилась, а Артем сжал кулак правой руки, готовясь защищаться. Но как же он удивился, когда стая волков помчалась не прямо к дубу, а к тому пустому месту, чуть смятому и взрыхленному.

– Они не к нам мчатся, Даш! Вот дурные! Куда они? – воспрянул духом мальчик.

Волки тем временем со всего разбега влетели в каменную глыбу: на том месте, где стоял гном, выгнув спину, лежал кусок увесистой породы. Насколько это больно, вы можете прочувствовать самостоятельно, если ударите со всей силы покрытую мхом пещерную стену. Волчьи лапы не так уж нечувствительнее наших рук! Поэтому легко представить, что произошло со стаей, врезавшейся в такое крепкое препятствие! Они разлетелись в разные стороны, как щепки от топора.

– Ого-го! – закричал мальчик.

– Так их! – закричала девочка, также видевшая всю сцену.

Рыжий Ушик отряхнул с себя куски скалистой породы, едва волки покинули поляну. Еще раз взглянул на двух существ, говоривших на таком же понятном языке, как и его собственный. Он бы мог что-то сказать, но глаза девочки с таким любопытством его рассматривали, что в гноме проснулся давний инстинкт, роднящий всех жителей Холмогорья, – поскорее укрыться от лишних взглядов, коль нет собственного разрешения на то. Он метнулся в сторону ближайшей жимолости, надеясь отвлечь внимание от себя на его блестящие красные ягоды. Так и случилось. Через несколько секунд в мелькающих листьях кустарника гнома уже нельзя было различить.

Только через два часа добрался он домой, где на пороге

ждала встревоженная Добрый Глазик. Ее прямые кудри куда больше нравились Ушику, чем те кудри девочки, но что-то необъяснимое тянуло его назад...

– Ушик! Где тебя так долго носило? – всплеснула руками супруга. – Ты обещал вернуться к обеду, а тебя все нет да нет!

– Ох, Глазик, ты не поверишь, сколько всего случилось за сегодняшний день! – выдохнул гном. – Давай просто покушаем, и мне нужно лечь все обдумать!

– Что случилось, Ушик, что случилось, мой трудяжка?! – Добрый Глазик всегда переживала за мужа, если с тем приключались неприятности. Впрочем, как и он за нее!

– Скажу пока только одно: Волчий Атаман еще скоро нас не побеспокоит! Я задал ему такую трепку, какую он надолго запомнит!

– А вот это здорово! – Глазик светилась от восхищения. – А где же наш обед? Ты принес шары?

Гном в ответ только растянул карман на штанах, показывая всю пустоту его пустот.

– Пусто. – Глазик произнесла очевидное. – А где же все? Нет даже утреннего камня, который ты брал про запас, как образчик?

– Да, Глазик, нет и его, – что еще оставалось ответить добытчику, который и добычу не принес, и потратил начальные пожитки? – Но... – он заговорщически зашептал, – поверь, все было не зря! В нашем лесу не случилось сегодня

несчастья!

И они зашли в гномью нору под холмом.

Мальчик с девочкой, Артем и Даша, продирались через крыжовник.

– И все равно не верю тебе! – твердил упрямый мальчик. – Там в земле был зарыт какой-то набалдашник камня, но никак не гном!

– Чего же волки понеслись на него? – глаза девочки блеснули, зеленое с карим смешивалось в удивительно пастельные тона.

– А кто их знает? Звери бестолковые! – храбрился мальчик.

– А я тебе говорю, что это был самый настоящий гном! Такой же, каким его показывала бабушка на картинках старой книги!

– Ага! Скажи еще, что он был из народа Дурина, широкоплеч, коренаст и вооружен топором!

– Ничего подобного, Артем! – обиделась Даша. – Порой ты бываешь просто несносен. Я тебе не про гномов Толкина говорю, а про того, которого видела я! Не хочешь – не верь!

Девочка дернула головой в другую сторону, сжала пальцами складки платья и зашагала быстрее. Они вышли из зарослей крыжовника и далеко впереди увидели широкую проселочную дорогу – та вела к их дому.

На горизонте заходило летнее солнышко. Но еще долго тени от их маленьких фигур тянулись в сторону леса, точно

указывая: там, именно там скрыты настоящие чудеса!

2020

Про масочных и безмасочных

За окошком завывала метель, а под крышей домика гномов было тепло и уютно. Гномы пили чай. Вы думаете, что гномы не любят пить чай? О, напрасно! Ничего нет лучше в лютую стужу, чем выпить чашечку горячего, еще дымящегося чая! Даже обжигающий напиток радует больше, чем леденящая стужа на дворе!

– Вот мы тут так хорошо сидим вместе, – заметил Рыжий Ушик, – ничего не боимся, а, между прочим, я был свидетелем, как подобное чаепитие едва ли не стало поводом для большой заварушки!

– Ты об этом никогда не рассказывал мне, – скосила голову набок Добрый Глазик.

Гномы за столом заерзали, заволновались. К Ушику и его жене пришли в гости их друзья, Нарциссус Глазик и Пышно Обоняшка. После осенних трудов так хорошо посидеть у друзей, распивая с ними горячительные напитки и травя байки из многолетних приключений!

– Да как-то не доводилось, – продолжил Ушик, смущаясь, что осталось что-то, чего не знает его жена. Гномы, как земные создания, любят все крепкое и прочное. А уж если выстраивают отношения – так уж на века! Сходятся они долго. Некоторые могут десятилетиями изучать будущего спутника жизни. Но уж коль обнаруживают в нем то таинствен-

ное связующее звено, что сродно с их естеством, то соединяются так прочно, что расколоть едва ли запросто возможно. Хоть гномы внешне и похожи друг на друга, но в каждом разные звенья! Твердость одна, но породы разные! Кто-то схож с мрамором, что кристаллизовался из известняка и теперь сверкает белоснежными гранями, кто-то – с гранитом или базальтом, спрессованных из вулканической магмы. Из каждой породы можно изваять великолепные конструкции, но соедини мрамор с гранитом – и не оберешься бед! Потому гномы так неторопливы, что изучают не по внешности, словам или произведенному впечатлению, а по той породе, что скрыта в каждом из них. И потому так редко слышно, что семья гномов вдруг решила разойтись!

– Так Расскажи! – улыбнулась жена.

– Да, Расскажи, Расскажи! – подхватили друзья.

– Что ж, попробую, – задумчиво проговорил Ушик под завывания уличной выюги. – Дело было так...

И он приступил к рассказу.

Молодым тогда я еще был, совсем юным. Дед всюду брал меня с собой. Так повидал я много стран и народов. Так вот. В ту пору ходили мы по землям Андурии. Какими восторженными глазами смотрел я на далекую гору, что извергала огонь, окутываясь клубами черного дыма! Но дед не разделял моей радости. Он видел в этом прекрасную возможность добыть все те драгоценные камни и металлы, что до этого были сокрыты в недрах вулкана!

– Как бы не набежали гномы с других земель! – восклицал он, отчаянно потирая руки. – Надо бы успеть! Послушай, Ушик, – сказал он мне, – ты уже ведь не такой малыш, каким был когда-то! Тут проживает одно местное племя... Горячее, правда, но... Вдвоем мы не поспеем к горе, а сам я быстренько справлюсь. Так что я тебя оставлю у одного своего знакомого. Некогда мы с ним вместе плавили самые твердые породы! Он хороший молодец, хоть и с длинным языком. Думаю, он не будет возражать, чтобы ты погостил немного у него.

Так я оказался в новом для себя окружении. А это “немного” растянулось почти на полгода! Зато с какими сокровищами вернулся дед! Впрочем, то другой рассказ! А поведать хочу я вам о случае в этом племени.

Тот молодец с длинным языком оказался прелюбопытной особой! Высокий, стройный, даже, пожалуй, долговязый, весь покрытый маскировочными пятнами цвета земли, с немигающими глазами, с длинным твердым хвостом, что, как мантия, покрывал его следы на рыхлом песке. Он был лучшим из представителей рода саламандр. Нет, определенное сходство с ящерками, конечно, было, но не скажу, что полное. Да, голова чуть вытянутая, а уж языком он владел так, что мог достать спрятавшегося жучка за изгибом ветки столь быстро, что тот не успевал и перебежать на другое место! Конечно, при таком языке и слова не задерживались в его огненной натуре. Собственно, из-за этого и разгорелся весь сыр-бор! Же-Эль, так звали моего нового знако-

мого, относился к виду огненных саламандр: все его черное тело и голову в том числе покрывали яркие желтые пятна, этакие солнечные островки, которые так резко бросались в глаза, что даже у меня, привычного к яркой лесной зелени, на первых порах рябило все! Их народ, естественно, был не однороден. Были тут и очковые саламандры, темно-коричневые, с брюшком ярко-красного цвета, были и тонкие, бурого или черного цвета с серебристыми пятнышками, были и древесные, с невзрачной окраской, под цвет поленьев. Но больше всего их народ состоит из альпийской породы саламандр: черной, как смоль, как вязкая жижа, которая поглощает любые цвета! И, конечно, дорвавшись до власти, они установили новые правила. Впрочем, к этому все и шло.

Прекрасно помню тот день. Солнышко светило ярко, грело сильно. Как вы знаете, саламандры недолюбливают такие горячие лучи. Видно, им и самим жарко, а тут еще жара снаружи! Одним словом, они ведут ночной образ жизни, а днем прячутся в разные полые стволы, дупла деревьев, среди камней, в расщелинах скал. Тогда-то меня и взял с собой Же-Эль. На площадке в десять на десять метров лежал поваленный старый дуб. То ли от старости, то ли от трудов народа саламандр, в его стволе образовалась приличная ниша. Туда-то и набились все желающие. Кого только не было! И вот в такой толчее мы коротали время. Помню, как первым вскричал один из альпийских саламандр:

– Сколько же это можно терпеть? Опять ногу схватил па-

ралич!

Я посмотрел на кричавшего. Это был Те-Гуин, главный саламандрит, или как их там зовут. Он держался за ногу и катался по округлому стволу, сбивая тех, кто был рядом. На ноге его заметна была старая рана. Туда-то и попал яд. Должен объяснить, что у каждого из их народа на голове имеются кожные железы, выделяющие особый ядовитый секрет. Более слабые при контакте с ним могут не отделаться просто судорогой или параличом, но... да, конец может быть печальным.

– Это все ты, Же-Эль, опять! – кричал, катаясь, Те-Гуин.

– Что? Что я? – всполошился мой друг.

– Твой яд парализовал меня! Это невыносимо!

Же-Эль протер голову частью рукава и открыл широкие круглые глаза.

– Я лежал, спал, никого не трогал!

– Ты! И весь твой род огненных саламандр с вашими желтыми пятнами в ответе за такие случаи!

– Но у тебя же тоже на голове есть железы! – запротестовал Же-Эль.

– Ничего не желаю знать!

– Ах, ничего не желаешь знать! – тут Же-Эль зажегся не на шутку, язык его бросал слово за словом, междометие за междометием. Одним словом, он наговорил столько слов, сколько я и не слышал прежде.

В тот же вечер Те-Гуин созвал совет саламандр. Посколь-

ку он был главный, то ничего не стоило свое решение объявить народным. Так, с ночи того дня было объявлено, что во избежание поражения ядом всем саламандрам нужно носить черные маски, закрывая на голове те самые железы, которые поражали слизистую окружающих.

Сами понимаете, что это мало того, что неудобно, но и малоэффективно: такие маски быстро пропитывались выделениями желез. Но кого это волновало? Те-Гуин довольно ходил по ночной каменистой тропе. Сам-то он был чернее ночи. Носил он маску или нет – окружающие и не видели, а уж трогать друг друга воспрещалось: каждому еще вменялось держаться на расстоянии полтора шага от собрата. Куда подевались все прежние дружные полежалки? Старый дуб пустовал и днем, и ночью. Каждый теперь старался найти свою расщелину.

Прошло несколько месяцев, как в поселении прекратились крики и жалобы, но куда-то пропали и совместные охоты за жуками и насекомыми, и совместные гуляния, где молодые знакомились и дружили.

Самое смешное: хоть у меня и нет никаких желез, меня тоже обязали ее носить! Надевал себе на голову вместо гномьей каски! Что уж там?

Ходил я, смотрел на их дела. И так удивительно: кто как носил маски! Вывел я для себя такие категории: есть “масочники” (строго соблюдают все правила), есть “наносники” (они цепляли маску за нос, и часть желез оставалась

наружу), есть “подбородочки” (они цепляли, понятно, за что, так что маска просто там тянулась следом, развеваясь на ветру, но при случае они тут же натягивали), и есть “безмасочные”. К таким относился и Же-Эль. Он демонстративно снимал перед Те-Гуином маску с головы. Тот, разумеется, не мог потерпеть такого произвола. Дело дошло до отрубания хвостов! Больно ли им отбрасывать хвост в случае опасности? Тогда так и не спросил. Же-Эль сказал, что “ничего, отрастет новый”. Но по нему было видно, что он держит зуб на Те-Гуина.

В общем, едва не дошло до войны! Я же был маленький тогда еще. Конечно, испугался. Чего уж греха таить! Может, потому и не рассказывал? Напуганный гном – где это видано! Побегал я тогда в сторону вулкана. Бежал долго, пару недель уж точно! Встретил деда на горе. Он оказался прав: у горы выстроился целый караван гномов разных родов. Но дед был первым! И по праву нашел лучшую добычу! Какие тогда смеющиеся глаза у него были, ух! Как он смеялся над моим рассказом!

– Саламандры – народ горячий, – сказал дед. – Чего только у них не бывало за долгую историю! Будем ехать назад – я тебе еще пару случаев могу поведать.

На горе мы пробыли еще пару месяцев. Я помогал разрабатывать породу: мы там что-то вскрывали, кололи, бурили; мешки наполнялись с завидной быстротой. А когда на обратном пути мы проходили мимо селения саламандр, то ста-

рый дуб как ни в чем не бывало принимал постояльцев, саламандры прятались от жаркого солнышка, прижимаясь нагретыми телами друг к другу. Те-Гуина среди них видно не было. А на расспросы Же-Эль только вытягивал свой отрубленный остаток хвоста и сладко зевал. Даже самые большие болтуны иногда бывают на редкость молчаливыми!

– Чудесная история! – потянувшись, Добрый Глазик обняла мужа.

Друзья допили чай и смотрели на догоравшие угли в камине. Может, думали о судьбе Те-Гуина? А может, каждый думал о своем.

Метель за окном потихоньку стихала, казалось, разделяя чувства дружной компании.

2021

«НА ЗАРЕ»

ЦИКЛ РАНИХ РАССКАЗОВ (2005-2006)

Сказание об Адее и Леонии

(подражание древнегреческим мифам)

Где-то далеко-далеко, за невиданными землями, за неслышанными чудесами, лежал, покоясь в водах седого Посейдона, огромный остров Уречива. Это был целый мир тайн и приключений, целый мир жизни! Каких только существ здесь не бывало! Просто невероятным казалось, что на одном острове мирно соседствовали люди и мифические существа невиданной мощи. Их сила черпалась от всевидящей матушки Геи, хранящей свой мир в спокойствии и благоденствии.

Этот остров был почти идиллией: здесь было весело и радостно, хорошо и дружелюбно. На весь остальной мир он прославился как остров дружбы. Хоть золотой век людской жизни уже давно прошел, здесь удалось создать новый сад, плоды которого радовали Гею: больше всего она не любила, когда ее дочери и сыновья ссорились.

Однажды Гея призвала к себе в подземный сказочный дворец великую богиню мудрости и знания, хранительницу искусств и ремесел, воительницу Афину. Предстала богиня перед матерью Земли и выслушала ее просьбу. Сам Зевс за-

хотел узнать, что же выйдет из затеи Геи. Долго они совещались, все обдумывая и строя планы. Но в конце концов решились.

Афина окружила своей защитой рожденный из водных глубин чудесный остров Уречива. И населил его Зевс людьми. И увидел, как они расселились по лугам и равнинам, долинам в устье реки и около подземных источников живительной воды, вырвавшихся на поверхность в нескольких местах. А в это время Афина повидалась со своей матерью, богиней разума Метис, и попросила ее коснуться всего на этом острове, дабы внести неясность в один предмет. Об этом предмете шепнула Афина матери на ухо, так что даже колоски травы, росшие под ногами у богинь от их небесной божественности, не смогли расслышать эти слова. И пролетела Метис над всем островом, и коснулась всего, что росло там и жило там. И погрузила былое знание во мрак.

Взяла Афина свое боевое копье и стукнула о край острова, и выросли рифы и острые скалы, что несли гибель всем судам, которые посмели б сюда приблизиться; закружились стаи черного воронья, предвещаая беду любому чужаку. Но дружелюбие на острове было такой силы, что разогнало эти стаи по свету. Так и слоняются они теперь, нося с собой мстительные угрозы и раздор, помня об удивительном волшебном острове, где всего было в изобилии.

И опустила тогда Афина свое забрало, и ударила в свой тяжелый щит. Грозно прозвучали эти звуки, но, достигнув ост-

рова, превратились в мелодичные отголоски какой-то песни. Они завораживали, и одно восхищение рождалось в сердце того, кто слушал их.

Здесь все самое плохое превращалось в хорошее. Возликовали тогда Гея с Афиной-Палладой. Но требовалось превратить в явь еще один замысел Геи. И наложили богини на остров заклятье, благодаря которому сюда не могли проникнуть ни Афродита, богиня любви, ни ее сын Эрот, веселый и озорной, шаловливый и дерзкий, коварный, а частенько и жестокий посланник со стрелами любви за плечами и с маленьким золотым луком. Знали богини, что сеял он золотыми стрелами то счастье и радость, а то – горе и страдания. Все муки любви – на его совести. И все восхитительные мгновенья божественной благодати – тоже благодаря нему.

Стали жить здесь люди, стали растить своих детей, – ведь они не перестали любить друг друга: они слышали священный голос Афродиты, открывшей новый путь тем, кто прислушался. Но не достигали сюда стрелы игривого мальчишки, сеющего не только искры и огонь любви, но и муки, и даже гибель...

С тех пор минуло много-много лет. Про этот обособленный остров люди забыли: они продолжали жить в своем бушующем водоворотах страсти мире. А здесь всего этого не было – не вспыхивала и искра страсти, не разливался и океан страданий. Менялись поколения, давно уже канула в неизвестность легенда об ином мире: на острове жила твердая ве-

ра в единственность и правильность подобного уклада жизни. Метис постаралась – неясность глубоко укоренилась в человеческой природе, так глубоко, что сами люди этого не замечали.

Гименей, бог свадебных церемоний, был допущен на остров, и обычай жениться сохранился. Хотя это было и лишнее: люди женились, чтобы дружить, чтобы проводить вместе дни, чтобы делить тяготы ведения домашнего хозяйства и продолжать род, вкладывая в воспитание детей все понимание жизни. А потому не было и измен, не было ревности, браки не распадались потому, что любовь «вдруг» уже не уходила...

Таков был этот дивный остров, таковы были его необычайные законы!

Но иногда эти люди чувствовали, что они одиноки, чувствовали, что в их жизни явно чего-то не хватает, и их неслышимые обычным человеческим ухом голоса разносились далеко за пределы острова, вырывались на свободу, ища разнообразия, желая отыскать нечто неведомое. Они не пытались задуматься, чем для них может обернуться находка, но чувяли, что именно ее не хватает для полного счастья.

Было время зимних холодов, когда мимо острова пронесся Эол, бог всех ветров. Сжалился он над людьми, обратившими к нему свои мольбы, и подхватил стремленья душ. Унес их далеко отсюда, в мир иной, где люди жили по другим правилам, где всю охотился озорник Эрот.

Жил в том мире обыкновенный юноша по имени Адей. Услышал он этот зов и, собрав все необходимое (оно умещалось в заплечный мешок), тронулся в путь. Путь был нелегко, труден, но он достиг диковинного острова, каким-то чудом или по милости богов миновал все рифы и острые скалы, загубившие жизни многих путешественников, которые, как и он, слышали голоса.

Много испытаний пришлось пройти на острове юноше, пока увидел он, наконец, девушку необычайной красоты: она была земной, но ослепила его не красотой и правильностью форм, а чем-то, что невозможно ни увидеть, ни услышать, до чего невозможно прикоснуться и попробовать на ощупь. Что произошло тогда в его душе! Какой теплый покров дружбы укутал его! Девушку звали Леония, она была целомудренна и словно не знала велений любви. Но и сам юноша, странник из чужого мира, хоть и плыл за этим, невольно потерял голову, на него подействовала вся сила острова, и он позабыл о том мире, откуда был родом.

Прошло несколько месяцев. Юноше доводилось отлучаться с острова, чтобы навещать прежний мир. Лазейка была хорошо изучена и держалась в памяти, как что-то святое. Но во время одного из странствий, когда он уж возвращался на остров, подкараулил юношу парящий в высоте Эрот. Пустил он стрелу свою с той силой, которою одарила его мать, богиня Афродита. Сердце юноши все еще защищалось туманом. Навейный дружелюбным воздухом Уречива, он гу-

сто клубился в потемках души. Да только попала стрела в голову, и рухнуло что-то, образовалась брешь, куда мигом стали проникать вездесущие песни Афродиты – те, которые пел весь мир. Но сразу не заметил этого храбрый юноша, все путешествовал он туда и обратно, раздираемый мирами. А Эрот, словно игрушкой, забавлялся им, терзая стрелами любви слепое сердце. И в один погожий денек разнеслись во все стороны, улетучились частички тумана, что заполонили голову и не давали свободу сердцу. И прямо в него попала очередная стрела Эрота. И почувствовал юноша свободу и радость любви, которая окрылила его, дала столько эмоций, столько надежд, столько веры в счастье!

Воинственным оказался Адей и настойчивым. И решил не сдаваться, идя к намеченной цели. «Настойчивость вознаграждается богами», – верил он. И повел он борьбу за любовь, желая достичь сердца избранницы – своей возлюбленной. И не скрывал он свою любовь, делая все, что подсказывали ему сердце и ум. Немало месяцев шла упорная борьба. Внезапно стал рассеиваться туман на этом краю острова. Все сильней и сильней стали проникать сюда призывы Афродиты, постепенно изменяя все, что было до этого.

Прошли еще месяца. Усилия Метис таяли здесь, как облака тают от дуновения горячего южного ветра. Засверкали шаловливые глаза мальчишки со стрелами самой могучей силы на земле, взлетел он высоко-высоко, воспарил выше самой высокой вершины горы на острове и пустил он свою зо-

лоченую стрелу в Леонию, и попал метко, как всегда, в цель.

Объединила любовь сердца Адея и Леонии, протянув между ними незримую нить, соединив в крепкий союз, разрушить который могли теперь лишь два человека – те, которые получили дар любви.

Летели дни, проносились, подобно птицам в поднебесье; все менялось, менялся уклад жизни, менялись обычаи и привычное течение времени.

Взглянула на это Гея и увидела, что непонятным образом любовь нарушает гармонию дружбы. Поняла великая богиня, что повернуть назад уже невозможно, что пути назад нет, но не захотела смириться с тем, что ее воля была нарушена и топнула гневно ногой. Поднялся по всему острову шум и гомон: ведь если в одном месте была нарушена воля Геи, родительницы и покровительницы этого мирка, то такое могло приключиться и в других. Обратилась Гея к хранительнице острова и обычаев дружбы – великой горе Европе. Она обладала всем опытом тысячелетней истории острова, и была матерью для всех ее существ: сатиров, что танцевали и плясали на равнинах среди ярких красочных птиц, норовивших им подражать; дриад, что жили в плачущих ивах, стройных березках, в буках и кипарисах; нимф, что любили поплескаться речной водой на случайных прохожих, заливаясь при этом заразительным смехом.

Часто любила Леония прилечь возле подножия Европы, оберегавшей ее сон. Она знала, что всегда может чувство-

вать себя безопасно в ее тени, защищающей ото всего: от палящих жарких лучей солнца, от колючих кустарников, чьи ветки она заранее убирала далеко в сторону. Она оберегала и хранила ее, как родная мать. Европа видела, что Леония страдала в одиночестве, молча и терпеливо мучаясь, но не могла избавить ее от этих мук, не могла излечить ее ни своей лаской, ни теплом, ни нежностью или неустанной и неуспешной заботой, ни дружбой. Европа была умудрена жизнью и знала о дальних краях, о дальних странах и о другой жизни, совсем иной, нежели та, которой здесь жили. Она понимала, что Леония просто не догадывается пока и не знает о том, чего ей не хватает. Но когда-то ведь узнает! Леония слыла необычайной девушкой, но нуждалась в том, что многие девушки ее возраста имели там, в безумном мире. В один день она пробьется сквозь этот туман, либо навсегда останется в нем, подружившись с одним из тех юношей острова, которые никогда не узнают стрел Эрота. И именно тогда воззвала Европа, и подхватил ее крик Эол...

Сейчас же Гея обратилась к ней совсем по-иному поводу. И не посмела отказать ей Европа – пришлось подчиниться матери всей земли.

Мчался Адей к своей красавице Леонии, мечтая о том, какими чудесными и памятными он сделает оставшиеся четыре дня. Ведь потом ему следовало надолго вернуть на родину, в свой мир, столь непохожий на этот.

И на этот раз он удачно обогнул все рифы и препятствия,

все барьеры, которые когда-то были выстроены Афиной по просьбе Геи – все они были уничтожены, разрушены, снесены великой и неукротимой силой любви. Оставалось всего каких-то несколько часов, которые отделяли его от ее волшебного поцелуя и чарующих добрых глаз. Она ими могла улыбаться так, как никто иной – это всегда удивляло и восхищало его. Всего несколько часов и никаких непредвиденных препятствий впереди... Так ему казалось.

Жизнь любит преподносить нам сюрпризы, а особенно она любит испытывать любовь: а может, это просто порывы первозданного Эроса, может, это всего лишь любовь, которая уйдет, как только появится привычка, или это действительно Любовь? В последнем случае она пройдет через все испытания и станет только сильнее, окрепнет, обретет силу, и ничто ее не удержит!

Только пробрался Адей сквозь чащу прибрежного леса, как на пути его выросла гора. Раньше ее здесь не было – это Адей точно помнил.

– Не могла же эта гора вырасти из-под земли в одну ночь? Или ее сюда перенесли титаны? Еще ведь вчера не было и в помине ее!

Ему вспомнился вчерашний день, когда Леония говорила о красоте туч, а ему эти тучи больно ударяли по сердцу, словно предвестник разлуки. Он чувствовал: что-то случится!

Так и случилось сегодня: горная гряда простиралась всюду, насколько хватало глаз. Адей простоял некоторое время у

подножия горы и начал поиск тропинок и перевалов, которые соединили б его с возлюбленной. Но гора была словно зачарована: там, куда направлялись его стопы, мигом вырастали заросли кустарника, терзая плоть острыми шипами; по каменистой дороге текли ручьи, делая ее смертельно опасной; камни сверху сыпались, как из рога изобилия, а рычание диких зверей в чаще леса не прекращалось ни на мгновение.

– Где же ты, сокровище моего сердца? Приди ко мне! Ты мне нужна сильней жизни! – взывал он в отчаянии, которое приступило незаметно, как волк к ягненку в темную ночь, когда неусыпный взор пастуха, наконец, потух от неизбежного сна.

Ударил он тогда своим мечом по скале, и полетели осколки камней, но неумолимой была гора.

«Здесь можно только дружить!» – услышал он заунывный нечеловеческий голос, который будто исходил из недр горы. И отступил он, поняв, что задача ему не по плечу.

Предчувствуя

Холодный туман сплошной пеленой объял землю. Уже с самого раннего утра каждый кустик, каждое деревце куталось в его широких одеждах, как маленький ребенок иногда примеряет на себя одежду родителя. Уже рядом с собой трудно было разглядеть хоть что-нибудь в белом ватном покрывале. Воздух то ли дрожал от озноба, то ли звенел. То и дело в нем мелькало что-то смутно знакомое, но разглядеть его никак не удавалось. Ощущения были странные и пугающие: словно весь мир, такой реальный и осязаемый еще вчера, вдруг пропал, канул в непроницаемую бездну, и только зыбкая, призрачная грань непроглядной завесы отделяла неосторожного путника от пустоты. Впрочем, путников было двое, и смелость их от того возросла и пересилила страх.

– Недружелюбны же к нам сегодня боги – так сгустили облака! – воскликнул первый из них, парень в простой крестьянской рубахе, туго подпоясанной истертым ремнем, в башмаках, вид которых был довольно жалок.

– Послушай, Моний, – спокойно ответил второй. – Взгляни на это по-другому. Сам посуди: как быть богам, как им узнать тебя, как им проверить твою волю?

На это Моний сильно вдруг скривился, глаза его, казалось, от удивления стали больше простоватого лица:

– Зачем же проверять меня? Ведь они же – боги, они и

так должны все знать обо мне и более меня! Что-то ты тут путаешь, Филон!

Филон, одетый в скромное облачение цвета черного, как ночь, в легких сандалиях походил на странствующего монаха. Его пронзительные глаза вглядывались в сплошное облако тумана, точно и вправду выискивали путь, как обойти пустоту. Ровное дыхание вырывалось из его груди и растворялось в воздухе.

– Послушай, Мониий, – повторил Филон, – ведь ты согласишься, что боги вдохнули в тебя жизнь?

– О да, конечно, как иначе?! – засуетился селянин.

– И с тем, что они дали тебе волю жить и мыслить так, как тебе хочется? – продолжал странник.

– Да ты за чудака меня совсем уж держишь! Пусть беден я и многим здесь подвластен, пусть посмеется надо мной любой богач, и кланяться, и пресмыкаться перед многими приходиться, и тело свое принуждать делать работу, за которую получаю больше плетей, нежели монет, но я так думаю, что воля моя принадлежит лишь мне одному!

Тут Мониий заулыбался, и улыбка теперь стала казаться шире, чем само лицо. И, видимо вспомнив что-то, разъяснил:

– Ведь знаю, что даже пред кем-либо пресмыкаясь и в поклоне рабском каждый день сгибаясь, в душе я насмехаюсь и презираю состоянье их и силу – никто о том из них и не ведает! Так что о воле этой я знаю. Что еще хотел сказать ты?

– Так вот же знай: вручив в твое владенье волю, боги потеряли власть над тобою! И от тебя лишь одного теперь зависит, как ты проявишь чудный дар! В ловушку попадешься иль в обман, иль, может, мудрость обретишь и станешь равным всем богам?!

Громкий смех Мония прокатился по размытой дождями земляной дороге, терявшейся в туманной дали. Окружающая долина проглотила деревенский хохот, как ночь глотает зримые очертания предметов. Моний сам испугался своей храбрости, что взялась невесть откуда. Но тут он вспомнил о своих страхах и мигом замолк. Да было поздно: призрачные тени погнали смех в такие дали, о которых не мог помыслить и сам его хозяин. Смех летел, как орел, – свободно и могуче, неся, как стрела, – стремительно и точно. Перед ним вспыхивали, как ночные огни, неожиданные препятствия, но уже через какую-то секунду они оставались далеко позади и таяли, как снег весной. Верхушки деревьев неодобрительно шептали ему вслед, низкие облачка пытались урвать себе кусочек его силы, но он мчался дальше, гонимый своей таявшей жизнью; терял звучность и веселость, задор молодости и уверенность зрелости. И где-то на окраине сумрачной долины, выдыхая последние звуки, он достиг неведомых ушей диковинного существа. Протяжный свист похоронил ненароком вырвавшийся на волю смех...

А путники продолжали свое путешествие, совершенно не подозревая о том, что они нарушили чей-то сон. Моний дер-

жался теперь гораздо скованнее, чем прежде, а Филон выглядел столь же невозмутимым. Ступали они осторожно, не спеша, опасаясь сбиться с пути и утратить зыбкую дорогу – единственный проводник в царстве обманчивых теней.

– И эта погода, – продолжал Филон, – скорее испытание для тебя, нежели наказание. Она есть такая, как есть и своим негодованием ты ее не улучшишь. Так что принять ее ты можешь по-разному: в твоих силах как навлечь на себя недовольство богов своим неудовлетворением их волей, так и обратить себе на пользу, стать сильнее и ловчее благодаря ней. Ведь если б не было преград и трудностей (как кажутся они тебе), как вырос бы ты? Да не в своих глазах (это всегда тебе под силу), но на самом деле?

Дорога между тем изменилась: неровными рядами по бокам выросли замерзшие яблони, мертвенно глядящие на путников; тропа стала шире, а местами покрылась неглубокими ямками – следами от коней каких-то крупных животных. Беспроглядное небо хмуро заполонило все до самого горизонта, где уже виднелись неясные проблески. Моний искоса оглядывал попутчика: унылое однообразие мира так не вязалось с легкой улыбкой Филона и его беззаботным лицом.

– Чему ты улыбаешься, добрый человек? – простодушно спросил селянин. – Я гляжу кругом и не вижу в этой спящей долине ничего такого, что могло вызвать хотя бы слабую улыбку. Я не говорю уж о тревогах, что роем кружатся среди нас и хотят сцапать, и уволочь в свои глубокие берлоги на

съедение страхам и беспокойствам.

Он ещё раз взглянул на него с каким-то потаённым страхом и несколько боязливо добавил:

– Мне приходят дурные мысли в голову... Твоя безмятежная улыбка так не вяжется с окружающим миром, что я думаю: уж не дома ли ты у себя?!

На спокойном лице Филона не дрогнул ни один мускул, и все той же непонятной радостью было оно отмечено. Филон взглянул и вполголоса молвил:

– А для тебя что дом родной? Клочок земли, что заключен, как узник, в четырех стенах и отделен от мира остального пучком соломы и распиленными дубами? А когда ты оказываешься в другом месте и строишь себе другой дом – уже ту землю ты называешь своим домом? Ведь так?

Моний послушно кивал головой, не находя что возразить, но все же добавил:

– Еще и ту землю, где я родился!

– Да, конечно. Конечно, и то место, где ты появился из чрева матери своей, ты считаешь своим домом. Но если б тебе не сказала о том твоя мать – ты б не знал, где родился. И не считал бы то место своим домом. Так ведь?

– Да, да! Все верно.

– А раз так, раз ты сам выбираешь землю и называешь ее своим домом, то признай: дом – это твой выбор.

– Охотно признаю.

– Ты ж любишь свой дом? – с блеском в очах спросил Фи-

лон.

– Еще бы! Именно сейчас я о том и мечтаю, чтобы скорей выбраться из этой долины и оказаться в тепле родного дома.

– Но это потому, что ты привязал себя к одному месту и не видишь уюта вне его стен. Но представь себе, что ты – кочевник...

– Я не хочу быть вместе с теми варварами! – прервал его Моний, не дав закончить мысль. – Мне целиком нравится моя жизнь!

Филон замолчал, подыскивая подходящие слова, и несколько минут они шли в полном молчании, и только ветер продолжал свою бессловесную речь. Картина не менялась: казалось, тропинка петляла по бесконечной долине, и выхода отсюда не найти.

– Давай тогда предположим, что ты – путешественник. Ты оказался в неведомой земле, и тебе надо перезимовать. Земля широкая лежит перед тобою...

– ...как эта равнина! – улыбнулся Моний.

– Да. Может и так. И каждый кусочек ее, каждое деревце – красивы и уютны.

– И везде можно построить дом?

– Да. Везде. Где б ты построил дом?

– Где-нибудь... как попадетсЯ, – ответил задумчиво Моний.

– И то ты назовешь домом, и то ты будешь любить, – подытожил Филон.

– Охотно! – согласился Моний.

– Не напоминает ли тебе такая любовь разменную монету на базаре, – продолжал он, – когда ты что-то купил, потратил деньги и должен теперь либо признать это хорошим и любимым, либо поступиться своим себялюбием и признать, что не все – хорошее, что принадлежит тебе (да и принадлежит ли?), и не все плохое, что не твое?!

– А разве не может то, что я купил, быть хорошим и любимым? – лукаво улыбнулся Моний.

– Может. Но каждый предмет имеет великое множество граней, а я лишь привел тебе пример. Конечно, может оказаться так, что ты полюбил землю не потому, что ты ее выбрал и построил на ней дом, расплатился монетой, – а потому обязан любить... Но разве ты не подтвердил, что будешь любить то, что назовешь своим домом?

– Да, – немного замаялся селянин, все еще не понимая, к чему клонит Филон.

– Тогда представь, что у тебя нет никаких возможностей выбраться из этой долины...

Моний так шарахнулся, что чуть не слетел с дороги. Лицо его было неотличимо от тумана. Филон же не остановился:

– Скажем, всю долину окружили враги, и попадись ты им в руки – тебе не миновать смертной кары. Твое спасение – лишь в одном: тебе надо переждать месяц в этой долине. Придется построить дом. Когда ты построишь дом – что ты сделаешь?

Филон с доброю улыбкой взглянул в глаза Мония, но так и не дождался от того «полюблю» – селянин все никак не мог прийти в себе от перспективы пожить месяц в этой долине.

– А у тебя не возникало чувства, что вся эта долина одинаково уютна?

– Да, да: серость и туман везде одинаковы.

– Так что тебе легко будет представить, как ты строишь дом на месте под названием «где-нибудь»... – под это определение сойдет и вот эта самая земля, по которой мы с тобой шагаем. Так что тебе мешает назвать это место своим домом и полюбить его?

Филон мягко улыбнулся и не мог не отдать должное изворотливости Мония, когда тот, минуту подумав, ответил:

– Хотя бы то обстоятельство, что я не окружен врагами в этой долине.

– И это тебе мешает любить? Но сам подумай – а то я могу тебе доказать – разве любовь зависит от того, насколько ты окружен врагами, и где они тебя застали?

– Нет. Не стоит. Лучше – смотри: мы, кажется, пришли!

И вправду: восклицание его было неслучайно. Горизонт впереди посветлел, туман стал гораздо реже, и через него уже проглядывались знакомые верхушки сосен и дубов.

А еще через десять минут они дошли до развилки дорог: один путь уходил вбок, другой – в гору.

– Что ж. Будем прощаться, мой интересный попутчик! Дальше наши пути расходятся: тебя ждет возвращение под

теплый и любимый кров, а меня дорога уводит в новые дали.

– Пойдем ко мне домой! Я тебя угощу за то, что вывел меня из этой мрачной долины, – добродушно отозвался Мониий. – Познакомлю с семьей. Посмотришь мой дом – сам увидишь, что грех его не любить!

Глаза Филона, казалось, говорили что-то неизъяснимое, но Мониий, переполненный радостью и восторгом, не слышал его.

– Не по дороге нам, Мониий, – с теплотой и кротостью ответил странник. – Ты искал уютную гавань, мой же путь лежит в безбрежный океан. Люби свой дом, Мониий, люби! Когда ты построишь корабль и отважишься на плаванье, тебе откроются бескрайние горизонты, и ни один туман тогда не сможет удержать твоего стремительного полета! Берегись только порывистых ветров – они будут стараться направить тебя на скалы, но ты вспомни о доме – и увидишь путь к нему. Счастливо, счастливо!

Мониий стоял, как вкопанный в родную землю, и непонимающим взглядом провожал Филона, удаляющегося по незнакомой дороге в неведомую даль.

Капля дождя

Ветра почти не было. Любой моряк назвал бы такую погоду несносной: практически полный штиль, и только дождь безжалостно хлещет, заливая улицы грязной водой. Сажа и дым городских труб не видны из-за отлогой стены, сотканной из тысяч и тысяч мелких, неразличимых для глаза, капель.

Свинцовые тучи, пришельцы из неведомых земель, громоздко давили на небо. Всей своей тяжестью, как атлеты-тяжеловесы, наваливались они на твердь небесную, но не могли сокрушить ее. И тогда, в порыве ярости, от бессилия и злобы, изливали они все свои страдания на одурманенную сном землю.

Брызги. Хлюпанье чьих-то промокших ног по лужам. Чей-то окрик за углом дома. И снова – это мерное «тук-тук-бульк-тук-тук», как будто что-то совсем живое сперва ударяется о проржавевшее железо крыши, а затем без сознания срывается в ледяную воду. Еще можно спасти его, стоит только набраться смелости и наперекор всему выбежать в пугающую темноту то безмолвной, а то – полной каких-то нечеловеческих голосов, улицы. Но на шаг отчаяния не хватает воли, и вот уже из другой комнаты доносится тонкий голосок мамы, такой родной и любимый, как песня безмятежного детства:

– Катя! Немедленно иди ужинать – остывает, и спать!

Девочка лет десяти, легкая, как перышко, в последний раз бросает взгляд на мутное окно, по которому бегут, струятся мелкие ручьи, оставляя за собой извилистые следы; вздыхает – так не хочется отрываться от той жизни, которую она заметила и – незаметно для себя – полюбила. Как бабочка, выпорхнула она из темной комнатки, небольшой, но уютной, оставив за плечами у себя узор иного мира...

Неповоротливые тучи медленно тянутся над городом, одна за другой низвергая на него бесчисленные слезы. Отсюда все видится совершенно иным: таким призрачным и игрушечным, ненастоящим – как мираж, как видения заблудшего в пустыне странника. Далекие крыши домов, как панцири неуклюжих черепах, и бледно-зеленые огоньки механической жизни, как обманчивые болотные огни, так неестественно смотрятся среди широты бескрайнего неба, как картина неумелого художника в дешевой и грубой канве.

Где-то далеко гроыхнуло. Сиреневатого цвета тучка содрогнулась и, не выдержав, обрушила на далекую землю искрящийся водопад из прозрачных брызг.

Земля все еще виделась, как огромное пятно, будто смешали воедино вязкую глину и пылающие угли костра. Воздух был так чист и приятен – пахло свежестью и силой, молодостью и верой в свою неповторимость. Океан туч, далекие игры незнакомых ребяташек – о, как удивителен их задор и резвость!

– Я обязательно подружусь с ними!

Грозный и заботливый родитель, провожающий в новую, неизведанную жизнь, полную незабываемых приключений, нависал немного сверху, все еще близкий и доступный.

– Ничего! Когда я вырасту – я тоже стану взрослым и большим!

Мир вокруг менялся очень медленно. Время тянулось до бесконечности: кругом было столько нового и незнакомого, и познание его сопровождалось неизменной и чистой, как луч солнца, радостью. Рядом проносились чьи-то лица: одни, влекомые непонятной силой, неслись к цели путешествия быстрее, другие – медленнее. И я, шутя, обгонял их, оставляя позади. Именно тогда ко мне впервые и пришла тревожная мысль: «А какова же цель моего путешествия, куда мы мчимся, пусть и с разной скоростью?» Но она была такой смутной и мимолетной, а чувство самого полета настолько захватывало дух, что ни о чем другом и думать не хотелось. Звонящий смех и яркое ощущение настоящей жизни, ее полноты переполняли меня. До всего остального мне не было дела.

Время летело незаметно. А я стрелой летел вместе с ним. Сколько так продолжалось – не помню, но постепенно стал замечать, что мир меняется: сперва был изумительно волшебным и сказочным, но как-то незаметно это чувство стало покидать меня. Я выросел, и эта взрослость стала пугать меня. Тогда единственное, чего я страстно желал, было – вер-

нуться назад, остаться маленьким. Я не понимал, чего жизнь от меня требовала, но желание мое только росло. Время текло, и я заметил: сам я как-то уменьшился, съезжился, но назад не вернулся ни на йоту – напротив, неодолимая сила все сильнее гнала меня вперед, к огромному огненно-глиняному пятну.

Да и воздух сам по себе изменился: дышать в нем становилось все труднее – он пересыхал, как ручеек в пустыне, становился суше и тверже. Так мало того: тысячи каких-то черных, зловещих песчинок стали кружиться в нем – несколько раз я даже больно порезался, пока не стал наблюдательней и не научился уклоняться от них.

Я многого не понимал, а неизвестные огни все приближались. Что-то заструилось в моем сердце, забило ключом и влагой. Во мне родилось горячее желание разобраться: что и почему происходит в моей жизни. Много времени ушло на изучение, наблюдения и размышления. Но оно было потрачено не впустую. Кое-какие тайны полета мне стали открываться. Я заметил, например, как ветер, пусть и слабый, влияет на силу и направление полета – в зависимости от того, какой стороной поворачиваться к нему; если я не мог изменить воздушные потоки, то я мог изменить свое отношение к ним – и я делал это! И поразительным образом жизнь моя менялась: вместе со знанием иная радость стала приходить в мое сердце и стремить душу мою к подвигам. Еще я обратил внимание на то, что сам воздух – неодноро-

ден: в нем есть как бы множество путей – такие своеобразные тоннели, по которым можно устремляться. И я дивным образом увидел: в некоторых из них, если долгое время двигаться по ним, кружили те самые болезненные шарики, о которых пришлось бы больно ударяться, а в других насколько мне хватало, их не было или было меньше, так что оставалась возможность для того, чтоб увернуться – а в этом я каждый раз старался себя все более совершенствовать. Не всякий раз это удавалось, но я не огорчился, а пытался понять: что надо было мне увидеть и понять, чтобы я не столкнулся с этими непонятными силами.

Так я жил, пока понял, что хочу поделиться своим знанием с кем-то еще, быть полезным, и хочу научиться тому, что еще не знаю. В поисках родственной души я стал присматриваться к тем, что летели повсюду. Их я при желании мог достичь. Но что я им скажу? Долгое время я боролся с собой, я поборол свои слабости и страхи, перестал тянуться назад, состязаясь с неодолимой силой. И, как ни странно, мое тело стало приобретать иные очертания – более красивые и более приспособленные для такого полета.

Настал день, когда я понял: я готов впустить в свою жизнь перемены. И они вошли.

– Привет! Тебя как зовут?

– Солия.

– А меня просто – Кап. Куда летишь?

– Не знаю. Мне просто нравится лететь. Я верю в Великую

Тучу – только ей одной ведома цель моего путешествия. Так зачем задумываться об этом?

– И тебя удовлетворяет такая жизнь? Вся эта сухость воздуха и зловещие песчинки, что ранят, и непонятное мерцание огней вдаль? Разве ты не хочешь во всем этом разобраться? Разве тебе не интересно, почему с тобой случается то или иное?! Разве тебе не интересно, куда и зачем ты летишь?

Солия так задорно засмеялась, что радужные переливы раскрасили ее прозрачное тельце удивительной красотой. Она улыбнулась, и я ответил ей улыбкой. Такого родства я ни с кем не испытывал, и оно было таким глубоким, что не вязалось с легкостью ее полета.

– Я верю в Великую Тучу и верю, что впереди – только хорошее ожидает меня!

Я долго летел с ней рядом. Солия оказалась интересной спутницей, так что я стал подумывать о том, как бы так лететь, чтобы наши пути были рядом. Мне то и дело приходилось выпучивать то одну часть своего тела, то другую, так, чтобы подлететь к ней поближе. О таких мгновениях я не жалел, но грядущее влекло меня все быстрее впереди, и я не мог и не хотел от него отказываться. Те далекие огоньки – они стали частью меня, моей судьбой. Чем больше я о них задумывался, тем все ясней их различал. Мой полет становился все стремительней, но Солия была все еще рядом.

Я многое узнал о ее жизни и вере. Узнал, что она верит в Великую Каплю – посланца Великой Тучи. Солия рассказа-

ла мне дивную историю – сама она ее услышала от своей бабушки – о том, что в незапамятные времена, когда мир был совершенно иным, Великая Капля летела вместе с другими и учила их тому, как овладеть искусством полета. Но многие не поверили и сплоченными усилиями в ярости и слепоте своей обрекли Великую Каплю на гибель. Но случилось невероятное, чудо: Великая Капля ожила и вместо того, чтобы падать, вознеслась к Великой Туче, возвещая всем: кто уверует в нее – тот будет спасен! Солия говорила, что уверовавший очистится от всех своих ошибок. Солия говорила, что таких, как она, очень много.

Говоря это, она летела по той же траектории, что и я, но чуть позади. Мне это показалось интересным, но я не стал вмешиваться в вопросы веры – другое еще больше меня интересовало: мое тело стало сжиматься, хотя сила, что влекла нас к тем огням, по идее должна была расширять нас все более. Тогда я догадался, что впереди – прямо на нашем пути – расположилось что-то очень крупное – и оно-то наверняка мешает движению влаги, и оттого я уменьшаюсь в размере! Я мигом сообразил, что избрал неверный путь и, еще не видя ничего, стал кричать Солии:

– Сворачивай, скорей! Это – опасный путь! В кого бы ты ни верила, а отвечать за избранный тобою путь придется тебе самой!

– Да нет! Я верую в Великую Каплю – она меня спасет, и я тоже вернусь к Великой Туче!

Все нарастающий свист ветра заглушал мои отчаянные крики и призывы. Все было бесполезно: Солия верила! Верила так, что сила ее веры могла соперничать только с ее слепотой. Ужасный для меня – по своему смыслу – звук становился все громче, все невыносимей. Я понял, что если не свернуть, то впереди нас обоих ждет неминуемое столкновение с чем-то сейчас неведомым, но что будет иметь роковые последствия. Сам я могу спастись, но как я продолжу свое путешествие без Солии – это я слабо себе представлял. Она неслась чуть позади меня. И тогда я отважился: напряженный вздох, тело мое стало плоским, сопротивление стало сильней, но я добился того, чего хотел – скорость моего полета уменьшилась. И вот я лечу одновременно и вперед, в неизвестную даль, и навстречу к Солии. Хочу помочь ей, пытаюсь схватить за руку, свести с опасного пути, но нет – крах всех моих надежд: она ускользает от меня, не поверив – и мчится туда, где не видит тьмы. Она впереди, уже далеко...

– Солия, Солия! – призывно я кричу, но мой клич остается не услышанным. Слова не достигают ее и возвращаются ко мне печальным эхом.

Еще мгновение – и я уже различаю вдали контуры неминуемого. Черная громада зловеще надвигается, сверкая острыми шипами своих игл. Неужели Солия летит с закрытыми глазами, неужели же не видит этой опасности, которую, несмотря на близость, все еще можно миновать?!

Голодная тень закрыла полнеба, собираясь проглотить

мою милую спутницу – а я ничем не могу ей помочь. С невыразимым состраданием сворачиваю я на иной путь, ловя нисходящие струи ветра.

Я закрыл глаза, не в силах увидеть то, что, кажется, не пережил бы. И все растворилось, пропало в сумраке ночи...

Чудо жизни

Утро теплело и набиралось жизни. Пышные кроны вечно-зеленых деревьев шумно вздыхали. Лес наполнялся неслышанными звуками. Полоска алой зари простиралась над ним и словно укутывала его утренней негой.

Диковинно блестели капельки замерзшей воды на молодой, полной пробуждающихся творений, земле. Так, почти на самой поляне, свободной от неподвижных исполинов леса, из-под талого снега пробивался хрупкий росток юной, удивленной и взбудораженной жизни. Перед ним открылся необъятный горизонт прежде невиданного мира. И этот мир чудился ему милей всего: легкий ветерок колыхал его тонкий стебелек из стороны в сторону, будто играя с ним; лес веял на него бесконечным разнообразием ароматов, звуков, тайн.

Приветливое весеннее солнышко вспыхнуло огромным желтым шаром тепла и какой-то неосознанной радостью, что переполнила все его существо. Затрепетали маленькие листки и потянулись навстречу: к ним мчались задорные искорки света.

Лучики коснулись леса, и он весь зардел. Лучики коснулись земли, и земля широко вздохнула. Один из лучиков, смелый и отважный, задержался у стебелька, привлеченный его искренним желанием познать новый мир.

Стебелек задрожал от удовольствия: наконец-то он мог с кем-то поговорить!

– Ты кто? – с надеждой затрепетали его листки.

– Я – луч света, посланник из дальних миров, – ласково улыбнулся тот в ответ.

– А что ты принес? – недоуменно спросил стебелек, взглянув из темноты.

Вместо ответа лучик забегал, запрыгал по его листикам, стебельку, закружился в неизреченном танце красоты и радости.

И такое тепло вошло в стебелек, что он позеленел от неудержимого чувства благодарности; весь мир, казалось, преобразился в одно мгновение – расцвел невиданными красками; все кругом прояснилось. Прояснился и он сам – стал таким ярким и звучным, что впервые задумался и не удержался от вопроса:

– А кто я такой, и зачем пришел в этот мир? Помню, еще вчера меня здесь не было, как вдруг я оказался среди этих трав, кустов и деревьев; меня разбудил ветер. Но кто я?

Он оглядел себя. Чувства били из него ключом молодости и силы.

– Ты подарил мне тепло и свет, любовь и надежду: благодаря тебе вся моя жизнь преобразилась. Но что я могу сделать для мира, как могу ему служить? Я хочу поделиться тем теплом и светом, той любовью и надеждой, которые ты мне подарил, которые вдохнул в меня!

Лучик задорно улыбнулся:

– Это – бесценный дар жизни, жемчужина, истинное сокровище! Неси его бережно и осторожно, не упускай возможности – и чудом будет полна твоя жизнь!

И он упорхнул. Умчался дальше, отраженный от свежей травки, от блестящей росы. В своей самоотверженности и самоотречении понесся он дальше, к другим росткам жизни, даря им тепло и любовь – весть дальних миров – до тех пор, пока не отдаст и последнюю каплю, став частью этого мира.

Стебелек смотрел ему вслед с благодарностью, что не знала границ: он познал одну из беспредельных тайн жизни.

Утро казалось таким долгим и нескончаемым: он узнал столько всего нового, поделился своей радостью и открытиями со всеми теми лучиками, что прилетали к нему из неведомого далека. Открытый миру, он перезнакомился и подружился со всеми теми ростками жизни, что окружали его. Даже зелено-игольчатые ели и высокие хмурые сосны покровительственно слали ему приветы. Его приняли в братство леса. Его окружали истинные друзья. Ушастые зайцы и прыгучие белки прибегали к нему: любовь покоряла все сердца.

Целая вечность, казалось, минула с его появления на свет.

Солнце в зените поливало его благодатью, и стебелек искренне тянулся к нему.

Лес стал для него родным домом. Он так и не узнал пока, откуда явился и зачем. Кого ни расспрашивал, никто не мог ответить. Но он не терял надежды – напротив, с тем большим

рвением стремился он узнать ответ.

Дружно общался он с каким-то красненьким жучком, как вдруг почувял перемены: скоро его жизнь изменится! Громыхающие звуки доносились издалека, будто по лесу шагал великан. Звуки не стихали, но становились громче и как бы приближались.

Листки стебелька задрожали от предвкушения нового знакомства – ведь это была еще одна возможность узнать тайну и смысл своего появления в этом мире. Минуты ожидания показались невыносимыми. Не зная, что он не может сдвинуться с места, он искал того, кто шагал по лесу. И невозможное становилось возможным: стебелек приближался к нему! Вот сперва появилась крохотная, еле различимая светло-серая фигурка смутных очертаний. Но по мере приближения он все ясней различал того, к кому двигался. Значит, его поиски не были напрасными: вот кто поведаст ему о тайне! То было не очень высокое существо – гораздо ниже, чем знакомые ели и сосны, хотя и гораздо больше, чем сам стебелек. Его стебли раздваивались где-то посередине и диковинно болтались. Но удивительней всего были его глаза – в них отражалось само сердце, и они горели каким-то неземным огнем.

Стебелек весь так и выпрямился в ожидании чуда. Невольно шептали его листки:

– Поведай мне о жизни! Дай ключ к познанию себя!

Существо озиралось, словно высматривая что-то на зем-

ле, среди зелени трав и старых веток, обломков бывлой молодости.

Наконец, его взгляд обратился на стебелек. Существо остановилось и в восхищении – это читалось в его глазах – потянулось к самому стеблю.

– О! Вот тебя-то я и искал! – эхо прокатилось по лесу.

Стебелек весь стал вниманием; соки побежали по его телу. Как вдруг что-то хрустнуло у самого основания, возле самой земли – там, где соприкасаясь с зеленью трав, он уходил в глубину матушки-природы. Что-то оборвалось, там, внизу. И стало каплями юной жизни орошать благодатную землю. В глазах помутилось, а мир, казалось, потерял свои строгие очертания и завращался, как тот смешной жучок, когда упал на землю лапками кверху. Небо и земля поменялись местами, а лес стал неузнаваемым из-за тряски – да и сам он тоже перевернулся.

Стебелек чувствовал, как что-то уходит из него, что-то покидает его. Но эта утрата была где-то далеко – перед разрешением вопроса о тайне его жизни все прочее отступало на второй план.

Он не помнил, сколько времени прошло, как долго он странствовал, а земля была пред очами. Только лучи солнца стали багровыми, как кровь, а земля вместо живой и отзывчивой, стала неумолимой, как камень, и холодной, как лед. Взор его потух.

Когда он очнулся, то первое, что завладело им, было це-

лое море, океан из капелек росы. Стебелек его наполовину оказался погружен, укутан влагой – и он пил со смертельной жадностью, как умирающий путник без воды в пустыне. Он пил до изнеможения, и холодная, не такая живая, как в лесу, жидкость разбежалась по его листочкам.

Увиденное потрясло его, и токи любви заструились в воздухе, наполнив комнату незримыми надеждами. Это было самое прекрасное, что он видел в жизни. Не вымолвить того восторга и той отверженности, с которой он дарил свое тепло и любовь, даруя счастье и мечту. Между ним и той, что нюхала его и восхищалась им, будто установилась некая связь, созвучие, в котором звучали их сердца. Он искренне думал о ней и желал ей того добра и смысла, который искал сам. Он любил ее, и любовь стала тем смыслом.

День за днем, теряя силы, радовался он вместе с нею солнцу, что стало каким-то стеклянным, и буйным кронам деревьев, которые потеряли запахи и звуки. Все здесь казалось ему не живым, искусственным. Все, кроме одного – кроме того сердца, что билось в этой юной груди и еще не утеряло тот изначальный звук, импульс, что обрело при рождении, еще не стало механическим и бездушным.

В последние мгновения своей жизни он дарил ей свою любовь, не ожидая взамен ничего. Невыразимой радостью светилось его существо, но свет этот был незрим для нее среди отмирающих лепестков, ставших сухими, темно-зелеными, скрученными. Но сам он в последнюю минуту жизни, когда

стебель его содрогнулся в последних конвульсиях, был живее многих живых, и смерть была не властна над ним.

Тайна его появления на свет открывалась перед ним. Завеса падала, мир погружался во мрак, но иной свет наполнял его.

Сон

– Как, разве не прекрасно чудо жизни,
живущее с тобою день за днём?

– О чём ты говоришь?

Его не вижу...

Быть может, осветить нам тьму огнём?

– Огнём? Огнём разгонишь ли?

– А чем?

– Огнём души скорее.

Ночь кутала всё в призрачное платье. Слова слетали с губ.

И где-то в вышине, средь поднебесной рати, блестели искры.

– Далёкие огни...

– То души тех, которые сгорели?

Не дрогнула земля.

– Нет. Души тех, которых восхитили. Их свет не вынесла
б земля – на небо поместила – не для спасения себя, но ра-
ди тех, кого родила: как страждущая мать, что молит небо о
прощеньи, беззвучно сострадает непониманию сынов и до-
череЙ, и длани тёплые с любовью всем им простирает, да ма-
ло кто внимает.

Зашумели леса. Ветры буйные промчались: кто-то тихо
охнул. Но трава принесла, сохранила тот вздох.

И глаза улыбнулись, милосердно смотря.

– Вздох новой жизни, иного рожденья.

– Ради чего же?

– Людям служенье – это ль не смысл его появленья?

– Сам он не ведает о приключеньи – трудно принять судьбы приношенье.

– Судьбы ли? Что есть судьба? Не его ль это борьба зла и добра?

Крики совы раздалась в тиши – облаком смерти сорвалась в ночи. Где-то раздался писк мыши последний – унёс его ветер, нездешний, неместный.

Плеснула вода совсем-совсем близко.

– Чую нутром: здесь что-то не чисто.

– Всё тебе чудится, всё тебе мнится: чисто – не чисто – тебе здесь родиться...

– Я не просил...

– ... велела судьба – это ль не сила жизни твоя?!

Задумался, тихо качая главой на ветру.

Мирно проплыл лебедь в пруду.

Стало всё ясно, понятно ему. Как поутру распускаются листья, так зашуршал хвалебно камыш тот.

Радость спустилась со звёздного неба; мирно светились деревья планеты. Ночь убаюкала жителей дня.

– Мирно спите и вы все, друзья!

Склонив головы с сыновним почтеньем, в сон камыши погрузились, затихли все мненья.

Облегчённо вздохнула страданий земля: спят в кроткой радости её сыновья.